

Г.С.Котанджян

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ КОНСЕНСУСА — КОНФЛИКТА

**Цивилизационный аспект
национальной безопасности**

**Москва
1992**

RUSSIAN ACADEMY OF ADMINISTRATION
FOUNDATION OF NATIONAL
AND INTERNATIONAL SECURITY
RUSSIAN ASSOCIATION OF THEORY AND MODELLING
OF INTERNATIONAL RELATIONS

HAYK S. KOTANJYAN

**ETHNOPOLITOLOGY
OF CONSENSUS – CONFLICT**

Civilizational aspect of national security

Second edition

Moscow Looch 1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ФОНД НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ТЕОРИИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. С. КОТАНДЖЯН

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ КОНСЕНСУСА – КОНФЛИКТА

Цивилизационный аспект национальной безопасности

Издание дополненное и переработанное

Москва “Луч” 1992

Котанджян Г.С.

Этнополитология консенсуса — конфликта: Цивилизационный аспект национальной безопасности. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Луч, 1992. — 213 с.

В монографии рассматриваются национально-этнические факторы обеспечения стабильности в жизни государства. Излагаются подходы к формированию новой отрасли политологии — теории этнополитики, исследующей проблемы национальной безопасности.

Книга адресована политологам: преподавателям, аспирантам и студентам, интересующимся вопросами этнополитики и этнополитологии.

© Котанджян Г.С., 1992

*От Юга приходит буря,
от Севера — стужа.*

Библия, Глава 37, Иов

*Господь обоих Западов
и Господь обоих Востоков.*

Коран, Сура 55, Милосердный

Карель

Памяти Георгиевских кавалеров —
моего деда Арарата Авосяна,
деда моего деда Сотника Мелкона,
их соратников — донских и кубанских казаков,
а также интернациональным братьям по Аргану:
армянам Норату Шер-Григорьянцу,
Тазису Григорьяну и Артушису Арутюнянцу,
грузину Нодару Тсоргадзе,
донскому казаку Леониду Генералову,
аварицу Омару Муртазамеви,
русским Леониду Шершневу, Эдуарду Спанунову
и Валерию Сидорову,
ингушам Магомеду Парамульгову и Руслану Агушеву,
татарину Фихрату Табееву,
еврею Иосифу Кобзону,
кубанскому казаку Юрию Дидрову,
чеченцу Сираджеддину Бекову,
белорусам Василию Кёрису и Сергеем Собрыву,
азербайджанцу Саману Мамедову,
украинцам Вячеславу Денисенко и Степану Дзюбе,
осетину Семёну Оздоеву,
таджикцу Сайфуддину Киёзову,
курду Асо Худояну,
пуштуму Зафар Хану — посвящается.

О МОНОГРАФИИ

Перед вами книга, а вернее свод небольших самостоятельных исследований, объединенных одной идеей—анализом многотрудного пути, по которому развивались национальные и в особенности этнополитические отношения. В этом и главное достоинство книги, которое в то же время органически сочетает поиск истины в далеко не бесспорных ситуациях.

Но несомненно одно: мы имеем дело с оригинальным, творческим исследованием, исследованием насколько привлекательным, настолько и неординарным.

Я думаю, что читатель с большим интересом ознакомится прежде всего с оценками генезиса идей этнополитики и этнополитологии. Для него раскроется удивительный мир поиска истины, кристаллизации положений, находящихся на грани национальных и политических проблем. В современных условиях, когда сама объективная реальность по-иному поставила эти старые и вечно новые вопросы, потребовалось новое осмысление научных выводов и практической жизни. Обострение межнациональных отношений, вспышки вражды, дискуссии, доходящие до применения оружия, вызвали к жизни и новые понятия, которые воплотили в себе эти новые грани реальной жизни.

Автор смело вводит в оборот и умело использует такие понятия как этничность, этноцентризм, этнонационализм, этнонациональный, этнополитический конфликт и др. И главное в том, что это не простые упражнения досужного ума—это плод длительных размышлений над реальностями бытия.

Автор, понимая, что многие вопросы этнополитического конфликта—консенсуса нельзя понять из объяснения самого понятия, вводит читателя в более широкий мир, в котором можно было бы найти более точное и верное место этим проблемам. Это проблема цивилизации или, как говорится в исследовании,—цивилизационного подхода. Здесь много новых постановок вопроса—как уже получивших некоторое освещение (например, рассмотрение Запада как материально-ориентированного, а Востока—как духовно-ориентированного мира), так и до новых аргументов в пользу смещения противостояния с оси “Запад—Восток” на другую ось “Север—Юг”, что подтверждается самой логикой событий в современном мире.

Но и этим не исчерпывается подход к рассмотрению проблем цивилизации.

Автор анализирует и другие точки зрения, другие формы классификации, среди которых особое место занимает анализ интегрирующих и дифференцирующих функций цивилизации и как они соответственно проявляют себя в решении национальных проблем.

В процессе анализа автор выходит на вопросы внутрицивилизационных и межцивилизационных отношений, являющихся базой для защиты “прав человека” и нашедших отражение во “Всеобщей декларации прав человека”.

То, что происходит интенсивный процесс изменения современного общества, никем не оспаривается. Но в каких терминах его описать? Используемые ранее понятия “революция”, “эволюция”, “изменения” не являются, по мнению автора, достаточно адекватными для объяснения существа происходящих преобразований. Поэтому им используется термин “модернизация”, который по сути более точно отражает процесс постепенности перехода от традиционного общества к современному. Именно термин “модернизация” дает возможность объяснить сущность перемен, обусловленных многомерными изменениями во всей системе общественных отношений.

Анализ автором этих проблем на примере развития многих государств и народов, в особенности СССР–СНГ, показывает возможность нетривиальных решений, которые подсказали сама жизнь, поиск ученых, сопоставление и оценка возможных путей развития.

Несомненно, что многие аспекты этой проблемы базируются на изучении опыта своей Родины–Армении, чьи радости и боли он так близко принимает к своему сердцу.

В книге привлекает материал, освещающий современные проблемы на стыке этноса–религии–политики. Пласт проблем, накопленный веками, как никакой другой, характеризует не только сложность взаимоотношений народов, освященных национальными и политическими знаменами, но и роль национальных интересов в определении их судьбы, судьбы человечества, судьбы цивилизаций. Автор с присущим ученому тактом останавливается на этнополитических проблемах взаимодействия двух великих религий–христианства и ислама, показывая их роль, их влияние и значение в обеспечении консенсуса или в воздействиях на конфликт.

Эта чрезвычайно тонкая ткань человеческих отношений способна пробудить высоты нравственности или породить чудовищные преступления,

что, к сожалению, история знала неоднократно. Автор предупреждает об опасности игнорирования проблем, в которых самым причудливым образом соединились национальные, религиозные и политические аспекты жизни многих народов и многих регионов мира. Автор осмысливает все многообразие данных проявлений в Закавказье, Средней Азии и Прибалтике, пытаясь найти общее объединяющее, что позволяет выявить некоторые закономерные тенденции развития этнополитических процессов.

Отдельно можно рассматривать материал об Афганистане. Это слишком трагичное и кровавое место в этнополитических процессах. Нельзя об этом рассуждать со стороны. Именно опора на личный опыт способствовала тому, что автор так глубоко и тонко прочувствовал всю сложность, противоречивость и парадоксальность ситуации, которая породила горькие издержки во взаимоотношениях между народами, между двумя странами. Порочность, гибельность, недальновидность решения о так называемом “ограниченном вводе войск” в Афганистан практически сразу же поставили перед политиками и учеными вопрос –как выйти из тупика. Но попытки паллиативных решений лишь усугубили проблему, лишь осложнили жизнь не только двух стран-соседей, но и всего мирового сообщества.

“Уроки Афганистана”–так бы, возможно, следовало назвать соответствующую главу, в которой автор проанализировал весь суматошный опыт афганской войны, принесший позор и бесчестие всем политикам, внесшим “свой вклад” в догматическое видение мировых реалий.

И наконец, оригинальность книги заключается в том, что автор постоянно пытается спрогнозировать развитие этнополитических процессов, заглянуть в будущее, поощрить гуманное и предупредить о возможных и ожидаемых издержках. Эти выводы у него представлены как в отдельных главах, так и в заключении.

Не со всеми прогностическими выводами автора можно согласиться, но несомненно одно: они плод обстоятельного и скрупулезного анализа тех процессов, которые происходят в этнополитических отношениях как в определенных регионах, так и во всем мире. Бесспорен один авторский вывод-прогноз: этнополитология находится на стадии становления и начального этапа развития. На этом пути нас ждут еще много больших и маленьких открытий, которые, я надеюсь, будут способствовать цивилизованному решению национальных и межнациональных проблем.

И в заключение еще два соображения.

Первое. Выводы автора имеют не только локальное значение. Они применимы в более широком контексте этнополитических процессов, происходящих в мире.

Именно широта взгляда позволяет автору прийти к выводам, которые имеют значение для науки и практики не только для многострадальной истории наших стран.

Второе. В обращении к читателю от имени рецензента не принято говорить о личности автора. Но здесь следует сделать не просто исключение, а именно дополнение, ибо без краткой характеристики его жизненного пути и впечатление от книги будет неполное. Как бы я хотел представить автора, которому по плечу оказались такие смелые, неординарные суждения и выводы? Кто он?

Кибернетик и обществовед, посвятивший много лет организации науки и образования, воспитанию молодежи. Именно искреннее, добросовестное отношение к политической работе сделало его одним из борцов за справедливость в Армении (борьба с коррупцией во властных структурах). В то же время опыт аналитико-управленческой работы в Афганистане заставил его подойти к осмыслению проблем, в первую очередь, с позиций истины, а не доктринальных установок политиков. Он был организатором науки и высшего образования, руководил системой профтехобразования Армении, работал в крупных индустриальных и сельскохозяйственных регионах, выполнял политические-дипломатические и военно-политические миссии. Руководил эвакуацией семей, пострадавших от армянского землетрясения, вел переговоры с воюющими сторонами и обустроивал беженцев из мест вооруженных конфликтов. И везде плодотворно, с гуманитарных позиций.

доктор философских наук, профессор

 Ж. Т. Тощенко

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется интенсивными и бурными социальными изменениями. Их важное проявление – стремительный рост национального и этнического самосознания. Национально-этнический фактор жизни общества стал важным условием обеспечения стабильности в жизни государства, причиной многих тяжелых кризисных явлений и конфликтов. Все это обостряет внимание международного исследовательского сообщества к проблемам личной, групповой, государственной, национальной безопасности.

Особенностью достижения и сохранения стабильности, гражданского согласия стало осознание необходимости достигать решения конфликтов путем выявления и учета всех существующих точек зрения. В ряде сложных ситуаций типа Ольстера, Приднестровья, Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии поиск конструктивных решений на путях демократической процедуры голосования, т. е. выявления воли большинства в принципе мало продуктивен. Таким способом решения конфликтов становится принцип, метод и механизм консенсуса.

Актуальность консенсусной технологии решения этнополитологических проблем просматривается через совокупность проблем национальной безопасности. При таком подходе не должен быть упущен ни один реальный аспект безопасности самой маленькой нации, этноса, не может быть упущена безопасность гражданина: то есть безопасность любой другой нации признается как важнейшее условие безопасности своей нации.

Актуальность исследования этнополитологических проблем национальной безопасности определяется также следующим обстоятельством. В реальной практике политической жизни, например, пока не укоренилось понятие “национальная безопасность”. Ключевое понятие “безопасность” в принятом 5 марта 1992 г. законе Российской Федерации “О безопасности” определяется как “состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз”¹. Таким образом сохраняется своеобразное “табу” на систематизированный политико-социологический и политологический анализ состояния безопасности через этнополитологическую проблематику. Тем самым значительная совокупность социологического материала может быть незаслуженно отодвинута на задний план, а также некорректно отражена в политологии.

---

¹ Закон Российской Федерации “О безопасности”. “Российская газета”, 6 мая 1992 г., с. 5.

Важность изучения избранной проблемы диктуется и трагическим опытом участия СССР в войне на территории суверенного Афганистана, что повлекло тяжелые утраты для населения этой страны и негативные последствия для всех сторон жизни России, других суверенных государств, входивших ранее в СССР. Умение предвидеть подобные конфликты, своевременно искать пути оптимальных средств их разрешения – реальная и необходимая исследовательская задача.

Формирование на основе анализа войны в Афганистане целостной научной этнополитологической концепции могло бы обеспечить методологическое единство всех уровней анализа этнополитических реалий, сформировать модель многоуровневого анализа проблем межцивилизационного контакта.

“Наложение” этой многогранной модели на советское общество позволило бы рассматривать Советский Союз в качестве своего рода идеологической цивилизации, вместе с тем не утратившей историко-культурную неоднородность, в частности, в конфессиональном отношении, и распадавшейся в процессе “перестроечной модернизации” на “советские христианскую и исламскую субцивилизации”, при, казалось бы, полной несовместимости такого сочетания. Структура каждой из них определяется сложным государственно-национальным (на уровне союзных республик) и административно-этническим (на уровне автономий всех типов) составом. Сложное переплетение разнообразных общественных связей – политических, идеологических, экономических, социальных, психологических, культурных – в процессе глубокого и динамичного преобразования общества делает исследование, а тем более прогнозирование процессов этнонационального развития в стране, как свидетельствует неудачный опыт значительного числа и советских, и зарубежных работ, особенно затруднительным.

При обращении к проблеме контакта христианской и исламской цивилизаций в их “самостоятельных”, глобальных вариантах, поиски возможного межцивилизационного консенсуса могут вестись на базе сходства – различия ориентаций исламской и христианской традиций на ценности, лежащие в основе признания равенства и защиты прав человека. Обобщая объективные предпосылки преимущественно консенсусного развития межцивилизационного контакта христианского и исламского обществ, прежде всего как конкретных государственных образований, мы выявляем роль секуляризма и фундаментализма в качестве основных полярных подходов к месту и роли ислама в политико-правовой теории и практике мусульманских государств. В современных условиях от выбора одной из этих установок зависят процессы конвергенции или дивергенции цивилизационных систем христианского

Запада и исламского Востока. Секуляризм, трансформируя единую ареально-цивилизационную систему исламского права и политики в национальные системы правового регулирования внутривнутриполитических и внешнеполитических отношений государств, открывает возможность для взаимопроникновения цивилизационных ценностей в процесс модернизации традиционных обществ. Данный путь дает возможность через внедрение в государственное право мусульманских государств норм международного права осваивать либерально-демократические стандарты защиты прав и свобод человека. Сближение позиций в понимании общечеловеческих ценностей, лежащих в основе правозащиты человека, – вот один из возможных наиболее обобщенных критериев оценки конвергентности развития модернизированных западных и модернизирующихся восточных цивилизаций.

Исследовательская инструментальность концепции конвергентности – дивергентности цивилизационных систем с достаточной, как представляется, полнотой, может быть реализована при анализе одной из наиболее выраженных форм конфликта в контакте мусульманской уммы с миром “неверных” – джихада или “священной войны”. Таким образом, приобретает особую актуальность выработка методологии многоуровневого цивилизационного анализа, что позволило бы дополнить разработанную и в западной литературе, и в исламской традиции модель джихада анализом существенных особенностей межцивилизационного и внутрицивилизационного конфликта на ареально-цивилизационном и национально-государственном уровнях войны, а также этнополитической специфики перманентной межплеменной войны.

Обширная отечественная и зарубежная литература посвящена освещению конкретных явлений и процессов этнонационального характера в их сложном взаимодействии с основными факторами общественного развития: экономическими, политическими, социальными, психологическими, культурными, демографическими и экологическими. Круг проблематики зарубежных авторов определяется ориентациями на преимущественно конфликтные аспекты национальных движений при особом внимании к их социальной детерминированности, а также политической и идеологической практике. Это работы М. Паренти, Р. Рокетта, Дж. Ротшильда, П. Ван ден Берге, Д. Котце, Дж. М. Йингера, Ч. Кейеса, М. Нэша, Ю. Рецлера, Дж. Стэка, Л. Снайдера, М. Гектера, Т. Нейрна, М. Блэка, Г. Зоннерта, Н. Глейзера, А. Смита, К. Уильямса и других.

Конкретно-теоретические подходы отечественной науки в этой области представлены, в первую очередь, работами этносоциологического профиля, нового, сформировавшегося вокруг изысканий Л. А. Дробижевой, С. А.

Арутюнова и др. в последние десятилетия направления в изучении этнических процессов у народов СССР в современности при междисциплинарном сотрудничестве этнографии, истории и социологии.

Серьезные разработки были предприняты учеными различных специальностей – философами, историками, этнологами, культурологами, политологами – в осмыслении культурологического аспекта всемирно-исторического развития, по анализу своеобразия динамики цивилизаций в истории человечества. Для выявления цивилизационной специфики этнополитических, в том числе конфликтологических аспектов этих проблем особое значение имеют работы М. А. Барга, Н. И. Конрада, С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромлея, Б. С. Ерасова, Э. С. Маркаряна, А. В. Журавского, Э. И. Скакунова и др.

В 1991 – 1992 гг. были опубликованы первые статьи, монографии, журналы, сборники, близкие по содержанию теме нашего исследования. Отметим цикл статей А. К. Гливаковского по этнополитологическим проблемам национальной безопасности России², монографию О. Б. Мухамметбердиева “Национальное самосознание (социо-психологический анализ)”³ и новый журнал “Конфликты и консенсус”⁴.

События в межнациональной сфере, произошедшие и происходящие на рубеже 1980 – 1990-х гг., показали, что уровень и глубина разработанности теоретических вопросов современных национальных процессов в отечественной науке не отвечают насущным потребностям общества, прежде всего в силу недостаточного в условиях доктринальности советского марксистско-ленинского обществоведения анализа проблем, связанных с категорией национально-этнического развития, понимавшейся слишком упрощенно из-за нераскрытости соотношения закономерностей стадийного и особенностей локально-исторического характера.

Конфликты, кризисы, угрожающие безопасности этнических отношений государств и цивилизаций, составляют часть реалий человеческого бытия, и умение идентификации объективных, стихийных факторов, а также тех, обусловленных рациональной человеческой деятельностью, что в социальной философии принято охватывать интегративным понятием “субъективный

---

² См. А. К. Гливаковский. Перестройка и цивилизационный фактор в СССР. “Кентавр”, 1991, № 3; *его же*: Национальная безопасность России и геополитика. “Кентавр”, 1991, октябрь–декабрь; *его же*: “Империя зла” развалилась – что дальше? Статья первая. “Москва”, 1992, № 1.

³ См. О. Б. Мухамметбердиев. Национальное самосознание (социопсихологический анализ). М., 1992.

⁴ См. “Конфликты и консенсус: Прикладная политология”. М., 1991, № 1.

фактор”,- является актуальной потребностью как политической науки, так и практики.

В связи с разрушительным потенциалом этнополитических конфликтов и многомерной сложностью его экстремальных проявлений рабочая гипотеза исследования предполагает возможность междисциплинарного и многоуровневого исследования содержания и механизмов функционирования рассматриваемых конфликтов с использованием эвристических возможностей цивилизационного подхода. Для обеспечения надежных результатов этнополитологического изучения экстремальных межцивилизационных контактов предполагается совмещение методов их фундаментального теоретического анализа и включенного авторского наблюдения за их функционированием.

В качестве цели данного исследования рассматриваются определение проблематики этнополитологии как обществоведческой отрасли теоретических и практических знаний об этнополитических процессах и явлениях, в абрисном очерчивании ее аппарата и предмета; разработка комплексной методологии изучения конфликтно-консенсусной динамики контакта между модернизирующимися и модернизированными цивилизационными системами. В качестве инструментального концепта данной методологии рассматривается авторская версия цивилизационного, многоуровневого анализа этнополитических явлений.

Цель исследования реализуется постановкой и решением следующих научных задач:

1. Осуществить понятийный анализ и описание этнополитологической проблематики посредством аналитического описания проблем консенсуса – конфликта в процессе межцивилизационного контакта.
2. Разработать аналитико-управленческий инструментарий методологической апробации технологий по разрешению этнополитических проблем с целью коррекции этнополитической практики, подготовки и принятия решений, связанных с обеспечением внешней и внутренней национальной безопасности.
3. Провести верификацию исследования теоретико-методологических гипотез и концептов двуединости феномена конфликта – консенсуса на примере анализа конкретных процессов и явлений.

Объектом исследования является политическая реальность жизни СССР 80-х – начала 90-х гг. XX века, противоборствующие силы, действовавшие в афганской войне.

В качестве предмета исследования выступают политические институты и процессы, связанные с конфликтами, поиском консенсуса, модернизацией,

собственно цивилизационный процесс, контакт цивилизаций, процесс становления и обеспечения национальной безопасности.

Теоретической и методологической основой исследования являются работы отечественных и зарубежных политологов, социологов, философов и правоведов, историков. Автор, занимаясь данной темой более десяти лет*, считал для себя необходимым разработку самостоятельной научной позиции, возможно дискуссионной.

Научная новизна монографического исследования состоит:

- в реализации возможности междисциплинарного цивилизационного анализа этнополитики консенсуса – конфликта в модернизирующихся этносоциальных системах;
- в раскрытии эвристического этнополитологического потенциала гуманитарного знания, накопленного политологическими дисциплинами; в исследовании методологических и методических подходов и средств интенсивного осмысления конвергентных и дивергентных потенций цивилизаций, контактирующих друг с другом в режиме “конфликта – консенсуса”;
- в апробации реализуемости этнополитологических теорий на разных уровнях и состояниях цивилизационной динамики при использовании инструментария идентификации “консенсуса – конфликта”, в разработке методологии выбора технологий обеспечения гражданского согласия, миротворчества и, в конечном счете, национальной и международной безопасности; в разработке реальных труднопредсказуемых внутренних и внешних этнополитических сценариев развития кризисных ситуаций;
- в осуществлении комплексного теоретического и прикладного исследования двуединого консенсусно-конфликтного процесса внутрицивилизационного и межцивилизационного контакта;
- в анализе роли церковно-конфессиональной деятельности в формировании консенсусных предпосылок для этнополитического регулирования межцивилизационных контактов на примере двух цивилизационных систем, таких как христианство и ислам. В рассмотрении историко-этнополитологических оснований и модернизационной динамики политико-правовых институтов христианского и мусульманского миров, что позволит выделить в качестве инновации основные этнополитические механизмы их конвергенции – дивергенции как несущих конструкций искомого консенсуса;

---

* Автор приступил к этнополитическим-этнополитологическим разработкам с началом своей миссии советника-посланника ЦК КПСС и аналитика в Афганистане (1982 – 1983 гг.).

– в раскрытии на примере авторской аналитико-управленческой деятельности* сложности взаимодействия этнополитологии и этнополитики в условиях социальных катастроф. Особое внимание уделено анализу особенностей сотрудничества в кризисных ситуациях между исследователями и политиками, а также специфике сопряжения в одном лице исследовательских интересов, предполагающих относительную свободу этнополитологического поиска и интерпретации результатов, с другой стороны, политика, чаще всего вынужденного строить свою этнополитическую практику на основании политических доктрин и директив, предписываемых со стороны субъектов принятия решений;

– новизну представляет анализ специфики применения методик полевого политологического и политико-социологического исследования консенсусно-конфликтного потенциала отношений вооруженной конфронтации между субъектами тотальной войны и джихада в Афганистане с последующей разработкой и применением сценариев достижений “вооруженного консенсуса”.

Теоретико-методологические положения и идеи, развиваемые в исследовании, докладывались и обсуждались на международных, всесоюзных и региональных научных, научно-практических конференциях, семинарах, совещаниях, проверялись и корректировались в процессе переговоров и экспертиз со специалистами, политическими и военными деятелями. Среди них можно выделить следующие международные мероприятия.

Политологический семинар молодых политических лидеров СССР и США, секция “Американо-советские отношения вокруг региональных конфликтов современности” (Аннистонский университет, Алабама, США, 1987 г.); Международное совещание СБСЕ “Человеческое измерение”, секция “Этнонациональные конфликты” (Москва, 1991 г.); Международное совещание “Демократизация общества и военная безопасность”, секция “Человеческое измерение военной безопасности” (Москва, 1992 г.); Тбилисская международная встреча ветеранов афганской войны по урегулированию межнациональных конфликтов на Кавказе (Тбилиси, июнь 1992 г.).

Всесоюзные мероприятия: оргдиагностика кризисного управления во всесоюзном и республиканском масштабах ликвидации последствий землетрясения в Армении (Ленинакан, 1988 г.); Всесоюзная организационно-деятельностная игра “Зона свободного предпринимательства” в Армянской

---

* Аналитико-управленческую деятельность в Афганистане автор вел в сочетании миссий аналитика и советника.

ССР (Ереван, Цахкадзор, 1989 г.); Всесоюзное совещание по проблемам межнациональных отношений в ИМЛ при ЦК КПСС (Москва, 1989 г.).

Региональные мероприятия: Вторая конференция Армянского отделения Советской социологической ассоциации. Научная сессия (Ереван, 1986 г.); Июльский и Декабрьский пленумы ЦК Компартии Армении (Ереван, 1987 г.); переговорный процесс между правительственными делегациями Армянской и Азербайджанской ССР по проблемам обустройства беженцев – жертв погромов в Сумгаите (Раздан – Ереван, 1988 г.); Депутатское расследование вооруженного конфликта между подразделениями ВВ МВД СССР и гражданским населением Степанакерта (Степанакерт, НКАО, 1989 г.); Организационно-деятельностная игра “Стратегия национального развития” (Бюракан, 1990 г.); Методологический семинар “Устойчивость развития: проблемы внутриполитической стабильности – региональный и союзный аспекты” (Иркутск, ВЦ СО АН СССР, 1991 г.).

Мероприятия научных центров и организаций: Постоянный экспертный семинар Центра методологии международных исследований Дипломатической академии МИД СССР, Научное заседание по теме “Советская политическая система: от тоталитаризма к демократии” (Москва, 1990 г.); Методологический семинар Ассоциации теории и моделирования международных отношений. Методологический семинар-экспертиза по теме “Факторы возникновения этнонациональных конфликтов и социальные технологии их разрешения”, Институт социологических исследований АН СССР совместно с Институтом философии АН СССР (Москва – Востряково, 1991 г.). Постоянный экспертный семинар ЦММИ ДА МИД СССР. Заседание по теме “Цивилизационный подход и проблемы модернизации советского общества” (Москва, 1991 г.); Научно-методологический семинар ЦММИ ДА МИД СССР и ЦСИ АОН при ЦК КПСС по теме “Этнонациональный конфликт: концепция, структура, методология” (Москва, 1991 г.).

Практическая значимость и реализация исследования выражаются в том, что прикладные, в том числе полевые, исследования, рекомендации и разработки сценариев этнополитической практики в период пребывания в ДРА служили составной частью официальных докладов политического руководства советнического аппарата, а также использовались для ориентирования деятельности политических и военных специалистов, работавших в ДРА в 1982 – 1983 гг. Среди них аналитические разработки и доклады: “Краткая характеристика некоторых исламских контрреволюционных организаций и основных направлений их подрывной пропаганды” (Кабул, август 1982 г.); “Контрреволюционные партии и организации, ведущие борьбу против

народной власти ДРА, и их идейно-политические платформы” (Кабул, март 1983 г.); “О задачах профсоюзной организации по дальнейшему повышению: эффективности деятельности аппарата партсоветников” (Кабул, 22 марта 1983 г.).

Результаты включенного наблюдения за военно-политической обстановкой в ДРА использованы для прекращения вооруженной борьбы между оппозицией и властями в рамках разработки нового политического курса “национального согласия”. Данные результаты аналитико-управленческой деятельности реализованы: в переговорах о перемирии между воюющими сторонами в зоне влияния командующего Панджшерским фронтом Ахмад Шаха Масуда (Чарикар, Анава, Руха, Гульбахор, 1982 – 1983 гг.); во включении авторской разработки “Схема ориентирования мероприятий по обеспечению перехода вооруженных отрядов хазарейского населения на сторону народной власти на примере предложений по склонению к сотрудничеству бандформирований Сайида Джаграна” в методический инструментарий курса “на национальное согласие” и подготовку первой Джирги командиров отрядов вооруженной оппозиции, перешедших к сотрудничеству с народной властью (Кабул, март 1983 г.).

Отдельное место в обосновании значимости исследования может занять реализация его результатов в урегулировании социальной напряженности, обусловленной Карабахским конфликтом и армянским землетрясением. Среди этих мероприятий: участие в многоэтапных переговорах между правительственными делегациями Армянской и Азербайджанской ССР по обустройству беженцев – жертв погромов в Сумгаите; руководство районным штабом по урегулированию конфликтных отношений между армянскими беженцами, местным армянским азербайджанским населением; в целом успешное политико-правовое решение задачи по организованному взаимобмену квартир переселяющихся из республики в соседнюю республику армянских и азербайджанских семей (1988 г.); формирование и контроль за функционированием средств народной дипломатии по мирному урегулированию взаимоотношений между дислоцированными в Разданском районе воинскими подразделениями специального назначения СССР и гражданским азербайджанским, а также армянским населением. Создание и демократическое делегирование некоторых совещательно-управленческих прав “круглому столу” переговоров между представителями оппозиционных сил и официальных властей (Раздан и Чаренцаван, март 1988 г.).

Результаты анализа кризисного управления обстановкой, сложившейся после землетрясения в Армении, были реализованы в организации Всесоюзного

штаба по эвакуации семей, пострадавших во время землетрясения, в составе которого автор координировал взаимодействие республиканских и союзных гражданских, а также военных служб в роли уполномоченного ЦК Компартии Армении (декабрь 1988 г.–март 1989 г.). Выводы и предложения по результатам конфликтологического анализа этнополитических процессов в СССР, в том числе в Закавказском регионе, представлены в официальных записках члена ЦК КПА и депутатских запросах депутата Верховного Совета Армянской ССР: “О проведении референдума в НКАО”; “О необходимости возобновления прерванной сессии Верховного Совета Армянской ССР”; “О политическом диалоге с оппозицией”; “К вопросу о социал-демократической перестройке КПСС”; “О целесообразности проведения организационно-деятельностной игры “Зона свободного предпринимательства” (1988 – 1989 гг.); “Сравнительный политико-правовой анализ материалов парторганов компартий Армении и Азербайджана в ходе подготовки XXVIII съезда КПСС” (1990 г.).

Некоторые выводы этнополитологической разработки проблем “консенсуса – конфликта” применены в урегулировании вооруженного столкновения колонны ВВ МВД СССР с мирным населением Степанакерта 10 октября 1989 г. Результаты реализованы совместно с Комитетом особого управления НКАО в расследовании и успешном умиротворении сторон при осуществлении автором миссии руководителя выездной бригады комиссии Верховного Совета Армянской ССР в Нагорном Карабахе (Ереван – Степанакерт, ноябрь 1989 г.).

Отдельные результаты изысканий проблем этнополитического конфликта и политической стабильности под руководством академика АН СССР В. М. Матросова, профессоров Э. И. Скакунова и Ж. Т. Тощенко воплощены в процессе подготовки научно-исследовательских проектов ЦММИ ДА МИД СССР “Этнонациональный конфликт” и “Стабильность” (1990 – 1992 гг.), а также материалов ЦСИ АОН при ЦК КПСС.

Глава 1

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Новый этап в истории нашего общества, в который вступила страна со второй половины 80-х годов XX в., положил начало коренным изменениям многих сложившихся в СССР фундаментальных общественных структур и связей, вызвал к жизни и привел в движение механизмы социального взаимодействия, способные видоизменить складывавшиеся на протяжении десятилетий некоторые тенденции социального, в том числе национально-этнического развития. Одним из первых результатов происходящих в обществе перемен стали повсеместный бурный рост национального и этнического самосознания, развитие национальных движений различного характера и оттенка, обострение межнациональных противоречий вплоть до острых конфликтов, потрясших страну. Национально-этнический фактор жизни общества выдвинулся в ряд феноменов, привлечших всеобщее внимание как политиков и ученых, так и широкой общественности.

Катастрофический распад СССР, трудно предсказуемое будущее СНГ, острота и глубина национальных противоречий с особой силой и наглядностью подчеркнули, с одной стороны, необходимость фундаментальной теории, способной объяснить происходящие процессы, с другой же – острый дефицит подобных исследований, несмотря на обилие публикаций по национальной проблематике, созданных как отечественными, так и зарубежными обществоведами.

§ 1. ПРОБЛЕМАТИКА И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Термин “этнополитика” может быть отнесен к числу научных и публицистических неологизмов: его начали использовать относительно недавно, в 1960-е годы. Американский политолог М. Паренти, в частности, применил его, выясняя взаимосвязь между этнической принадлежностью и политическими приоритетами людей⁵.

Начиная с 1970-х годов исследования такого рода стали все больше ориентироваться на признание социальной основы национальных процессов.

---

⁵ См. *M. Parenti. Ethnic politics and persistence of ethnic identification. “The American political science review”, 1967, Vol. 61, № 3.*

Расширение круга исследований, формирование присущих им специфических концептуальных подходов способствовали появлению нового целостного направления в западном обществоведении – этнополитологии*.

В традиции научной терминологии, принятой в отечественной литературе, представляется более логичным и точным рассмотрение “этнополитики” лишь как феномена реальной политической жизни и объекта изучения со стороны “политической науки”. Образование же и использование терминов, раскрывающих научно отраженные, познанные стороны “этнической политики” и относящихся к системе знаний о данном феномене, целесообразнее осуществлять по модели оппозиции категорий “политика”–“политология”.

С точки зрения потребностей частнонаучных обществоведческих сфер с предложенным подходом выстраиваются два ряда понятий. Один из них – этнополитика, этнополитический и т. п. – отражает реальные феномены политической жизни этнических групп. “Оппозиционный” ряд составляют такие понятия как этнополитология, этнополитическая социология, этнополитическая психология, этнополитическая конфликтология и т. п.

В начале 1980-х годов американский исследователь Р. Рокетт связывал формирование предметной области этнополитики с процессом изучения этноспецифических групповых черт меньшинств, таких, в частности, как стремление к единству и общее самосознание⁶.

Его соотечественник и коллега, профессор Колумбийского университета Дж. Ротшильд подчеркивал, что внимание исследователей “никогда не было сосредоточено только на этнической идентичности или этнокультурных ценностях самих по себе, но прежде всего на их возможной (хотя далеко не неизбежной) политизации, проявляющейся в виде столкновения и урегулирования, без чего они переходят в насилие”⁷. Таким образом, по мнению автора “Этнополитики”, этапной, по оценкам специалистов, работы в формировании концепций этнополитологии, положения и понятия которой нашли широкое применение в исследованиях проблем этнонациональных движений и конфликтов, в центре внимания данной дисциплины – “политическое измерение и политико-структурное содержание этничности”⁸.

---

* Следует отметить, что в англоязычной научной литературе используется термин Ethnopolitics (этнополитика), эквивалентный русскому “этнополитология”.

⁶ См. R. Rockett. Ethnic nationalities in the Soviet Union. Sociological perspective on a historical problem. N.Y., 1981, P. 11.

⁷ J. Rothschild. Ethnopolitics: A conceptual framework. N.Y., 1981, P. 247.

⁸ Там же.

Профессор социологии и антропологии Университета Дж. Вашингтона П. Ван ден Берге выявляет еще одну сферу предметной области этнополитологических исследований. Как он считает, главное в этнополитике – взаимоотношение государства с этническими группами, находящимися в неравном положении. Не связывая неравенство только с экономическими различиями этнических групп, основным в этнополитических взаимоотношениях автор считает вопрос власти. “Таким образом, этническая политика является приложением власти, особенно государственной власти, к группам, определяемым и дифференцируемым этнически или антропологически (по расовым признакам)”⁹. Поэтому изучать этнополитику – это значит изучать простую, утилитарную и материалистическую аксиому общественного интереса, состоящую в том, что любая политическая игра – это использование власти для удовлетворения эгоистических интересов.

Сам термин “этнополитика” предполагает, что в качестве главного действующего лица здесь выступает этническая общность (этническая группа), преследующая определенные политические цели. Следует иметь в виду, что в западном обществоведении наряду с понятием “этническая группа” широко применяется концепт “этничность”, более многозначный, обозначающий не только определенную общность людей, но и этническое самоопределение, этническое своеобразие, что дает возможность достаточно гибко маневрировать им в тех ситуациях, где заметную роль играет этническая специфика меньшинств. Именно этот основной “персонаж” этнополитики – “политизированную этничность” – Дж. Ротшильд определяет как новое действующее лицо на политической арене, несущее угрозу существующим общественным институтам и государству в целом¹⁰.

Вместе с тем не следует упускать из виду, что в различного рода конфликтных ситуациях не меньшую, чем этнические группы, роль играет само государство, а если учесть и его более широкие материальные, политические, военные и другие ресурсы, то оно выступает, по крайней мере, в качестве равного субъекта этнополитики.

В процессе определения субъектов этнополитики западные обществоведы пришли к необходимости совершенствования ранее принятого терминологического аппарата, недостаточно полно учитывающего всю сложность и многообразие этнополитических ситуаций, для которых важнейшее значение

---

⁹ P. Van den Berghe. Protection of ethnic minorities: A critical appraisal. “Protection of ethnic minorities”. N.Y., 1981, P. 2.

¹⁰ См. Дж. Ротшильд. Ук. соч., с. 7.

имеют параметры: кому противостоят “политизированные этничности”?; чьи интересы они затрагивают?

Привычным представляется ответ, опирающийся на тезис о том, что этнические меньшинства конфликтуют с государством, противореча его интересам. Помимо государства еще одним действующим лицом в этнополитике выступает нация, обычно определяемая как политически осознанная этническая общность, заявляющая право на государственность.

Нация и государство при всех своих сущностных отличиях могут отображаться в едином понятии “нация-государство”, в случае, когда государство состоит почти исключительно из представителей одной нации. Значительную часть государств составляют многонациональные и многоэтнические¹¹.

Понятие “нация-государство” нашло поддержку у широких кругов западных социологов и политологов в ходе его всестороннего научного обсуждения, хотя подходы специалистов к определению такого субъекта этнополитики как нация продолжают оставаться неоднозначными. Некоторые исследователи характеризуют нацию как самосознаваемую политическую общность¹². Сохраняют свою актуальность социологические трактовки, по которым нация – это “социальный феномен коллективной жизни, с определенным уровнем межсубъектного сознания, не сводимый только к объективным условиям своего существования (территория, социальная структура, общность происхождения, язык, культура) или другим уровням межсубъектного сознания”. Здесь “нация” отождествляется с “обществом” по достаточно развернутому спектру характеристик¹³.

Симптоматично сведение к “политической сущности” понятия нации южноафриканским политологом Д. Котце (Стелленбошский университет). В трактовке этого исследователя, нация – это группа людей, считающих себя политическим единством и стремящихся к политическому самоопределению, то есть к созданию собственного суверенного независимого государства¹⁴.

При всех оттенках в трактовке понятия “нация” западные политологи едины в признании ее неразрывной связи с государственно-политическим

---

¹¹ См. P. *Van den Berghe*. The ethnic phenomena. N.Y., 1981, PP. 6 – 8.

¹² См. B. *Anderson*. Imagined communities: Reflection of the origin and spread of nationalism. L., 1983, P. 15.

¹³ См. E. *Tiryakian*, N. *Venitte*. Nationalism and modernity. N.Y. New nationalism of the developed West. Boston etc., 1985, PP. 65 – 66.

¹⁴ См. D. *Kotze*. Nationalism: A comparative study. Cape Town: Tafelberg, 1981, PP. 6 – 8.

образованием. Достаточно убедительным свидетельством в пользу такого вывода могут, во всяком случае, служить такие массовые и популярные на Западе издания, как политологические справочники, в которых термин “нация-государство” стал уже общепризнанным.

Еще большее разнообразие в зарубежном обществоведении присуще подходам к определению понятий “этническая группа” и “этничность”. Внимание самых широких научных кругов к этим явлениям было привлечено в 1970-е годы, период бурного “национального возрождения” в развитых странах. Вместе с тем, по оценкам специалистов, в 1970-е годы произошла глубокая трансформация таких форм социальной организации традиционных обществ как племена, отдельные поселения, изолированные общины в этнические объединения, что сделало этничность “всеобщим феноменом”¹⁵. Изучение его потребовало разработки новых подходов, прежде всего междисциплинарных, с участием таких дисциплин, как социология, антропология, история, политология, психология.

При частнонаучной специфике и различиях в уровне теоретического обобщения единым для всех определений этничности моментом выступает осознание противопоставления “мы – они”.

Американский профессор социологии и антропологии Дж. М. Йингер в середине 1970-х годов предложил такие критерии определения этнической группы: “1) данную группу считают отличной от других по сочетанию следующих черт: язык, религия, раса, родина предков и культурное наследие; 2) члены группы также считают себя отличными от других, и 3) они участвуют в общей деятельности на основе общего происхождения (реального или мифического) и общей культуры”¹⁶. Каждый из этих факторов, обращает внимание Йингер, является переменным; поэтому на основе такого определения можно разработать “шкалу” этничности – от “полной” до “нулевой”.

Широкое определение этнической группы дает в своей работе “Диффузия национализма: некоторые исторические и социологические перспективы” А. Смит: “Этническая группа представляет собой объединение, которое заявляет об общем для всех своих членов происхождении и общей истории и которое, в силу этой традиции, имеет общие черты культуры и общую территорию, а также характеризуется чувством солидарности между членами

---

¹⁵ См. *B. Williams*. Class act: Anthropology and race to nation across ethnic terrain. “Annual review of anthropology”. Palo Alto (Cal.), 1989, Vol. 18, P. 422.

¹⁶ *J. M. Yinger*. Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterological factors. “The uses of controverse in sociology”. N.Y., L., 1976, P. 200.

группы. Такого рода историко-культурные образования существовали с эпохи неолита и, пока религия определяла культуру, героический миф происхождения у таких групп тесно переплетался с чувством божественного предопределения и более высокого, по сравнению с другими группами, достоинства¹⁷.

Культурологический подход к определению этничности сохранил свои позиции в исследованиях 1980-х годов. Так, американский антрополог Ч. Кейес считает, что именно анализ культурного наследия позволит ученым выявить “изначальное качество” этничности, которое проявляется как потребность в постоянном наличии культурной специфики, признаваемой всеми членами общества. Для Кейеса изначальное качество этничности определяется “фактом рождения” в определенной системе и в наличии постоянных критериев культурной дифференциации¹⁸.

Одно из наиболее “развернутых” антропологических определений этничности конца 1980-х годов принадлежит крупному американскому ученому М. Нэшу. По мнению ученого, в современном мире этничность наиболее ярко выражается в трех своих проявлениях. Главным ее “символическим маркером” служит название (самоназвание), функционирующее в целостной системе аналогичных названий. Такая система не только “очерчивает” границы групп, но и фиксирует их субординацию, экономический, политический и моральный статусы.

Обычным маркером этнических границ служит также “набор” культурных элементов, включающий системы родства; устойчиво сохраняемые группой особенности питания; религиозный культ. “Это своего рода метафора единства крови, материальных основ жизни и божества. Данная триада является определяющей в дифференциации этнической группы, поскольку она не только маркирует границы такого рода групп, но и отличает их от всех других видов социальных объединений. Вторичную по своему значению триаду указателей образуют особенности внешнего облика (антропологические характеристики, специфика одежды) и язык, осмысленные в общем культурном контексте¹⁹.”

При междисциплинарном исследовании этничности возможно “двойное”, одновременно культурологическое и ситуационное, определение этнической группы. Так, согласно дефиниции А. Коэна, этническая группа – это “общ-

---

¹⁷ A. Smith. The diffusion of nationalism: Some historical and sociological perspectives. "Brit. J. of sociology". L., 1978, Vol. 29, № 2, P. 245.

¹⁸ См. Б. Уильямс. Ук. соч., с. 419.

¹⁹ См. М. Nash. The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago, L., 1989, P. 12.

ность людей, разделяющих определенные нормы поведения и составляющих часть более широкого социального целого”²⁰. Этническая группа вступает во взаимодействия с другими общностями в рамках единой социальной системы.

Такой подход предполагает соотнесение этничности с социально-классовыми характеристиками общества. Спектр мнений по этому вопросу в западном обществоведении очень широк. Уже в начале 1970-х годов предпринимались попытки рассматривать этничность и классовое деление общества как две формы социальной стратификации, между которыми возможны как конфронтация, так, и нередко, мирное сосуществование в соответствии с историческими, эколого-технологическими и политическими условиями²¹.

В целом же для западной обществоведческой литературы 1970 –начала 1990 годов, особенно политологической, характерно гораздо более жесткое противопоставление категорий “этнического” и “классового” с признанием приоритетной роли первой из них. Показательна в этом отношении оценка этнополитической ситуации в восточноевропейском регионе (без СССР) Ю. Рецлера. Исследователь утверждает, что в 1980 году в Восточной Европе этнические различия вытесняют классовые в связи с высокой степенью развития этнического сознания, которое преобладает над классовой идентичностью, особенно в условиях внешней угрозы²².

Уязвимое для критики, особенно с позиций марксистского положения о неантагонистической природе классов при социализме, высказывание западного политолога тем не менее говорит само за себя.

Быстрый рост в 1980-е годы числа исследований по проблемам этничности, раскрытие ее значения для политических и экономических параметров социальной организации общества, совершенствование исследовательских методик неоспоримо свидетельствуют о гораздо более сложном, чем это представлялось раньше, соотношении таких социальных реалий, как “класс”, “раса”, “этничность”, “культура”.

Уже упоминавшийся американский исследователь А. Коэн, например, особое внимание уделяет роли этничности в “политике стратификации” современного индустриального общества, когда участие группы в “разделении

---

²⁰ Б. Уильямс. Ук. соч., с. 416.

²¹ См. L. A. Despres. Toward a theory of ethnic phenomena. “Ethnicity and resource competition in plural societies”. P., 1975, PP. 187 – 207.

²² См. J. Rezler. Economic and social differentiation and ethnicity. “Ethnic diversity and conflict in Eastern Europe”. Santa Barbara (Cal.): ABC-Cliv., 1980, PP. 280 – 281.

общественного труда” и часть получаемого в зависимости от этого дохода во многом определяют ее позиции в обществе²³.

Связанная с политикой и классовой принадлежностью, экономикой, культурой и этносом этничность не может быть политической, экономической или культурной в своем проявлении в различного рода конфликтах, или всеми одновременно, считает М. Нэш²⁴.

У этнической группы как субъекта этнополитики американский социолог Дж. Стэк наиболее важной особенностью считает выраженную групповую принадлежность (или идентичность) и высокую психологическую ценность этнических уз. Этническая группа, по мнению исследователя, может служить действенным инструментом в борьбе за власть, статус, благосостояние²⁵.

Действия этнической группы могут иметь самый широкий диапазон: от культурных мероприятий чисто символического характера до жесткого доминирования во всех социальных сферах в соответствии с этническим делением того или иного общества. Во внутригосударственной борьбе этническая группа может соответствовать политическому классу и демонстрировать форму классовой борьбы, усиленную этнической идеологией²⁶.

Подходы к пониманию сущности идеологий, которыми субъекты этнополитики обслуживают свои внутривнутриполитические и внешнеполитические интересы, также формируются в различных научных дисциплинах. При этом сложилась традиция разграничения идеологий, связанных с политикой “нации-государства”, с одной стороны, и “этнических групп” в составе полиэтничных государств – с другой.

В западной политологии идеологии, отражающие этнополитические интересы нации-государства, обычно раскрываются понятием “национализм”.

Следует обратить внимание на существенные различия в научных и пропагандистских традициях толкования этого термина в западной и отечественной политических науках и практике. На наш взгляд, в западной политической науке “национализм” менее, чем в советской политологии, нагружен пропагандистскими негативными оценками и стереотипами. Поэтому в нашей политолого-публицистической литературе значению

---

²³ См. Б. Уильямс. Ук. соч., с. 414.

²⁴ См. М. Нэш. Ук. соч., с. 127.

²⁵ См. J. Stack. Ethnic groups as emerging transnational actors. “Ethnic identities in a transnational world”. Westport (Conn.), 1981, P. 18.

²⁶ См. М. Нэш. Ук. соч., сс. 5 – 6.

“национализм” в западной традиции соответствуют такие термины, как “этнический эгоцентризм”, “шовинизм”, “этнический экстремизм”. Понятие же “национализм” на Западе скорее всего референтно “национально-освободительному движению” или “патриотизму” в трактовке отечественной научно-политической литературы.

Профессор Нью-Йоркского университета Л. Снайдер, отмечая разночтения в употреблении термина “национализм”, пишет о необходимости междисциплинарного подхода к исследованию национализма в контексте таких широких социальных процессов, как “модернизация” и “мобилизация”. При разнообразии трактовок, модернизация в западном обществоведении в наиболее общем плане предстает как этап, связывающий две стадии в развитии человечества – традиционную и современную, представляя собой переходный период, являющийся “единственной исторически реальной революцией”, по мнению сторонников этой концепции.

Л. Снайдер рассматривает национализм как часть модернизации, которая началась в Западной Европе, а затем распространилась на весь мир. По мнению исследователя, национализм можно рассматривать как особую форму социальной мобилизации, посредством которой связи индивида расширяются с ограниченного местного до национального уровня. Этот вид социальной мобилизации, хотя он может различаться по второстепенным признакам в разных странах, составляет сущность национализма.

Снайдер, используя категории, сложившиеся в западном обществоведении – политической науке, социологии, психологии, – разработал классификацию частнонаучных дефиниций феномена “национализм”.

В контексте политологии ученый выделяет “угнетенный национализм” и “ирредентистский национализм” (народов, требующих освобождения от господства других народов и присоединения к родственной ветви, проживающей в нации-государстве того же народа); “предупреждающий национализм” (вызванный конкуренцией между современными национальными государствами, форма национализма, близкая к империализму); “престижный национализм” (подчеркивающий славное историческое прошлое и требующий соответствующего отношения). Снайдер, очерчивая круг политологических определений, подчеркивает, что хотя “национализм чаще всего находит свое проявление в сфере политики, в его глубине коренятся мотивирующие экономические факторы, которые определяют его содержание и направление”²⁷.

---

²⁷ Л. Снайдер. Ук. соч., с. 37.

Выводы исследователя в определенной мере близки к марксистскому осмыслению коренных факторов, определяющих и движущих национализм. Основу национализма как идеи и исторического движения, по мнению Л. Снайдера, составляет “национальный суверенитет”.

Политическую сущность современного национализма связывает с понятием суверенитета и Ж.-Ж. Шевалье, профессор, член Совета Международного института политической философии. По его мнению, психологический динамизм идеи нации и национальности вызывает возникновение у национальной общности доминирующего и консолидирующего чувства непреодолимой необходимости достичь уровня суверенной политической организации и тем самым занять вместе с другими нациями равноправное положение в международном сообществе²⁸.

Во многом аналогично содержание понятия “национальность” как право на территорию, равенство с наиболее мощными нациями, вся “атрибутика” суверенного и независимого народа, трактуется М. Нэшем²⁹.

Именно этот аспект идеологии и политического поведения, основанный на принципах суверенитета, необходимости защиты неотъемлемых прав и культурной самобытности, как правило, доминирует и в определениях этнонационализма как национализма этнических групп в многонациональных государствах. Так, Ф. Шиллз, в частности, определяет “этнонационализм” как стремление этнического меньшинства, проживающего в одном государстве или разделенного политическими границами, к осуществлению самоуправления³⁰.

При всем разнообразии взглядов западных обществоведов на основные субъекты и понятия этнополитики, они едины для всех социальных реалий, относящихся вместе с тем к числу наиболее изменчивых и поэтому сложных для определения с любой точки зрения: научной, политической, повседневной, бытовой, наконец. Кроме того, в любом из подходов явно прослеживаются две тенденции: с одной стороны, максимального выявления качественной специфики этничности среди социальных объединений, с другой стороны, исследуются различные аспекты проявления этничности во всех сферах жизнедеятельности современного общества: политической, экономической, социальной, культурной, психологической.

---

²⁸ См. *J. Chevallier*. L'idée de nation et L'idée d'état. “L'idée de nation”. P., 1969, P. 56.

²⁹ См. *М. Нэш*. Ук. соч., сс. 5 – 6.

³⁰ См. *F. Shills*. Introduction. “Ethnic separatism and world politics”. L., 1984, P. 1.

Дискуссии, развернувшиеся среди различных авторов по вопросам о субъектах этнополитики, свидетельствуют о нацеленности данного направления политологии, в первую очередь, на объяснение роли этничности как политического фактора во взаимоотношениях между нациями-государствами и проживающими на их территории этническими группами; между различными этническими общностями внутри многонациональных государств, а также в межгосударственных отношениях. В процессе формирования в западной политологии общей теории этнополитики особое внимание уделялось проблемам причинности этнонациональных движений, решение которых могло бы стать основой научного прогнозирования развития межэтнических взаимоотношений в мире.

В 70-х годах особое внимание вызвали труды политологов, попытавшихся выявить причины национальных движений в Великобритании. Предложенная профессором Университета им. Дж. Вашингтона М. Гектером концепция внутреннего колониализма, названная по заголовку книги ученого: “Внутренний колониализм. Кельтская окраина в британском национальном развитии, 1536 – 1966”³¹ – получила широкое признание в западном общественном образовании.

М. Гектер тесно увязывает проблемы неравномерности социально-экономического развития с этническими различиями населения единого государства. Основное внимание исследователь уделяет политическому конфликту между центральным правительством и этническими периферийными группами в процессе модернизации многонационального государства.

Усиление различий в уровне социально-экономического развития этнонациональных групп М. Гектер объясняет неравномерными темпами индустриализации многонационального государства, или, иными словами, неравномерной модернизацией этнонациональных групп. Согласно модели внутреннего колониализма, преобладающая группа стремится стабилизировать и монополизировать свои преимущества. “Включение периферии в общегосударственную экономическую систему вызывает не сближение контактирующих этносов, а скорее этносоциальную стратификацию, неравное положение между представителями ядра, занимающими верхние ярусы социально-классовой пирамиды (торговля, финансы, предпринимательство), и местным населением, составляющим основной источник рабочей силы”³². М.

---

³¹ *M. Hechter*. Internal colonialism: The Celtic fringe in the British national development. 1536 – 1966. L., 1975, PP. 13 – 18.

³² “Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока”. М., 1991, с. 46.

Гектер подчеркивает складывание системы “культурного разделения труда–системы стратификации, в рамках которой объективные культурные различия совмещаются с классовыми”³³. Таким образом, значительное экономическое неравенство между представителями разных этнических групп, осознаваемое как коллективное этнонациональное угнетение, становится причиной формирования и проявления этнонациональной солидарности.

С точки зрения детерминации этнонационального конфликта концепция “внутреннего колониализма” позволяет выделить “триадную модель” его возникновения: 1) объективная обделенность этнических периферийных групп многонационального государства в процессе его неравномерной модернизации; 2) осознание этой обделенности членами этнической группы как образа коллективных центрo-периферийных взаимоотношений угнетения; 3) формирование этнонационализма периферийной группы как реакции угнетаемого коллектива на “внутренний колониализм” центра. Эта модель содержит в себе возможность толкования оснований этнонационального и этнополитического конфликта с позиций общей конфликтологии, согласно которой конфликт определяется как специфическое соперничество за обладание представляющими для всех участвующих сторон дефицитными ценностями.

Своего рода вариантом концепции “внутреннего колониализма”, объясняющим детерминированность этнополитического конфликта неравномерной модернизацией “ядра” и этнонациональной “периферии” в мультиэтническом государстве, можно считать концепцию “неравномерного развития” Т. Нейрна, директора Шотландского международного института в Эдинбурге. По мнению ученого, этнонационализм и этнонациональный конфликт являются неизбежным результатом навязывания менее развитым районам страны образцов более развитого центра.

Т. Нейрн приходит к выводу, что “по мере того, как капитализм распространялся и подчинял древние общества, приходившие в соприкосновение с ним, они обычно распались на отдельные части вдоль “линии разломов”, содержащихся внутри них”. Само собой разумеется, подчеркивает Т. Нейрн, что эти линии почти всегда были линиями этничности, хотя в некоторых хорошо известных случаях глубоко укоренившиеся религиозные разграничения могли выполнять ту же функцию³⁴.

---

³³ М. Гектер. Ук. соч., с. 30.

³⁴ См. Т. Nairn. The break-up of Britain: Crisis and neocolonialism. L., 1977, P. 16.

Предвидя возражение в том, что далеко не все национальные периферии, требовавшие политического признания, были менее развитыми, чем национальные территории “ядра”, Т. Нейрн уточняет, что экономическое неравенство – это лишь один из видов неравномерного развития.

Не вдаваясь в подробности полемики других западных политологов с М. Гектером и Т. Нейрном, отметим, что их увлечение социально-экономическим детерминизмом, что давало основания их оппонентам причислять исследователей к неомарксистам, помимо положительных знаний о модернизационной причинности этнонациональных конфликтов, порой приводит концепцию к монистическому детерминизму. Действительно, очевидно, что концепция “внутреннего национализма” не дает убедительных объяснений таким примерам, когда этнонациональный конфликт возникает там, где нет выраженных различий в экономическом развитии между доминирующим центром и его национальными окраинами, и отсутствует там, где такие различия имеют место. Широко критикуемая в зарубежном обществоведении концепция, тем не менее, сыграла важную позитивную роль, стимулируя западных политологов к осмыслению конфликтных явлений в этнонациональной сфере как итогов неравномерного экономического развития народов.

Социальным последствиям взаимодействия модернизационных и этнонациональных процессов, как правило, в конфликтной форме их развития, уделяет внимание один из видных специалистов в области теории модернизации К. Блэк³⁵. Одним из наиболее важных различий традиционного и модернизированного общества исследователь считает принцип “распределения социальных ролей”. Для первого характерна жесткая регламентированность социального статуса центральных или периферийных этнических, расовых и религиозных групп или их отдельных представителей в зависимости от “ранга” своего клана в общей иерархической структуре, семейно-брачного положения, возраста, пола и т. п. В модернизированном же обществе предполагается выбор в условиях равноправия всех перед единым законом. Неравномерное протекание модернизации в этнонациональных ареалах может обусловить конфликты между притязаниями этнических групп, с одной стороны, и реальными возможностями государства гарантировать обеспечение прав своих граждан, с другой стороны. Попытки полиэтнического государства противостоять требованиям входящих в его состав этнических групп приводят к взаимным претензиям и конфликтам. В

---

³⁵ См. *C. Black. The dynamics of modernization: A study in comparative history. N.Y., 1966. – X.*

процессе взаимодействия модернизирующихся этнических групп с политическими институтами многонационального государства происходит неравномерное формирование политического и правового сознания этнических групп, и на определенном этапе в наиболее политизированных, действительно или мнимо “обделенных” из-за своей “периферийности”, этнических группах возникает неудовлетворенность государственным центром как верховным гарантом правозащиты.

Свою версию связи модернизации с этнонациональными процессами предлагает Г. Зоннерт³⁶. По мнению исследователя, эти движения являются своего рода “ответом” на порождаемые модернизацией социальные кризисы. Центральной идеей “безнационального” представления о модернизации была идея ровного неуклонного прогрессивного развития, что не получило подтверждения.

Неравномерное развитие становится проблемой тогда, справедливо замечает исследователь, когда неблагополучные люди отказываются мириться со своим неблагополучием. Их протест чаще всего приобретает форму национализма. В случае системной дезинтеграции население неразвитых регионов может рассматривать национальную самостоятельность как надежную стратегию, способную решить проблему их отставания в развитии с помощью создания национально-политических защитных механизмов. В случае социальной дезинтеграции национализм может выступать заменителем традиционных ценностей, утративших свое значение в результате модернизации.

“Националистический ответ” на проблемы современности может быть двух противоположных типов: антимодернистский, полностью отрицающий проект модернизации из-за ее недостатков, и промодернистский, пытающийся исправить эти недостатки.

Демодернизация в системном аспекте стремится повернуть процесс модернизации к традиционным способам экономической и административной организации, а в аспекте социальной интеграции отказывается от идеала эмансипированного индивида, подчеркивает традиционные ценности и коллективную идентичность.

В дополнение к теоретическим объяснениям детерминации этнонациональных конфликтов следует обратить внимание на одну из существенных

---

³⁶ См. G. Sonnert. Nationalism between modernisation and demodernisation. “Canadian review of studies in nationalism”. Charlottentown, 1988, Vol. 15, № 1/2, PP. 43 – 51.

причин их универсализации и эскалации. Она непосредственно отражает особенности модернизации полиэтнических многоукладных государств в условиях интенсификации международно-коммуникационных процессов. Информационно-коммуникационные факторы приобрели исключительную важность в широкой пропаганде защиты общецивилизационных ценностей, систематизированных в международно-правовых нормах.

В этой связи нельзя не согласиться с замечанием профессора Н. Глейзера относительно того, что благодаря широкому международному обмену информацией и идеями, этнические конфликты в одних районах мира оказывают серьезное влияние на взаимоотношения этнических групп в других районах. Ученый особо отмечает, что чувство принадлежности к этнической группе, как и любой другой элемент культуры, передается и усваивается в процессе воспитания. В традиционном обществе такими “каналами” были связи родители–дети; учителя–ученики; вожди и старейшины–рядовые соплеменники. Теперь же во все возрастающей степени чувство этнической идентичности формируется средствами массовой информации. Среди этнических групп появляются своего рода лидеры, у которых учатся другие, перенимая их язык, программу действий, формы организации. Н. Глейзер, в частности, отмечает воодушевляющий пример черных американцев для “возрождения этничности” других групп населения страны. “Но особенно поразительно,— пишет исследователь,— то большое влияние, которое оказали воинствующие черные на этнические группы в других странах”³⁷.

По замечанию известного американского исследователя Ч. Кейеса, даже при отсутствии этнических конфликтов, государство и само способствует распространению определенных “мифов” о входящих в его состав этнических общностях с целью обоснования законности своей власти; создает условия, в которых этничность неизменно становится фактором структурирования определенных типов социальных отношений³⁸.

Исследователи, принадлежащие к так называемому этницистскому направлению, признавая особую значимость социально-экономических факторов для включения этнонациональных общностей в политическую

---

³⁷ См. *N. Glaser*. The universalization of ethnicity: Peoples in the boiling pot. “Encounter”, L., 1975, Vol. 44, № 2, P. 14.

³⁸ См. *Ч. Кейес*. Основа отношений между этническими группами в современных государствах-нациях. “Этнические процессы в СССР и США: Материалы советско-американского симпозиума”. М., 1986, с. 70.

борьбу против колониальной эксплуатации, расовой и этнической дискриминации, особое внимание уделяют этнополитологическим проблемам этничности.

В работах одного из ведущих на Западе исследователей этнонационализма А. Смита представлен получивший широкое распространение в зарубежном общественном знании взгляд на природу этого явления, его социальные и политические функции в регулировании взаимоотношений этнической группы и государства.

Развернутое определение сущностных характеристик этнонационализма, предложенное исследователем, привлекает своей этнополитологической постановкой проблемы сочетания этничности и политики. Он определяет национализм как “идеологическое течение, направленное на достижение и сохранение автономии, единства и самобытности социальной группы, которая самоосознает себя как этническую общность. Иными словами, национализм является как идеологией, так и политическим движением этнического меньшинства, преследующего три основные цели: обеспечение автономии и самоуправления, реализация права на территорию и признание статуса своей культуры как равного с общегосударственной”³⁹.

Взгляды А. Смита на этнонационализм получают дальнейшее развитие в последующей его работе – “Национализм в XX столетии”, где исследователь расширяет данное понятие, включая в него наряду с политикой и политизированной идеологией такие равнозначные с ними элементы, как культура, особое мировосприятие и ментальность, этническое самосознание⁴⁰.

Во многом аналогичный подход к национализму, во-первых, как к доктрине о характере, интересах, правах и обязанностях наций, а во-вторых, как об организованном политическом движении, направленном на осуществление целей нации, разделяет и такой авторитетный специалист в этой области, как Дж. Ротшильд⁴¹.

Другие авторы делают акцент на собственно политическом содержании национализма, в первую очередь, на стремлении к созданию собственной государственности. Безусловным считает южноафриканский политолог Д.

---

³⁹ A. Smith. Introduction: The formation of nationalist movements. “Nationalist movements”. L., 1976, PP. 1 – 2.

⁴⁰ См. A. Smith. Nationalism in the twentieth century. Oxford, 1979, PP. 3 – 4.

⁴¹ См. Дж. Ротшильд. Ук. соч., сс. 1 – 2.

Котце право на самоопределение и выход из состава многонационального государства этнических групп, рассматривая такой способ разрешения этнонационального конфликта как единственную гарантию защиты этнической идентичности меньшинств⁴².

Советские исследователи стремление этноса к “государственному” оформлению суверенитета связывают как с объективными, так и с субъективными факторами. “К первым из них относятся главным образом потребности экономического развития... Ко вторым – рост этнического сознания, хорошо известная в социальной психологии тенденция каждой достаточно большой общности людей превратиться, так сказать, из объекта истории – в субъект истории, достойно представляя себя аналогичным общностям и обеспечивая более благоприятные условия для своего развития, – такая наиболее устоявшаяся точка зрения принадлежит В. Козлову. – В исторических условиях классового общества только через государство этнос мог оформиться в территориальном отношении, твердо зафиксировав свои границы, получить единую административно-правовую систему, культурно-образовательные и другие этнически ориентированные учреждения, укрепить внутренние социально-экономические связи”⁴³.

В современных государствах этничность проявляется не только в противостоянии государственным институтам, но и, что представляется крайне важным, как сущностная характеристика самих этих институтов. Как показывает в своих работах “Полиция, вооруженные силы и этничность” и “Этнические солдаты” американская исследовательница в области военно-политической социологии С. Энлоу, “этничность является политической не только в том смысле, что она служит основой для мобилизации группы для достижения ее политических целей, но также и потому, что она является определяющей установкой при создании наиболее важного политического аппарата – государства”⁴⁴. Автор приходит к выводу, что государственные элиты, в первую очередь, высшие эшелоны власти, используют этнические деления в то же самое время, когда они публично порицают их. При планировании государственной политики, и особенно обеспечении собственной безопасности, высшие представители политико-административных кругов мыслят “этнически”.

---

⁴² См. Д. Котце. Ук. соч., с. 19.

⁴³ В. И. Козлов. Этничность и государственность. “Этнические процессы в СССР и США. Материалы советско-американского симпозиума”, с. 39.

⁴⁴ С. Enloe. Police, military and ethnicity: Foundations of state power. New Brunswics, 1980, P. 10.

Наиболее полное освещение проблемы пересечения этнонациональных и политических феноменов получили в уже неоднократно упоминавшейся работе Дж. Ротшильда “Этнополитика”. Анализ этих крайне разнообразных явлений с концептуальных позиций политической социологии позволяет автору выделить наиболее универсальные модели и сценарии развития событий.

Суть всех этнополитических явлений, по Дж. Ротшильду, состоит в том, что в определенных обстоятельствах происходит “политизация этничности”. В концепции исследователя главными действующими лицами в процессе политизации выступают так называемые “этнические антрепренеры”, преследующие вполне прагматические интересы и осознающие на уровне политических целей необходимость “мобилизации этничности”. Под мобилизацией здесь подразумевается превращение этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или, наоборот, стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп⁴⁵.

В чем же состоит тот реальный потенциал, из которого “этнические антрепренеры” черпают ресурсы для разработки и реализации своих этнополитических программ или, иными словами, какова сущность источника “этнополитики”? Американский этнополитолог истоки потенциальных возможностей “этнических антрепренеров” находит в неравномерности “модернизации”, которую испытывают современные (модернизированные) и переходные (модернизирующиеся) общества. “Модернизация” не только способствует усилению социальной мобильности отдельных людей, но, вместе с тем, поддерживает и усиливает неравенство между группами. Одновременно сама же “модернизация” опровергает какие-либо обоснования неизбежности неравенства.

“Политизация этничности” зачастую приводит к складыванию парадоксальной, на первый взгляд, ситуации, когда в модернизирующейся этнической группе, осваивающей универсальную культуру и технологии, происходит своего рода всплеск интереса к собственной этноспецифической уникальной культуре.

Обосновывая невозможность развития этнической культуры в полной изоляции от изменений, привносимых модернизацией, исследователь оперирует, в частности, этнолингвистическими данными. На конкретных

---

⁴⁵ См. Дж. Ротшильд. Ук. соч., с. 2.

материалах он убедительно показывает, что попытки ограничить применение языка этнической группы границами только “домашнего”, бытового пользования, в то время как язык доминирующей нации сделать языком экономики и политики, далеко не всегда могут быть реализованы. Новые реалии неизбежно проникают в повседневную практику людей, становясь частью их личного опыта.

Двойственны по своей природе, сочетающей элементы “модернизационного” и “традиционного”, сами предпосылки политизации этничности. Важным побудительным мотивом для начала этого процесса является озабоченность сохранением этноспецифических черт и стремление мобилизовать всех их носителей в сплоченную группу с развитым этнонациональным сознанием (добавим также – и поведением. – Г. К.). Этноспецифические черты и атрибуты являются необходимым, но не достаточным и даже не главным условием для сплочения этнической группы. Для консолидации, считает исследователь, необходима “элита группы, способная и заинтересованная (по религиозным, экономическим, социальным и политическим мотивам) в мобилизации носителей этнических черт в деятельную общность”, а также, соперничество из-за сравнительно ограниченных и потому ценимых ресурсов внутри “большого” общества. Одним из конкретных вариантов второго условия может быть, например, центр-периферийный конфликт на этнонациональной основе⁴⁶.

Взаимосвязь активизации деятельности элиты и неблагоприятных внешних обстоятельств исследователи отмечали и раньше. Особо подчеркивал это обстоятельство А. Смит для начальных стадий формирования национальных движений: “Идеологизация и политизация этнических групп происходит во времена общественной напряженности, соперничества и вражды, когда этнические лидеры убеждают носителей этнических культур ощутить свою судьбу скорее в этнических, нежели в личностных или классовых категориях, и доказывают им, что без этнической общинной солидарности их отличительные ценности и обычаи будут находиться под угрозой, а само выживание группы подвергается опасности”⁴⁷. Как особый фактор в подъеме современных этнонациональных движений А. Смит выделял появление “научной бюрократии”, отличающейся от “старых” элит профессионализмом и знаниями. Последующие исследования политологов подтверждают важную роль в этнополитике этого специфического для модернизирующихся обществ

---

⁴⁶ См. там же.

⁴⁷ A. Smith. Introduction: The formation of nationalist movements. “Nationalist movements”. L., 1976, P. 29.

отряда интеллигенции, все чаще претендующего на лидерские позиции в национальных элитах.

Деятельность элит во многом определяется уровнем развития их политико-правового сознания. На современном этапе модернизации предполагается включение в политико-правовое сознание элит полиэтнических государств ценностных ориентаций на систему защиты “прав человека”, в полном объеме этого понятия, выработанного международным сообществом. В этом случае элита, активно направляя “политизацию этничности”, выступает в роли этнонационального пропагандиста “прав человека”, мобилизует членов этнонациональной группы на суверенное обладание всеми экономическими, социальными, культурными, политическими и гражданскими правами как в индивидуальном (личностном), так и в коллективном (этногрупповом) формате. Таким образом, степень “правополитизированности” этничности может быть охарактеризована с точки зрения адаптированности в этнонациональном сознании элиты и этнической группы международно-правовых норм суверенного обладания “правами человека”. Следует особо подчеркнуть, что именно диалектика противостояния и борьбы за суверенное обладание индивидуальными и коллективными “правами человека”, представляющими собой дефицит особого рода, и составляет сущность этнополитических конфликтов между центром и периферией многонационального государства на современном этапе.

На наш взгляд, аргументированное обоснование особой значимости роли лидеров и элиты меньшинств в социологическом анализе процесса политизации этнических групп и прогрессировании этнонациональных межобщинных конфликтов в этнополитическое качество центрально-периферийного противостояния по проблеме суверенитета заслуживает самого серьезного внимания.

Этнополитологическая концепция Дж. Ротшильда находит подтверждение не только в исторической ретроспективе, но и, что особенно важно, в современных этнонациональных конфликтах, развернувшихся на политической арене Восточной Европы, и это не может не привлекать внимания к сформулированным автором теоретико-методологическим основам понимания места и роли этнического фактора в процессе модернизации многоукладных полиэтнических обществ.

Этнополитологическая модель, разработанная Дж. Ротшильдом, продолжает использоваться как действенный аналитический инструмент и в работах многих его известных последователей.

Американский специалист в области политической культуры Ч. Фостер в развитие понятия “политизация этничности” вводит в научный оборот понятие “политизация этнической солидарности”.

Данный феномен этнополитической социологии автор связывает с функционированием целого ряда факторов. В первую очередь, он определяется чувством групповой идентичности, основанной на объективных отличиях группы от других объединений. Важное значение имеют также недовольство группы, вызванное политической, экономической или культурной дискриминацией; возрастающие ожидания улучшения своего положения; упадок авторитета и действенности политического центра; эффективность этнополитической организации⁴⁸. Данным понятием Ч. Фостер обозначает такую широкую и интенсивную поддержку этнической идентичности, которая вступает в соперничество с поддержкой господствующего общественного порядка и таким образом формирует потенциальный этнополитический конфликт. “Политизация этнической солидарности” вокруг реализации права этнической периферии на самоопределение и отделение от центра не только формирует конфликт с властью центра как политико-правовой структурой, но также ставит под вопрос территориальную целостность полиэтничного государства. Предложенное исследователем понятие органично включается в общую этнополитологическую концепцию, объясняя взаимосвязи этнополитического конфликта и сепаратизма.

Английский социолог К. Уильямс определяет сепаратизм как форму протеста против неизбежности этнической ассимиляции⁴⁹. Представитель “новой этнической” социологии особое внимание уделяет резонансному взаимодействию различных факторов, порождающих этнонациональный сепаратизм этнической группы, подвергающейся и дискриминации, и ассимиляции со стороны правящего центра. “Когда экономическое и социальное неравенство совпадает с лингвистическими и (или) культурными различиями, пишет автор, может возникнуть система этнической стратификации (конкретный ее вариант – колониальная иерархия “этнического ядра” и “этнической периферии”. – Г. К.). Часто классовый конфликт и этнический конфликт усиливают друг друга, давая мощный импульс изменениям. Если конфликт охватывает этническую территорию, он может принять форму националистического

---

⁴⁸ См. *C. Foster*. Political culture and regional ethnic minorities. “Journal of politics”. Gainesville, 1982, Vol. 44, № 2, P. 564.

⁴⁹ См. *C. Williams*. Introduction. “National separatism”. Cardiff, 1982, P. 1.

движения, которое стремится к полной независимости от господствующего центра»⁵⁰.

Сепаратизм как осмысленное коллективное противодействие эксплуатации и дискриминации “прав человека” этнического меньшинства приобретает форму этнополитического конфликта с проводящим ассимиляционистскую политику центром. Эти условия служат также “программированию” этнополитического противостояния в вопросе территориальной целостности государства. При совпадении территориальных и этносоциальных факторов коллективного противодействия дискриминации экологических, экономических, социальных, культурных, политических и гражданских прав индивидуальные и этногрупповые ориентации на их защиту “центрируются” вокруг интересов, связанных с коллективным правом этнической группы на самоопределение, и становятся сущностью этнонационального коллективного сознания и консолидированного этнополитического поведения.

Основные “структурные предпосылки” сепаратизма с некоторыми специфическими для конкретных исследований различиями выделены также другими западными политологами⁵¹.

При всем разнообразии рассмотренных концепций этнонациональных конфликтов в своей совокупности они взаимодополняют друг друга, выявляя своими специфическими конкретно-научными исследовательскими средствами и на своем уровне теоретического обобщения различные аспекты общего объекта исследования.

Авторами концепции “внутреннего колониализма” основное внимание уделяется социально-экономической детерминированности этнонациональных конфликтов. Исследователи этнонационализма наиболее полно выявили конфликтогенный потенциал взаимодействия политических реалий, в первую очередь, государственных институтов и этничности. Социологические методики исследования этнических процессов на внутригрупповом уровне были применены представителями “новой этнистской школы”.

Таким образом, подводя итоги сопоставительного анализа различных точек зрения известных зарубежных авторов, можно их представить в виде двух основных концептуальных линий: школы “внутреннего колониализма” и “новой этнистской” школы.

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. *A. O'Rridge*. Separatism and autonomist nationalism: The structure of regional loyalties in the modern state. “National separatism”. Cardiff, 1982, PP. 43 – 74; *J. Link*. From primordialism to nationalism. “New nationalism of the developed West”. Boston, etc., 1985, PP. 203, 253.

Первая группа авторов (М. Гектер, Т. Нейрн) в определении проблематики этнополитологии, трактовке ее предмета и понятийного аппарата придерживается модели этнополитического конфликта между более развитым национально-государственным центром и отстающей этнической периферией, опосредованного центрo-периферийным властным контролем. Периферийная этническая группа рассматривается как объект эксплуатации, экономической, политико-правовой, культурной дискриминации и угнетения, и в связи с этим определяется как “внутренняя колония”. В определенные моменты приоритет среди национальных интересов периферии может перейти от экономических к политическим и культурным сферам, к проблемам межэтнических отношений по центрo-периферийной вертикали. Перспективы для этнополитического движения связываются с культивированием в этнопериферийной группе социальных установок и поведенческих стереотипов покорности как плате индивида группе за право членства в ней и пользования определенными, делегируемыми со стороны центра источниками благ. Подобная этногрупповая солидарность и базирующаяся на ней этнополитическая активность, согласно авторам этой школы, максимизируются, когда люди, сталкиваясь с дефицитом благ, лишены возможности присоединиться к другим группам и степень их социальной идеологизированности исключительна⁵².

Другая группа авторов (А. Смит, Д. Котце, Ю. Андерсон, С. Энлоу, Дж. Ротшильд), которых представляют как “этницистскую школу”, определяет проблематику и понятийный аппарат этнополитологии, исходя из разрабатываемой ими концепции этничности. Сущность этнонационализма в достаточно разнообразных подходах этой школы можно свести к такому видению мира, которое предполагает его естественную разделенность на уникальные общности с определенной групповой этнокультурой. Национальный идеал трактуется как вера в то, что все, кто имеет общую историю и культуру, могут претендовать на объединение на своей родине. Национальный идеал включает в себя определенный тип солидарности, связанный с политической программой борьбы этнических групп.

В целом же, при достаточно широком терминологическом разнообразии подходов этницистской школы к проблематике этнополитологии, ее представители сходятся в проникновении феномена этнической идентичности во все сферы политической жизни, и более того, в его определяющем воздействии на процессы создания, распространения и сохранения

---

⁵² См. *M. Hechter*. *Internal colonialism revised*. “New Nationalism of the developed West”. В., 1985, pp. 17 – 26.

наиболее важного института национальной консолидации – государства. В истоках “политизации этничности” и формирования этнонационализма как политического фактора “этницисты” видят неравномерную модернизацию, которую испытывают модернизирующиеся общества.

Точка зрения автора исследования, которую он стремился проводить при анализе конкретных этнополитологических школ и направлений, в итоге может быть сведена к следующему.

Во-первых, за последние два десятилетия в мировой науке оформилась такая новая отрасль обществоведческих знаний, как этнополитология. Данная политологическая дисциплина представляет собой результат объективного процесса развития политической науки, отражающей сущность и формы проявления политических реалий в сфере отношений в связи с формированием, отправлением и воспроизводством власти (в том числе и государственной) между этническими общностями и институтами государства – основными субъектами этнополитики.

Во-вторых, в условиях преодоления ограниченности марксистско-ленинской догматики становится насущной необходимостью интенсивное научное осмысление основных результатов западной этнополитологии, направлений и тенденций ее развития. Данная задача требует как позитивного участия отечественных специалистов в творческой работе школ мировой этнополитологии, так и реконструкции зарубежных этнополитологических знаний, в недавнем еще прошлом относимых в разряд ненаучных концепций и фактически исключенных из политологического оборота, а также практического применения в этнополитике.

В-третьих, для интенсивного наверстывания упущенного советским доктринальным обществоведением времени целесообразно при формировании этнополитологии как новой для нас дисциплины вести целенаправленный поиск конструктивных наработок в более широком поле обществоведческих знаний (теории модернизации, национальной и международной безопасности, конвергенции, цивилизационного подхода и т. п.).

Таким образом, определив проблематику и контуры понятийного аппарата этнополитологии, мы подходим к необходимости рассмотрения проблем национальной безопасности, что предполагает дополнение и расширение данного категориального ряда с выходом на этнополитологическое видение цивилизационного подхода к анализу проблем консенсусного и конфликтного контакта на разных уровнях организации цивилизационных систем.

§ 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТОЛОГИИ

В современной истории понятие “безопасность” чаще всего связано с деятельностью государства, армии, формирований внутренних дел, разведки, контрразведки и т. д. Осознание необходимости иметь гарантии для обеспечения прав и свобод личности, семьи, своего региона, своей нации обусловило интерес к самым разным аспектам состояния и реализации безопасности.

Как нам представляется, основное содержание принятого в марте 1992 года Закона Российской Федерации “О безопасности” и Указа Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина “Об образовании Совета безопасности Российской Федерации” сохраняет традиционный государственный подход к пониманию “безопасности”, имея ключевое понятие “защищенность”⁵³. Это оправдано, когда все проблемы безопасности Отечества вкладываются в четкий императив “как выжить”.

Тем не менее, мы считаем явно недостаточными употребление самого термина “безопасность” и его трактовку в безусловно важных документах.

И в теоретическом, и в практическом плане более важным является широкое осмысление понятия “национальная безопасность”. Особого внимания требует осмысление сущности понятия “концепция национальной безопасности”. Термин “национальная” в этом контексте определяется нами как относящаяся к стране, Отечеству в целом. В данном общетеоретическом измерении само понятие “национальная” мы не относим к какой-либо отдельной нации.

В системном качестве концепция национальной безопасности Российской Федерации, исходя из доступных автору источников, еще не разработана. Инициативные группы политологов, философов, международных, экономистов, военных специалистов, экологов, народных депутатов различного уровня начали разрабатывать эту проблему с 1989 года⁵⁴.

Значительно активизировал теоретическую и практическую работу в сфере проблем национальной безопасности “Фонд национальной и международной безопасности”, созданный 28 апреля 1990 года и перерегистрированный как

---

⁵³ См. “Закон Российской Федерации “О безопасности””. “Российская газета”. 6 мая 1992 г., с. 5.

⁵⁴ См. *М. Александров*. Безопасность СССР: два взгляда на философию внешней политики. “Литературная Россия”, 22 февраля 1991 г.; “Национальная безопасность: смена приоритетов. Беседа А. Гаспаряна с Н. Н. Воронцовым”. “Советская культура”, 4 августа 1990 г.

международное объединение в апреле 1992 года. В Свидетельстве о регистрации как основные цели деятельности определены: содействие созданию общественной системы безопасности России, Содружества Независимых Государств, а также общественной системы международной безопасности. Одно из первых развернутых определений понятия “национальная безопасность” приведено в сборнике, изданном по инициативе и при участии Фонда национальной и международной безопасности. В статье М. В. Александрова “О концепции национальной безопасности нашей страны” отмечается: “Национальная безопасность—совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства в системе международных отношений, его способность отражать возникающие внешние угрозы и действовать в соответствии со своими национальными интересами”⁵⁵.

Среди многообразных факторов автор отмечает “морально-политические”: морально-психологическое состояние общества, устойчивость государственных структур, особенности национального характера, качество дипломатии⁵⁶.

Отметим, что предложенное определение достаточно универсально. Так, например, в одной из публикаций, посвященных политике руководителей Бразилии, пришедших к власти после переворота 1964 года и провозгласивших свои принципы как основанные на идеологии национальной безопасности, утверждается, что национальная безопасность есть необходимая цель и основа всякого национального проекта. Это абсолютная, безоговорочная, ничем не ограниченная ценность, высшая норма, определяющая все виды общественной и частной деятельности, непосредственное руководство к действию⁵⁷.

В докладе Президента США Дж. Буша “Стратегия США в области национальной безопасности”, направленном 20 марта 1990 года в Конгресс, отмечается: “Масштабность наших национальных интересов и целей остается неизменной. Их можно обобщить следующим образом: выживание США как свободной и независимой страны при сохранении ее фундаментальных ценностей, основных институтов и безопасности народа”⁵⁸.

Приведенные выше определения национальной безопасности, содержание самого понятия (Дж. Буш), безусловно, содержат в себе требования

---

⁵⁵ М. В. Александров. О концепции национальной безопасности нашей страны. “Международная безопасность. Национальные и глобальные аспекты”. Дайджест I, М., 1992, сс. 28 – 29.

⁵⁶ См. там же, с. 29.

⁵⁷ См. “Les ideologies totalitaires en Amerique Latine”. “Faire”, P. 1976, Oct., № 12, PP. 26 – 31.

⁵⁸ G. Bush. National Security Strategy of the Union States: 1990 – 1991, N.Y., 1990, P. 7.

“защищенности”. Но при этом предусматривается и личное участие, личная ответственность гражданина за стабильность и безопасность государства, за сохранение главных ценностей. В результате, важным универсальным свойством становится взаимоувязанная ответственность личности и государства, индивида и общества. Тем самым возможные национальные, социальные напряжения и конфликты переводятся в сферу взаимных обязательств: не только государство и его институты должны искать политическими методами средства разрешения конфликта, но и сами граждане. Таким образом, открывается дорога к поиску гражданского согласия, консенсуса вокруг ценностей национальной безопасности.

Осторожный оптимизм внушает сам процесс создания в Москве таких неправительственных общественных объединений как Фонд национальной и международной безопасности. Среди его основных принципов деятельности: учет баланса интересов граждан, общества и государства; отстаивание мирных средств и методов урегулирования внутренних и международных конфликтов⁵⁹.

И это тоже способствует тому, что закрытая ранее для советского научного анализа важная группа проблем национальной безопасности становится предметом изучения независимых исследователей из области политических наук. Ракурсы изучения здесь самые разные – и геополитические, и экологические, и многие другие. Не менее актуальным является этнополитологический анализ. Понимание такого подхода все более полно выявляется как в публикациях отечественных исследователей, так и в критических работах зарубежных политологов.

§ 3. КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КРИТИКУ ЗАПАДНОЙ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

В связи с этим можно считать актуальным для советской политологии переосмысление контрпропагандистской критики прошлых лет, по возможности, с более четким разграничением научного и пропагандистского содержания проблем этнополитологии.

Возврат к содержанию критикуемых в прошлом трудов западных специалистов в области этнополитологии дает убедительные примеры невосприимчивости их советских коллег к выводам и итогам работы целого ряда исследовательских центров и университетов, занимающихся анализом этнонациональных процессов.

---

⁵⁹ См. “Устав Фонда национальной и международной безопасности”. М., 1992, сс. 2 – 3.

Более того, в значительной мере ограничив возможности советских специалистов “заказом на разоблачительное реагирование” не только на выпады средств массовой информации по вопросам национальной политики социалистических стран и СССР, но и собственно научные этнополитические изыскания, руководство страны в значительной мере лишило себя, а вместе с тем и широкие круги общественности, включая научную, возможностей для объективного восприятия концепций, излагающих и анализирующих содержание современных этнических процессов, позволяющих прогнозировать их развитие в Советском Союзе.

Конкретным результатом “ревизии идеологического противодействия” этнополитологии могло бы стать осмысление отрицательного опыта безоговорочного отметания научных конфликтологических прогнозов, не укладывавшихся в доктринальные императивы теории и практики советской национальной политики. В свете развития межнациональных отношений представляется в равной мере и полезным, и актуальным вернуться к ряду прогнозов и даже предупреждений, сделанных западными специалистами достаточно давно, о формировании взрывоопасного конфликтогенного потенциала в связи с процессом ускоренной модернизации советского полиэтничного государства, включавшего в себя выраженные разноцивилизационные ареалы.

Не может не обратить на себя внимание, в частности, такой факт, что в период, когда в советском обществоведении разрабатывалась и вводилась в “идеологический оборот” концепция развитого социализма, в конечном счете отражающая состояние модернизированной советского общества, американские социологи прогнозировали конфликто-генность модернизационных процессов и наличие конфликтов латентной фазы в полиэтничном СССР.

В качестве результата коллективного научного рассмотрения этнонациональных проблем процесса модернизации “зрелого социализма” можно привести особенно показательное в свете современных событий заключение научного симпозиума “Национальности и национализм в СССР”, состоявшегося в декабре 1976 года в США, о том, что Советскому Союзу угрожают сепаратизм и разьединение⁶⁰. Тогда же специалисты в области “модернизации России” прогнозировали оживление традиций былого недоверия между народами в связи с неравномерным продвижением советских наций в области экономики и культуры⁶¹.

---

⁶⁰ См. “Nationalities and nationalism in the USSR: A Soviet dilemma”. Washington, 1977, VIII.

⁶¹ См. *N. A. Riasanovsky*. History of Russia. 3rd ed., N.Y.: Oxford univ. press, 1977, P. 654.

Либерализация политической системы Советского Союза в процессе перестройки, разрушив средства эффективного контроля центра над этнонациональной периферией, создала предпосылки для трансформирования латентного потенциала этнонационализма в открытые этнонациональные конфликты как в горизонтальных (межэтнических), так и вертикальных (центро-периферийных) отношениях.

Для анализа факторов формирования латентного этноконфликтного потенциала в модернизирующемся СССР целесообразно, на наш взгляд, обращение к широкому кругу этнополитологических исследований по проблемам “этнической стратификации”. Универсальность этого явления, как было показано и на материалах развитых западных, и развивающихся обществ, позволяет предполагать его наличие и в социалистической реальности, хотя официальная версия утверждала “всемерное выравнивание уровня развития социалистических наций”.

Для целей исследования в качестве основных измерений “этнической стратификации” мы считаем целесообразным рассматривать систему обеспечения коллективных и индивидуальных прав человека как на общегосударственном, так и на этнонациональном уровнях. Поскольку данная характеристика играет важную роль в западной этнополитологии, в частности, при рассмотрении процесса “политизации этничности”, ей, по-видимому, следует уделить особое внимание как важному показателю возможной конфликтности в поведении той или иной этнонациональной группы.

Показатель обладания и реализованности прав человека может быть в достаточной мере раскрыт посредством рассмотрения объективных показателей экономического, социального, политического, экологического и культурного уровня модернизированности (в сравнении с общегосударственным) конкретных этнических групп или этнокультурных ареалов.

Показатель защищенности прав человека может быть исследован методом сопоставительного анализа международно-правовых норм с общесоюзными и республиканскими, а также по их применению в законодательной и судебноправовой практике. Наряду с этим немаловажное значение имеют социологические обследования субъективных представлений населения.

Исследования такого рода представляются особо важными потому, что вопрос об этнической стратификации занимал, пожалуй, центральное место в противостоянии западного и советского обществоведения по проблемам межнациональных отношений.

Признавая и даже подчеркивая национальное неравенство в развитых полиэтнических обществах Запада, сам широко распространенный жанр “идеологического противодействия” ориентировал не столько на анализ и усвоение уроков “западного” опыта, сколько на критику и отрицание прогнозов специалистов в области этнополитической социологии.

Позиция критикующей стороны по существу сводилась к нескольким тезисам. Главный из них состоял в том, что в противоположность капитализму социализм порождает другую закономерность—бесконфликтное плановое выравнивание социально-экономического, политического и культурного развития “отставших” в прошлом народов до уровня “передовых”. Особо подчеркивалось, что диаметрально противоположная логике развития капиталистических многонациональных государств закономерность “выравнивания отставших” наций и народностей была впервые реализована Коммунистической партией Советского Союза в теории и практике национальной политики, опыт которой впоследствии лег в основу деятельности братских партий многонациональных социалистических государств.

Размежевание с результатами исследования западных этнополитологов обычно подкреплялось императивным противопоставлением доводам научных контрпартнеров партийных документов, имевших для советских обществоведов императивно-директивный характер. Обильный материал для цитирования такого рода давал, в частности, и отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС в 1981 году, то есть в период нарастания скрываемого от широкой советской общественности экологического, экономического, политического и нравственного кризиса в СССР.

Примером может служить один из фрагментов отчетного доклада, зачитанного Л. И. Брежневым XXVI съезду КПСС: “С первых лет Советской власти наша экономическая и социальная политика строилась так, чтобы как можно быстрее поднять бывшие национальные окраины России до уровня развития ее центра. И эта задача была успешно решена. Важную роль здесь сыграли тесное сотрудничество всех наций страны и прежде всего бескорыстная помощь русского народа. Отсталых национальных окраин... ныне не существует!”. Дополнением к нему служит: “Наш курс—наращивание материального и духовного потенциала каждой республики и вместе с тем его максимальное использование для гармоничного развития всей страны. На этом пути мы добились поистине исторических достижений”⁶².

---

⁶² См. “Материалы XXVI съезда КПСС”. М., 1981, с. 223.

Наряду с директивами партийных документов обычно в качестве аргументов, “опрокидывающих” доводы об универсальности “этнической стратификации”, приводились также фрагменты из нормативных документов верховной государственной власти. Согласно Конституции СССР: “Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно, как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения – наказывается по закону”⁶³.

Через шесть лет после XXVI съезда – на июльском (1987 г.) пленуме ЦК новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, характеризуя эпоху “зрелого социализма”, подчеркивал нарастание во всех сферах общественной жизни “предкризисных явлений”. Итоговые оценки состояния общества в докладе на упомянутом пленуме по существу сводятся к тому, что к началу 1980-х годов “болезни” страны перешли в хроническую форму.

Изучение официальных документов КПСС, выступлений политических руководителей и общественных деятелей СССР после провозглашения курса на “перестройку” помогает существенно уточнить осмысление сложившейся к 80-м годам обстановки в Советском Союзе. Наиболее важным явлением в политической сфере с точки зрения “перестроечных” оценок можно считать “отчуждение” от государственно-партийных структур не только основной массы населения страны, но и большинства рядовых членов КПСС, а также работавших под постоянным партийным контролем общественных организаций. Как правило, это отчуждение проявлялось в скептическом отношении к обещаниям и решениям правительства, в общественной апатии, в возрастании социальной напряженности.

В процессе развертывания политической реформы усиленной критике стали подвергаться глубокая коррумпированность административно-командной бюрократической системы и хроническое целенаправленное искажение информации о социальном развитии советского общества, включая этнонациональные процессы.

Система сбора и обработки информации о процессах “на местах” действовала уже в сталинские времена форсированной принудительной модернизации и в сущности составляла один из наиболее важных рычагов механизма политического анализа обстановки, контроля за регулированием мер

---

⁶³ “Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик”. М., 1987, с. 17.

насильственных воздействий на ситуацию в отдельных отраслях или конкретных национальных регионах, а также дезинформирования широкой общественности с помощью официальной внутренней и внешнеполитической пропаганды.

В период политического руководства страной Л. И. Брежнева информация “наверх” поступала во все более искаженном виде. К этому принуждала сама доктрина “зрелого социализма”, требующая изнуряющих общество увеличений масштабов заданий на “комплексное развитие отраслей и регионов” и ускорение темпов пропагандируемого научно-технического прогресса.

В условиях углубляющегося системного экономического, социального, политического и морального кризиса дезинформация стала определяющим атрибутом отчетности в работе на местах. Регулярное создание фальшивой документации, покрывающей приписки и другие махинации со стороны номенклатурного корпуса самих официальных органов власти в течение многих лет в условиях централизации политического контроля, обусловило сосредоточение реальной власти в управленческом аппарате, а также коррумпированность этого аппарата. Раскрытие партийно-государственных корней и механизмов воспроизводства коррупции практически на всех уровнях политико-административного контроля в период перестроечной “гласности” сделало достоянием не только специалистов, но и общественности меру деморализованности политического режима.

Попытки анализа коррупции как социального явления подтверждают ее значительное влияние на формирование в наиболее массовых общностях, включая и этнонациональные, устойчивой индивидуальной и групповой неудовлетворенности уровнем социальной справедливости, защищенности гражданских свобод и прав человека.

Вместе с тем насильственная модернизация в русле сталинской концепции гипериндустриального развития СССР как “бастиона революции” привела к глубокой диспропорции соотношения элементов в структуре народного хозяйства. Аномальное и преимущественно экстенсивное развитие военно-промышленного комплекса за счет всех остальных ресурсов жизнеобеспечения оказывало разрушающее давление на природную среду, создавая кризисные явления в экологии.

Техногенные кризисные явления в экологии ряда национальных регионов – от Прибалтики до Средней Азии – в последние годы, в условиях гласности и информированности о мировых стандартах защиты индивидуальных и

коллективных прав человека, а также при все возрастающем дефиците общественных благ, вызывают глубокую обеспокоенность судьбами коренного населения этнических регионов. В связи с тем, что большинство предприятий и организаций, являющихся источником техногенных экологических катастроф, относились, как правило, к союзным государственным ведомствам, экологическая обеспокоенность общественности стала важным дополнительным фактором интенсивной политизации по “национальному признаку”.

Наложение экологических движений на общий фон социальной напряженности в ряде регионов сформировало мощный этнонациональный потенциал centro-периферийных и межэтнических конфликтов.

Таким образом, насильственная и форсированная модернизация полиэтничного СССР в условиях структурных межсистемных изменений в процессе перестройки динамизировала и раскрыла латентную напряженность конфликтных отношений между неравномерно модернизированными этнонациональными группами.

При отсутствии реальных политико-правовых, военных, экономических, социальных, культурных и экологических гарантий безопасности со стороны СССР как верховного гаранта прав и свобод входивших в него наций, наиболее политизированные из них перешли к политической борьбе за реализацию своего права на национальное самоопределение и, в конечном итоге, за национальный суверенитет.

Классическое развитие “сценария” от активизации экологического движения до провозглашения национальной независимости произошло, в частности, в республиках Прибалтики⁶⁴. Следует с сожалением признать, что по-прежнему приоритет этнополитологического анализа и осмысления процессов этнонационального развития на территории уже бывшего СССР принадлежит зарубежным авторам.

* * *

Заключая политолого-историографическую по своим задачам первую главу, хотелось бы обратить внимание на такую характерную особенность отечественных и особенно зарубежных исследований, как значительная степень совпадения их понятийно-терминологического аппарата с собственно политологическим, социологическим, этнолого-антропологическим. Такое совпадение естественно и обычно для пограничных

---

⁶⁴ См. “The nationalities question in the Soviet Union”. L.–N.Y., Longman, 1990, PP. 39 – 91.

субдисциплин, как свидетельствует, в частности, пример потестарно-политической этнографии⁶⁵.

Специфика этнополитологии, как, впрочем, и любой научной дисциплины, связана, в первую очередь, с ее исследовательским предметом, который, на наш взгляд, может быть определен как этнические и культурно-исторические особенности политической культуры, или отношений власти и властвования в их объективном (через институты и структуры) и субъективном (ориентации, мотивации политического поведения, системы политических ценностей и т.п.) аспектах.

Подводя итоги анализа взаимосвязей этнополитики и национальной безопасности, которые мы пытались проследить в этой главе нашего исследования, можно выделить следующие соображения. Этнополитика является составной частью внутренней и внешней политики современных государств по обеспечению своей безопасности как в национальном, так и региональном и глобальном масштабах.

Этнополитология представляет собой вновь формирующуюся отрасль политических наук, заявившую о себе в западной фундаментальной политологии, а также в приложениях к специальным разделам аналитико-управленческого обеспечения задач национальной безопасности на национально-государственном, региональном и глобальном уровнях. Интенсивное формирование отечественной этнополитологии как системы специальных политических знаний является актуальной научной задачей по системному видению всего разнообразия, в том числе и этнополитического, проблем безопасности на геостратегическом пространстве локализации национальных интересов России и республик, входивших в состав СССР.

Режимные изменения в модернизирующихся обществах вообще, а в частности в таких обществах, как СССР–СНГ и страны бывшего социалистического блока, требуют наряду с другими важными аспектами безопасности разработки проблем консенсусного и конфликтного потенциала цивилизационной динамики переходных обществ. Этнополитология сходства–различия между этническими общностями, нациями, культурно-историческими ареалами по широкому кругу ценностных ориентаций, противостоящих или лежащих в основе обеспечения защищенности прав человека на соответствующих уровнях цивилизационной организации человечества, должна помогать идентификации и разрешению этнополитических кризисов на ранних стадиях обнаружения. Вместе с тем этнополи-

---

⁶⁵ См. Л. Е. Куббель. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988, с. 27.

тология “консенсуса–конфликта” между цивилизационными системами может стать полезной как научно обоснованный инструментарий гуманизации вооруженных этнополитических конфликтов, а также их консенсусного урегулирования и даже разрешения.

Таким образом, эшелонированное изыскание проблем национальной безопасности цивилизационных агрегатов типа СССР требует фундаментального этнополитологического исследования “сходимости–расходимости” контактирующих цивилизационных систем, а также прикладных разработок по реализации изыскиваемых методологических подходов и моделей в практике этнополитической защиты национальных интересов в области внутренней и внешней безопасности современных модернизированных и переходных, модернизирующихся государств.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Понятие “модернизация”, понимаемое как трансформация общества от “традиционного” состояния к “современному”, стало использоваться западными обществоведами в начале 1960-х годов. В наиболее общем плане под модернизацией имеется в виду многомерное изменение общества в экономическом, технологическом, экологическом, демографическом, политическом, социальном и психологическом отношениях, которое началось в Западной Европе в XVI в., а затем получило глобальное распространение.

Модернизация имеет важное значение для развития этнонациональных процессов, так как она коренным образом изменяет условия функционирования нации или этнической группы. Особенно показательно в данном вопросе мнение бывшего председателя Международной Ассоциации политических наук, профессора К. Дейча. По его утверждениям, модернизация неизбежно активизирует этническое сознание, способствует формированию политических устремлений к национальной автономии. В результате в будущем национальные конфликты будут возникать все чаще и охватят, в первую очередь, многонациональные государства, следствием чего станет их распадение на отдельные регионы⁶⁶. К нему присоединяется и маститый американский политолог З. Бжезинский, утверждая, что модернизация является потенциально разъединяющей силой.

§ 1. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Несомненно полезное объединение усилий специалистов различных областей обществоведения в исследовании этнополитики не означает, разумеется, простого “механического складывания” единой концепции этнополитологии из разнородных фрагментов. По мнению известного американского ученого М. Нэша, в настоящее время основным препятствием в создании общей теории этничности является попытка “обогнать” генеральную теорию

---

⁶⁶ См. “Foundations of modern Sociology”. N.Y., 1976, PP. 269–270.

обществоведения, которая охватила бы одновременно социальную, культурную и психологическую сферы жизнедеятельности общества. Пока же такой уровень не достигнут, из общего фонда аналитических идей следует обращаться к тем, которые соответствуют историческим, структурным и культурным реалиям одного из “ограниченных сегментов человеческой истории”. В качестве ограниченного и вместе с тем достаточно протяженного сегмента исследователь выделяет пять последних веков мировой истории. Этот период определяется процессом модернизации, главным компонентом которого выступают национальные государства и в их составе этнические группы, как обладающие самосознанием общности⁶⁷.

В исследованиях ряда западных политологов, таких как С. Энлоу, Н. Глейзер, А. Смит, Дж. Данлоп, Дж. Саймон, Дж. Слоусон, Т. Раковска-Хармстоун, Т. Мак-Нейл и др. – убедительно показано, что в многонациональных обществах этнические группы принимают не одинаковое участие в процессах модернизации. Некоторые этнические группы вступают в модернизированные страны раньше, чем другие, и достигают более высокого уровня “модернизированности” в силу функционирования системы политических предпочтений и привилегий или особенностей своих культур, в большей степени ориентированных на прогресс, чем культуры других этнических групп⁶⁸.

Существование неравенства между этническими группами обусловливается неравномерностью самих модернизационных процессов и закономерностью разрывов между уровнями модернизации. Основываясь на исследованиях обществ с различным социальным строем, западные политологи убедительно показывают наличие “этнической стратификации” в развитых полиэтнических обществах⁶⁹. В качестве типичного опыта политико-социологического изучения “этнической стратификации” в США сошлемся на специальную работу “Неравные американцы: практика и политика межгрупповых отношений”, в которой авторы Дж. Слоусон и М. Воск, сопоставляя основные показатели уровня жизни в области образования, жилищных условий, в сфере занятости и др., прослеживают реальные различия

---

⁶⁷ См. *М. Нэш*. Ук. соч., сс. 3 – 4.

⁶⁸ См. “Canadian Slavonic”. Ottawa, 1975, № 213, P. 287.

⁶⁹ См. *Г. Фостер*. Ук. соч., сс. 560 – 569; *J. Gumperz*. The communicative bases of social inequality. “Minorities: Community and identity”. Berlin, 1982, PP. 109 – 118; *М. Геккер*. Ук. соч., сс. 17 – 26; *Y. Seton-Watson*. Nations and states: An inquiry into the origins of nations and the politics of nationalism. Boulder (Cal.), 1977.

жизненных стандартов этнических групп населения США⁷⁰. Известный английский политолог Н. Глейзер в статье “Этнический фактор” констатирует, что “общество не в состоянии привести все этнические группы к одинаковому уровню социального и экономического развития, равенству⁷¹”.

Несводимость всего многообразия явлений жизни общества, включая и его этнонациональные реалии, только к основным категориям формационного подхода, особенно в его огрубленном виде жесткого противостояния классов, к настоящему времени можно считать признанной не только в зарубежном, но и в отечественном обществоведении.

Известный в советские времена историк немарксист М. А. Барг в одном из последних своих выступлений особо подчеркнул, что крупные западные специалисты, в противовес нашему отходу от Маркса, все отчетливее усматривают в нем крупного теоретика исторической мысли XIX в., открывшего в материальной практике людей подлинную тайну истории. Марксова категория формации сохраняет свое значение как метод концептуализации тех процессов, которые являются ключом к пониманию элементов закономерного в течении истории.

Важным показателем научного прогресса в начале нашего столетия М. А. Барг считает “разделение” человека на “человека экономического”, “человека политического”, “человека социального”, так как историческая наука расщеплялась на субдисциплины, и они уходили вглубь отдельных сторон процесса. Однако уже в 20-х годах наиболее крупный в этом столетии французский историк Марк Блок призвал своих коллег вернуться к постижению человека как целостности.

В настоящее время, когда в отечественной политике и политических науках происходит очередное болезненное переосмысление ценностных ориентаций, осуществляется “смена вех” от надчеловеческого восприятия смысла социальных связей к самому человеку как системообразующей гуманистической ценности, многомерной в своем индивидуальном и групповом разнообразии.

От того, в какой мере человеку удастся проявить свою многомерность, в каких рамках очерчено его жизненное пространство, в котором обеспечи-

---

⁷⁰ См. *J. Slawson, M. Vosk. Unequal Americans: Practices and politics of intergroup relations. L., 1979.*

⁷¹ *Н. Глейзер. Ук. соч., с. 15.*

вается или не обеспечивается развитие его как суверенной личности, зависит с какой исторической парадигмой он может быть соотнесен. Этим можно определить также выбор поля – формационного или цивилизационного – исследования индивида, класса, слоя, этнической общности, в целом государства или какого-либо другого сообщества людей.

Автор монографического исследования исходит из того, что формационный процесс заключает в себе механизм сменности, перерывов в постепенности, борьбы противоположностей, высшей формой которых являются классовые конфликты и социальные революции. В противовес этому в развитии цивилизации как крупномасштабного, устойчиво сохраняющего свои культурные характеристики ареала, наиболее полно отражается другая сторона социального прогресса, а именно преемственность и непрерывность в развитии, сохранение и передача важного для человека и общества накопленного опыта поколений⁷².

Таким образом, отношение категорий “формация” и “цивилизация” отражает диалектику понятий “революция” и “эволюция”. Однако сопоставление этих двух категорий не означает альтернативной дихотомии.

Понимание категорий “цивилизация” и “формация” в их диалектическом единстве позволяет преодолевать существующее противоречие. Формация приходит на смену и в рамках одной и той же цивилизации и со сменой цивилизации. И в то же время смена определенной цивилизации сопровождается, как правило, сменой и общественной формации. В каждом обществе сочетаются цивилизационные и формационные компоненты.

Преодолеть “тупик объективизма” и включить в исторический процесс фактор человеческой субъективности М. А. Барг считает возможным с помощью категории “цивилизация”, которая обеспечивает целостное видение общества, выдвигая в качестве центрального собственно человеческий аспект в истории.

Процеируя категории “цивилизация” и “формация” на индивида и способы проявления его сущности в общественной системе, можно также обнаружить наличие двух базовых компонентов. М. Барг обозначает их субстратами и различает субстрат этногенный (антропогенный) и субстрат социогенный (формационный)⁷³. Относя их к категории “цивилизация”, М. Барг считает,

---

⁷² См. “Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного”. М., 1984, с. 15.

⁷³ См. М. Барг. О категории “цивилизация”. “Новая и новейшая история”. М., 1990, № 5, сс. 25 – 40.

что они дают возможность целостного видения личности и общества, их взаимоотношений, а также более широкого рассмотрения спектра проблем, связанных с разворачиванием исторического процесса.

Взгляд на структуру общества только с точки зрения категории “формация” выдвигает на первый план классовое содержание человека, представленного в двухуровневой модели взаимоотношений базиса и надстройки, гипертрофированной зависимости условий его жизнедеятельности от уровня развития производства, от взаимоотношений экономики и политики. Данная попытка объективного видения человека в двухагентном обществе, на наш взгляд, приводит к абсолютизации классовой сути общественного индивида, редуцирует его многообразие.

Категория “формация” не раскрывает всей “палитры” человеческой природы, ограничивает в определенные рамки историческую действительность, а также проявление самого индивида в этой действительности. Формационное видение человека сводит социологию истории этносов, наций и государств, представляющих различные локальные исторические культуры, к заданной стадияльной схеме. В этом заключается основной недостаток формационного подхода, так как человек – это не только формационная категория, он и его общности являются к тому же носителями признаков конкретных цивилизаций.

Цивилизационный подход обнаруживает в деятельности индивида вышеназванные субстраты – этногенный и социогенный. Они в различной мере проявляют в личности и общностях элементы, восходящие к этносу и характеризующие его индивидуальность, а также элементы, обусловленные политэкономической спецификой общества и государства.

Этнос нельзя назвать категорией чисто формационной, так как его формирование не локализуется границами одной формации. История каждого этноса – это последовательная цепь передачи людьми друг другу веками накопленного опыта освоения мира. Как элемент цивилизационной целостности этнос находится в ценностном поле культуры, морали и нравственности, связанной с реальностями как этнонациональной, так и надэтнической сфер человеческой интеграции. “Цивилизационная целостность не носит функционального характера – ее объединяет общность каких-то более глубоких, “интимных” свойств входящих в нее групп и индивидов”⁷⁴.

---

⁷⁴ Г. Дилигенский. “Конец истории” или смена цивилизации? “Вопросы философии”, 1991, № 3, с. 32.

Свойства эти составляют огромный пласт ценностей неклассового происхождения, не имеющих отношения к системе данной конкретной формации. Выражая круг идентификационных интересов человека, этнонациональные ценности, а также более широкие этноинтегративные ценностные ориентации развиваются, изменяются в относительной зависимости от формации. Они формируются, в основе своей, культурно-исторической средой конкретной цивилизации и ее этнонациональных подсистем. Характер ценностей может стать основанием для определения типа цивилизации. И с этой точки зрения, базовые ценности – суть цивилизации, ее индивидуальность. Но одновременно, “этносы, а мы добавляем, а также их цивилизационные общности, – это целостные системы, неразрывно связанные с социально-экономическими факторами”⁷⁵.

Это означает, что в общечеловеческой общности, в данном случае в этносе и надэтнических цивилизационных ареалах, не обнаруживая полярных антагонистических противоречий, взаимодействуют два фактора, две структурные линии, обусловленные, с одной стороны, человеческой индивидуальностью (антропогенный субстрат), и с другой стороны – спецификой общественного устройства (формационный субстрат).

Таким образом, концепция Барга позволяет определить роль категории “цивилизация” в рассмотрении культурной и социальной природы человека, двойственности и двуединости его сущности, а также зависимости от этих факторов результатов ее практического деятельностного выражения. Эвристическая ценность, познавательная потенция представленной таким образом категории “цивилизация”, на наш взгляд, заключается в том, что она выдвигает на первый план человеческий аспект, то есть процесс проявления человеческой личности во всех сферах ее индивидуальной и коллективной деятельности, тем самым раскрывая для исследователя дифференциацию человеческого бытия, а также степень субъективного влияния личности, этнических и цивилизационных общностей на реальную действительность, и в целом на ход истории. Рассмотрение человека сквозь призму духовных, нравственных, культурных ценностей и социально-общественного бытия составляет цивилизационное видение человека как целостности.

И в то же время категория “цивилизация” концептуализирует видение во всех связях и проявлениях самого общества. Она ставит целью снять противоречия между отчужденной сущностью власти и потребностью в

---

⁷⁵ Ю. Бромлей, Р. Подобный. Человечество – это народы. М., 1990, с. 197.

общей регуляции, между интересами общественными и личными, стремится решать проблемы соотношения прошлого, настоящего и будущего, проблемы преемственности, эволюции развития человека как индивидуальности, а также этносов и цивилизаций как исторических социокультурных сообществ.

И здесь универсальным образом переплетено духовное, связанное с этносом, его историей, традициями, культурной неповторимостью цивилизации, а также ее социальной, политэкономической практикой. Другими словами, “цивилизация” обеспечивает видение человека в единстве двух составляющих оснований-координат – социогенного и этногенного. Это единство измерений можно определить в данном случае как этносоциальное измерение структуры и динамики развития общества. Таким образом, категория “цивилизация” определяет содержание и направления многомерности общественного развития, реализуя в этносоциальном измерении цивилизационный подход к философии истории.

Цивилизационный подход в том его понимании, какое предложено профессором М. А. Баргом, может служить методологическим основанием для анализа еще одной “двойственности” исторического процесса: сочетания конфликтного или консенсусного факторов в его развитии. Объективный социогенный субстрат определяется автором как конфликтный по своей сути, поскольку им обусловлено основное социальное противоречие. Субъективному этногенному субстрату, который определяется элементами культурной идентификации, служит своего рода “кодовой сферой” цивилизации, принадлежит функциональная роль консенсуса, механизма предотвращения разлада в обществе.

Цивилизационный подход дает возможность рассмотреть причинную взаимосвязь объективного социогенного и субъективного этногенного элементов общественных явлений с формированием преимущественно “конфликтного” или “консенсусного” сценария развертывания исторического процесса в его конкретных этносоциальных сюжетах.

Так, можно гипотетически предполагать, что в моноэтническом государстве “консенсусный” потенциал этногенного субстрата, взаимодействуя с “конфликтным” потенциалом социогенного субстрата, создает условия для снятия конфликта, разрешения его или, по крайней мере, определенного смягчения.

В полиэтническом же государстве конфликтный потенциал социогенного субстрата может быть погашен “консенсусными” потенциалами различных этнических групп с меньшей вероятностью, так как эти потенциалы “консенсусны” преимущественно во внутригрупповом измерении. Кроме того, этот “консенсусный” потенциал отдельных этнических групп может быть субстратом внешнегрупповой конфликтности (или по горизонтали – между этническими группами, или по вертикали – между этническими группами и государственным центром).

Вероятно, что в полиэтническом государстве этногенный компонент цивилизационного исторического процесса, в отличие от случая с моноэтническим государством, может быть источником дополнительной конфликтности, усугубляющей объективный конфликтный потенциал социогенного субстрата.

В дополнение к оценке состояния конструктивной разработанности этнополитологических проблем в цивилизационном ракурсе их анализа следует также отметить труды целой группы отечественных философов, политологов, этнологов, которые в той или иной связи обращались к их рассмотрению. Специального внимания требуют работы Н. И. Конрада, Ю. В. Бромлея, С. А. Арутюнова, Б. С. Ерасова, Э. С. Маркаряна, Э. И. Скакунова, А. В. Журавского и др.⁷⁶.

На основе цивилизационного подхода моделируется наиболее общая, во многом чисто умозрительная схема развития этнонационального процесса в том или ином обществе. Вместе с тем данный уровень методологического обобщения позволяет учитывать наиболее широкий спектр факторов, определяющих характер этнонациональных отношений моно- и полиэтнических образований.

Небезынтересным представляется, на наш взгляд, сопоставление “цивилизационной модели” и более конкретизированных в своем приближении к этнонациональным реалиям концепций западных обществоведов, более подробно рассмотренных выше. При всем разнообразии эти исследования вписываются в цивилизационные рамки модернизированного или модерни-

---

⁷⁶ См. Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972; Ю. В. Бромлей. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988; С. А. Арутюнов. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989; Б. С. Ерасов. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990; Э. С. Маркарян. Теория культуры и современная наука. М., 1983; Э. И. Скакунов. Путь модернизации советского общества. М., 1991; А. В. Журавский. Христианство и ислам. М., 1990.

зирующегося (современного или переходного от традиционного к современному) общества, фиксируя особенности данного цивилизационного состояния или этапа развития. Основное внимание исследователи уделяют выявлению причин поляризации социальной конфликтности вокруг национализма этнической группы в модернизирующемся полиэтническом государстве⁷⁷.

Полно и убедительно объективная конфликтогенность социально-экономических процессов модернизации этнически разнородного государства раскрыта М. Гектером и Т. Нейрном. На конкретном материале авторы прослеживают, как ареалы экономической и социальной обделенности населения в многонациональных государствах могут в процессе модернизации стать очагами национальных конфликтов в случае пересечения границ этих ареалов с территорией расселения “периферийных” этнических групп. С точки зрения цивилизационного подхода, концепция “внутреннего колониализма” сводится к анализу объективных социогенных факторов этнонационального конфликта. Вместе с тем, как неоднократно отмечалось и в зарубежной, и в отечественной литературе, даже при совмещении социально-экономических и этнических различий латентный конфликт далеко не всегда переходит в открытую форму, и сами по себе эти различия и противоречия лишь при определенных условиях порождают межэтнический конфликт, что практически лишает концепции “внутреннего колониализма” и “центра – периферии” крайне важных для социологических теорий прогностических возможностей.

Наибольшие соответствия цивилизационной модели профессора М. Барга, представляющего развитие общества во взаимодействии социогенного и этногенного субстратов, обнаруживает социологическая концепция “политизации этничности” как основа этнополитологии, предложенная Дж. Ротшильдом.

На уровне политико-социологического знания исследователь конкретизирует диалектику взаимодействия этногенного и социогенного субстратов цивилизационной модели развития, подчеркивая тесную взаимосвязь развития “уникальной” этноспецифической культуры с усвоением этнической группой в процессе модернизации универсальной культуры и технологии. Как

---

⁷⁷ Наиболее полный в отечественной литературе очерк концепций межэтнических конфликтов содержится в работе: “Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока”. М., 1991, сс. 33 – 72.

“парадокс политизации этничности” ученый определяет усиление интереса к этнической специфике в ответ на изменения, привносимые модернизационными процессами.

С учетом недостаточной разработанности в отечественной и зарубежной литературе этнополитологии цивилизационных процессов и явлений автор исследования, опираясь на вышеприведенный анализ, видит свою дальнейшую задачу в постановке проблемы развернутого цивилизационного исследования этнополитики, а также обоснования методологической модели многоуровневого анализа проблем межцивилизационного контакта.

Обобщая методологическую постановку проблемы применения цивилизационного подхода к этнополитическому исследованию консенсусно-конфликтного потенциала переходных обществ в качестве одного из реальных ресурсов разработки и этнополитического обеспечения национальной безопасности, можно сделать следующий вывод. Цивилизационный анализ, дополняя двухагентную одномерность формационной схемы общественно-исторического движения человечества до стереоскопического отображения этносоциальных систем, позволяет рассматривать процессы их трансформирования в ходе модернизации, формирования, воспроизводства мира, а также этнополитических кризисов и вооруженных конфликтов с широких позиций политической философии истории традиционных и современных цивилизаций.

Таким образом, цивилизационный подход нами берется для дальнейших исследований в качестве одного из основополагающих методологических принципов формирования этнополитологии национальной безопасности как системы специальных фундаментальных и прикладных обществоведческих знаний. Цивилизационный анализ этнополитических феноменов дает возможность для последующего фундаментального раскрытия этнополитологического аспекта теории национальной безопасности, моделирования консенсусно-конфликтной динамики процессов обнажения контактных зон между этносоциальными системами модернизированных и модернизирующихся моноэтнических и полиэтнических государств, а также надэтнических цивилизационных ареалов.

§ 2. УРОВНИ ЭТНОПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Политические поиски, обусловленные задачами создания нового общественного устройства на территории бывшего СССР, не могут не учитывать нарастания двух тенденций в развитии мирового исторического процесса, а именно: с одной стороны, наряду с формированием единого экономического и информационного пространства в мировом сообществе все большее место занимают интеграционные процессы; с другой стороны, проявляется противоположная тенденция – движение к этносоциальной автономии. Эти два вектора отчетливо обозначены в стремлениях новых государств СНГ к модернизации экономики, ориентированной на общечеловеческие ценности и западные технотронные модели, и одновременно – на национальное самоопределение и суверенитет.

В итоге, все более актуальными становятся проблемы идентификации, т. е. соотнесения себя с реальными процессами в мире, с той или иной цивилизацией, их потенциями и достигнутым уровнем прогресса, так как признается факт неравномерности, а также относительной несопоставимости развития.

Проблема идентификации – центральная тема дискуссий, которые вновь востребованы историческим поиском “консенсуса – конфликта” между славянофилами и западниками в русле диалога “Запад – Восток”. Эти дебаты о выборе моделей развития, о новой государственности, о возможности и путях модернизации нашего общества подразумевают наличие, в первую очередь, конфликта двух явлений, обозначаемых “традиционализм” и “модернизация”. Ресурс возможного консенсуса, считает автор, следует искать в осмыслении цивилизационной целостности данной проблемы.

Стереотипы, присущие формационному подходу, обуславливают классовым фактором как традиционное, так и инновационное сознание, отождествляя формационный подход с политической интерпретацией базисно-надстроечных отношений, и в такой постановке сводят традиционность к отсталости. Традиционное, с этой точки зрения, оказывает исключительно тормозящее воздействие на прогресс, что делает логичной и оправданной необходимость революционной ломки цивилизационной многомерности “старого” и создания формационной одномерности “нового”. Это, в свою очередь, предполагает абсолютную самостоятельность традиционного, его “отчужденность”, что в конце концов оправдывает необходимость его

полной элиминации. Тот же подход, оберегая интересы политической элиты от идеологических деформаций, категорически дистанцируется от инноваций, предъявляемых постсовременными достижениями западной цивилизации.

Другими словами, упрощение картины развития мира в философии формационного подхода содержит в себе методологию обезличивания этноцивилизационного многообразия общества, сведение его к однородному, ориентированному на “идеологическую цивилизацию” мировосприятию и управляемость “сверху”. Политологические приложения данного подхода порождают концептуальное оправдание политической стабильности ценою изоляционизма и социальной консервации.

Отсюда несомненна актуальность цивилизационного видения проблем трансформации бывшего СССР. Именно широкое этносоциальное измерение с этих позиций очередных мобилизационных политических доктрин может помочь преимущественному развитию консенсусных ресурсов многообразного цивилизационного потенциала страны. Цивилизационный подход позволяет приблизиться к пониманию преимуществ эволюционной модернизации зарождающихся наций-государств в континууме выборов между фундаменталистской или какой-либо другой традиционалистской в сущности идеологией и “вестернизаторской” перспективе.

Данный подход ставит проблему как теоретической, так и практической адаптации “западных” и “восточных” моделей “обустройства России”, других суверенных государств, исходя из системного осмысления проблемы межцивилизационного контакта на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Исследование содержания, границ и форм межкультурного взаимодействия стало характерной чертой трудов представителей различных обществоведческих наук, исследующих растущие противоречия в ходе модернизации и культурно-информационного контакта между Западом и Востоком.

Теоретический поиск выбора путей национального развития сопровождал национально-освободительное движение, развернувшееся особенно интенсивно после второй мировой войны в так называемом “третьем мире”. Фокусированность научных школ обеих сторон данного межцивилизационного контакта на анализ проблем национального развития, оценку внешних экономических, культурных и особенно политических воздействий на состояние становящихся из колоний новых наций-государств наложило отпечаток на приоритетность политологических проблем. Этим можно

объяснить доминирование проблематики самоопределения как в теоретико-методологических, так и научно-научных социолого-психологических и этнологических исследованиях. Как отмечает Б. С. Ерасов, очевидное экономическое превосходство Запада подрывает в теоретическом сознании национально-освободительных движений и освободившихся стран значимость экономических факторов как основы общественного бытия. Он приходит к выводу, что, избегая навязываемой Западом модели национального существования и парадигмы модернизации, общественное сознание усматривает основу самоопределения в политике и культуре. Следует при этом принять во внимание определенное воздействие обществоведческих, особенно модернизационных концепций Запада и марксистской формационной теории на ориентацию политических наук третьего мира.

Стремление противопоставить экономической западнорестриктской модели развития свой тип организации общества вызвало к жизни различные концепции культурной и политической самобытности, в том числе в форме концепции национального возрождения с ориентацией на пути социализма или рыночной демократии, а также фундаменталистского обновления религиозно-государственных традиций. Такое разделение ценностно-ориентационных систем стало тяготеть к однозначному рассмотрению Запада как материально-ориентированного, а Востока как духовно-ориентированного миров.

Вместе с тем с формированием определенного дихотомического противостояния на уровне межцивилизационного культурного и технико-технологического контакта “Запад–Восток” сложился более обнаженный политический план конфронтации по оси “Запад–Восток”, обусловленный “холодной войной” между блоками капиталистических и социалистических стран, а также идеологически более ориентированными на СССР развивающимися странами. В том же ряду следует рассматривать ось противостояния “Север–Юг”, лишь частично совпадавшую в недавнем прошлом с идеологической конфронтацией сверхдержав.

Приоритетная культурологическая и политологическая разработка этнодифференцирующих черт, противостоящих западному стилю и образу жизни, взяла на себя миссию привнесения в общественное этнонациональное сознание освободившихся стран идентификационных ценностных ориентаций, нацеленных на защиту их самобытности и строительство национальной государственности. Своеобразным системообразующим параметром рассматриваемых идентификационных представлений и ориентаций, как

говорилось выше, наряду с этносом становится пласт более агрегированных идентичностей – цивилизаций.

Становление новой, цивилизационной системы ценностных координат как в теории, так и в этнополитической практике формирует дополнительные ресурсы для самоотнесения и взаимоотношения крупных этносоциальных общностей. Подобный масштаб видения “идентичностей” в современных условиях информационно-культурного и политического взаимодействия может интенсифицировать объективно протекающие в истории интеграционные и дезинтеграционные процессы, придать им концептуально культурологическую и политологическую направленность, а также стимулировать поиск их политико-практического оформления и конституирования. Таким образом, гипотетически могут быть выделены несколько основных уровней этносоциальной идентификации в выдвигаемой автором исследования цивилизационной модели, в конечном счете, отражающей наметившиеся тенденции и концептуальные сдвиги в теоретическом и общественном сознании. Их можно представить в следующей последовательности: этнос как базовый уровень этнонациональной идентичности; нация как идентичность, промежуточная по отношению к этносу и цивилизации; ареальная, или “историческая”, цивилизация как агрегированная идентичность, базирующаяся на интегративных межэтнических ценностях; и наконец, глобальная цивилизация как высшая агрегированная идентичность, базирующаяся на общечеловеческих ценностных ориентациях.

Цивилизационное масштабирование системного этнополитологического анализа, на наш взгляд, дает ряд преимуществ методологического плана в исследовании противоречивых процессов универсализации и воспроизводства самобытности, традиционалистских и инновационных механизмов их реализации. Данный подход содержит в себе возможности для более широкого и разнообразного видения взаимодействия этносоциальных систем, чем это складывается в современной этноконфликтологии как преобладающим исследовательском направлении. Предложенное же сопряжение в едином ценностно-ориентационном контексте глобального, ареального, национального и этнонационального измерений межцивилизационных контактов предполагает системное исследование как конфликтных, так и консенсусных сценариев их формирования и развития.

Воспользовавшись итогами сопоставления разнородных дискуссий о содержании понятия “цивилизация”, проделанного Б. С. Ерасовым, возьмем за основу три выделенные главные характеристики:

– наличие всеобщей социокультурной связи, способствующей определенному единству духовной жизни крупномасштабной общности, имеющей территориальную привязанность и сохраняющей длительную преемственность;

– дифференциация духовной жизни в рамках данной общности или же за ее пределами, способствующая развитию и многообразию жизнедеятельности народов, составляющих данную цивилизацию;

– поддержание преемственности в существовании общества на протяжении длительного времени (веков и тысячелетий) и сохранение этой преемственности при различных вариантах динамики.

Обобщенные подобным образом функции цивилизации, синтезированные из концепций О. Шпенглера, Н. Данилевского, А. Тойнби, П. Сорокина, М. Вебера, С. Эйзенштадта, а также целого ряда ученых из стран третьего мира, представляют собой определенную целостность ее интегрирующих, дифференцирующих и воспроизводящих характеристик⁷⁸.

Данные параметры качества цивилизационных систем, исходя из вышеприведенных выкладок об исследовательском однообразии и недостаточной эвристичности формационного подхода, целесообразно дополнить рядом разъяснений. Цивилизации не совпадают с формациями как во времени, так и в пространстве. Они отражают разные типы культурно-исторической общности и типы динамики. Основные черты и структура конкретных цивилизаций не исчезают при переходе на последующие ступени развития, формационные факторы не стирают цивилизационных характеристик.

Цивилизационный регулятивный потенциал решения задач, соответствующих триаде выделенных нами выше функций-характеристик, представляет собой ресурс для консенсусного или конфликтного развития межцивилизационных контактов на всех вышеописанных уровнях их реализации.

Итак, цивилизации, отправляя интегрирующую и дифференцирующую функции в их непрерывной исторической реализации, либо конфликтным, либо консенсусным путем снимают противоречия между различными этнокультурными и социокультурными общностями, между развитыми и неразвитыми народами, между классово зрелым центром и слабо стратифицированной или доклассовой периферией, между отчужденной сущностью власти и потребностью в общей регуляции, между природными и историческими измерениями социального бытия. Данное развернутое

---

⁷⁸ См. Б. С. Ерасов. Ук. соч., сс. 90 – 207.

определение содержания пространства “консенсус–конфликт” есть упрощенный эскиз многомерности тех связей, которые рассматривались выше внутри целостности этногенных и социогенных субстратов цивилизационной модели этносоциальных общностей.

При рассмотрении проблемы цивилизационной динамики на территории бывшего СССР нам представляется необходимым, с одной стороны, сосредоточиться на атеистической коммунистической цивилизации и тенденциях ее трансформации из системы, обслуживающей полиэтническое государство, в некое новое цивилизационное качество. С другой стороны, особого внимания заслуживает динамика становления и воспроизводства двух основных цивилизаций, исторически локализованных на территории СССР – христианской и мусульманской.

По нашему мнению, исследование развития стагнации коммунистической цивилизации, охватывающей огромные пространства Европы и Азии с полиэтническим и поликонфессиональным населением в относительно короткое историческое время, возможно на опыте анализа причин застоя восточных обществ.

Выше были вычленены три существенные функции-характеристики цивилизации, из которых одна – воспроизводящая, развертывает в историческом времени и пространстве две другие функции, которые и являются источниками цивилизационной динамики. Речь идет о дифференциации социокультурной жизни по различным способам, уровням и участникам организации общественного бытия, а также интеграции этих вариантов в универсальных социокультурных системах. Противоречивое взаимодействие этих функций в реальной истории является и причиной, и механизмом формирования конфликтного и консенсусного потенциала внутри цивилизаций и в контактах между ними.

Воздерживаясь от прямых сопоставлений с цивилизационной ситуацией в бывшем СССР, тем не менее, считаем полезным уделить внимание консенсусно-конфликтной двойственности, а в большинстве случаев преимущественной конфликтности восточных цивилизаций, имманентно – по А. Тойнби – содержащих и порождающих императив централизации и деспотизма политической власти в интересах менее продвинутых цивилизационных элементов общества⁷⁹.

Соглашаясь с Б. С. Ерасовым в его обобщенном анализе различных

---

⁷⁹ См. А. Дж. Тойнби. Постигание истории. М., 1991.

востоковедных трудов, а также опираясь на свой собственный опыт включенного наблюдения и анализа афганского конфликта, автор исследования считает важным подчеркнуть убедительность и актуальность его выводов о тех средствах интеграции, которыми восточные общества в определенной мере сдерживают опасность тоталитаризации деспотизма.

Исходя из специфической слитности политической и религиозной сущностей исламской ментальности и организации общественного бытия, а также секулярности политических систем в христианском мире, следует отметить приоритетность исследования роли религии в удовлетворении растущей потребности цивилизации в налаживании и использовании интеграционных механизмов. В данном случае мы имеем дело с механизмами, сдерживающими плюрализм ориентаций и дифференциацию различных внутрицивилизационных общностей, но вместе с тем, предохраняющими общество от крайностей деспотизма.

Подобное участие в регламентации разнообразия духовной, социальной и особенно политической жизни специалисты считают характерным для ряда религий: конфуцианства, ислама и других. Установка на консервацию в рамках цивилизации не только продвинутых, но и отсталых укладов, в конечном счете, как показывает анализ исторического опыта, приводит к окостенению всей системы.

Обычно в данных конкретных цивилизациях на этнонациональном и национально-государственном уровнях осуществляется политико-правовое выравнивание различных цивилизационных элементов, основной политической ценностью объявляется стабильность, базирующаяся на навязывании всему обществу этносоциальной однородности. Данная политико-религиозная ценностная ориентация реализуется в преобладании вертикальных центрo-периферийных отношений, тотальном огосударствлении общества.

В западном цивилизационном круге отделенность церкви от политической власти в течение продолжительного времени предоставляла религии качественно другие условия для участия в интегрирующей регуляции многообразия общественного бытия. Сформировавшаяся в отделенном от христианства западном государстве и обществе в целом приоритетность индивидуальности над всеобщинным коллективизмом наложила определенный отпечаток на всю систему межличностных отношений, этнокультурной и социокультурной динамики на всех цивилизационных уровнях. Расширение участия граждан в общественном управлении, сопровождавшееся своеобразным изменением конфигурации политико-правовой и этносоциальной сферы, проложило

“западный” путь внутрицивилизационного плюрализма. Профессионализация и сопровождающая этот процесс редукция сферы государственного регулирования весьма эффективно сопровождались все большим ориентированием общества на гражданскую защиту либерально-демократических ценностей. Таким образом, в отличие от восточных, преимущественно насильственных способов противодействия дифференцирующим тенденциям внутрицивилизационного единства западный цивилизационный ареал выработал систему демократической полиархии как результативный инструмент общественно-государственного обеспечения политической стабильности и воспроизводства целостности цивилизации средствами преимущественной саморегуляции общественного бытия.

Дальнейшее исследование сущности сходства и различия ценностных ориентаций двух основных цивилизационных систем на территории СССР, а также социокультурных и этнокультурных механизмов их реализации может послужить выявлению и использованию возможностей для развертывания межцивилизационного контакта преимущественно в консенсусном направлении.

Какие же ценностные ориентации могут быть рассмотрены этнополитологией в качестве основных каналов продвижения межцивилизационного контакта? Здесь представляются важными как теоретико-методологическое осмысление имеющихся достижений обществоведческих наук, так и осмысление практики межцивилизационного сотрудничества. Важно рассмотреть также и конкретные кризисы, конфликты между равноуровневыми этносоциальными подсистемами постсовременных, современных и традиционных цивилизаций. Внутрицивилизационная ориентированность на согласие вокруг основных ценностей и процедурных норм правления может стать одним из важных этнополитологических изменений содержания ориентированности и готовности к внешним, внецивилизационным контактам.

Правление через соучастие гражданского общества с государством, степень консенсуса участников данного правления относительно демократического регулирования и саморегулирования дифференцирующих факторов общества (территориальная и культурная автономия, в особенности статус различных языков и религий, контроль над системой просвещения, отправления культов, политические и социальные свободы)—вот основное содержание внутрицивилизационной ориентированности на ценности и систему демократического плюрализма.

Правление же плюральным обществом через насильственное приглушение или торможение дифференцирующих факторов, ориентированность правления на политизацию всего социума вплоть до его тотального огосударствления – в ряде случаев навязанная господствующей религиозной или светской идеологией – составляет содержание внутрицивилизационной ориентации на ценности деспотического плюрализма.

Следует оговориться, что в данном исследовании обращается преимущественное внимание на методологические проблемы этнополитологии. Этим объясняется уделение большего внимания политическим факторам и их политологическому осмыслению. Именно в данном ракурсе и обозначены полюса совокупности ценностных ориентаций этносоциальных общностей на внутрицивилизационный консенсус и политическую стабильность. Политическое же выражение сущности данных ориентаций выражается в формах государственного и гражданского контроля над производством, обладанием и потреблением цивилизационных ресурсов общества.

Демократический плюрализм – полиархия, базирующаяся на западноцивилизационной системе ценностных ориентаций, предрасположена приспособлять свои политико-правовые подсистемы, в том числе и структуры, практически к любому типу массового этносоциального или национального движения, за исключением их насильственных форм, разрушающих основы данной системы.

Деспотический плюрализм, имеющий в своей основе так называемый восточноцивилизационный комплекс ценностных ориентаций, характеризуется политико-правовыми установками на форсированное “строительство единой нации” путем интенсивной интеграции и ассимиляции меньшинств. Режим, проводя политику в интересах доминирующего национально-государственного большинства, фактически стимулирует возникновение конфликтных ситуаций.

Следует остановиться на противоречивости “консенсус-конфликтного” процесса, которая имеет ряд основных измерений. В условиях деспотического плюрализма этносоциальные напряжения реже, чем при полиархии, наблюдаются в виде открытого конфликта. Режим демократического плюрализма обычно сопровождается быстрой трансформацией скрытых конфликтов в открытую форму.

В чем же заключаются сущностные политические причины подобной парадоксальности хода процессов? На наш взгляд, данное противоречие в

основном обусловлено тем, что режимы западнoцивилизациoнного полиархического типа не предполагают всеобщего государственного контроля за всеми сферами общественного бытия и сознания. Политическая “партиcипация” государственного управления с самоуправлением гражданского общества является сущностной основой для регулирования скрытых конфликтных ситуаций на периферии политической системы, локализуя их разрешение в сфере межличностных отношений между местными органами гражданского самоуправления и участниками конкретных конфликтов.

Данная сущность выражается в установке на консенсусное решение на местах “большинства конфликтов”, не имеющих прямого отношения к государственному управлению. Конфликты же, имеющие политический характер, обслуживаясь структурами полиархии, предрасположены скорее раскрыться из скрытой в открытую общественно контролируемую форму. А в конечном счете, речь идет о функциональной отрегулированности механизмов перемещения конфликтов в сферу “организованной” политики.

Такова основа измерения консенсусной предрасположенности полиархической цивилизационной системы, ее запрограммированности на обеспечение долгосрочной саморегулирующейся стабильности политической системы.

При режимах же деспотического плюрализма практически любые проблемы, возникающие на периферии социокультурной жизни общества, сталкиваясь с системой тотальной политической регламентации, приобретают политический характер и перемещаются на арену политического противостояния с государством. В этом заключается сущность конфликтной заряженности плюралистических деспотий.

С учетом межцивилизационных контактов, их эволюционного диффузного взаимопроникновения, а также внешнеполитического и международно-правового взаимодействия между представляющими цивилизации структурами проблема цивилизационной идентификации не может быть интерпретирована схематически “чистыми” моделями. Политические режимы большинства восточных стран не могут безоговорочно соотноситься ни с деспотическими, ни с демократическими моделями. На наш взгляд, именно цивилизационное разнообразие участников контактов, авторитарные или парламентаристские формы их политического выражения содержат в себе ресурсы не только конфликтного, но и консенсусного развития их взаимодействия.

Требуют специального внимания исследования как внутривизицизационного, так и межвизицизационного аспекта ценностно-ориентационных пересечений на всех уровнях визицизационной идентификации.

В связи с этим представляется важным сравнительно-аналитическое этнополитологическое исследование отраженности в национально-государственной и международной практике ценностей, являющихся базой для защиты “прав человека”, отраженных во “Всеобщей декларации прав человека”, а также международных пактах об экономических, социальных, культурных, гражданских и политических правах.

Именно отраженность данных ценностей в национальных системах защиты жизни, свободы и достоинства человека, как отмечалось нами выше, могут послужить одним из главных критериев оценки визицизационного состояния и ценностной предрасположенности партнеров или контрпартнеров в двуедином процессе “консенсуса – конфликта” на этнонациональном, национально-государственном, ареальном и глобальном уровнях взаимодействия.

Завершая второй параграф данной главы, автор отмечает некоторые сложности, связанные с выявлением консенсусных потенций конкретных этнополитических контактов и их инструментальной реализации. Можно выделить по крайней мере две обобщенные группы трудностей в применении консенсусного подхода в реальных этнополитических кризисах, исследуемых с участием автора, – трудности гносеологического и инструментально-технологического плана, а также проблемы их релевантного соотнесения.

На наш взгляд, особое, фундаментальное место занимают трудности гносеологического характера, обусловленные неадекватностью восприятия и этнополитологической познавательной-аналитической рефлексии разнообразия реальных этнополитических процессов и явлений. Обобщенное представление о сложности общения и взаимодействия между субъектами и объектами консенсусного регулирования можно охарактеризовать, используя один из универсальных принципов общей теории управления – “принцип необходимого разнообразия”⁸⁰. В применении к сфере социальных процессов, в частности, к этнополитической теории и практике данное основоположение теоретической кибернетики могло бы быть определено следующим образом. Оптимальное взаимодействие в этносоциальных системах в процессе визицизационного анализа и урегулирования консенсуса –

---

⁸⁰ См. У. Росс Эшби. Необходимое разнообразие. “Введение в кибернетику”. М., 1959, сс. 287 – 310.

конфликта предполагает, что субъекты урегулирования в своем содержании и потенциях его проявления должны быть не менее разнообразны, чем объекты этнополитологического анализа и этнополитологического управления.

§ 3. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КОНСЕНСУСА – КОНФЛИКТА В ТРАНСФОРМАЦИИ СССР – СНГ

Идентифицировать уровень цивилизационного состояния общества – это значит, на наш взгляд, определить уровень его модернизованности, характер его трансформирования от традиционной к современной и постсовременной цивилизации.

Статус “сверхдержавы”, которым обладал СССР в послевоенный период, и молчаливое допущение того, что СССР в роли “Востока” находится вместе с “Западом” на “Севере” в противовес “Югу”, создали по существу иллюзию реального уровня его модернизованности. Так, предложения о решении национально-государственных проблем СССР по аналогии с опытом интеграции, например, современной Европы, предполагали, что советское общество могло быть идентифицировано как находящееся на уровне постсовременной цивилизации, в качестве одного из элементов социокультуры которой действительно выступают наднациональные межгосударственные структуры.

Однако на основании цивилизационного анализа в силу его многомерности и комплексности выявляется целый ряд реально происходивших в СССР процессов, например, деидеологизация государства и разгосударствление экономики, движение к отказу от колхозно-совхозных форм собственности в пользу частной собственности на землю и требования уважения национального суверенитета и др., свидетельствующих о том, что СССР находился лишь на начальном этапе модернизации: завершалась идеологическая фаза перехода от традиционной (исторической) цивилизации к современной.

В основе иллюзии о высоком уровне реальной модернизованности советского общества лежал, в конечном счете, формационный подход, оценивающий социальное развитие под углом зрения его экономической детерминированности. Но даже с этих позиций нельзя отрицать, что статус “сверхдержавы” был достигнут и поддерживался СССР за счет аномального социально-экономического развития, потребовав непомерно высоких для мирного времени затрат на оборону, значительно превысивших “пороговые”

5 % ВВП⁸¹, за пределами которых попытки приращения безопасности оборачиваются возрастанием опасности экономического распада. Более того, следствием этого стала “гипериндустриализация”—нарушение внутриэкономического баланса страны в пользу “вторичной экономики” (более 50 % ВВП). “Гипериндустриализация” привела советское общество в состояние перманентного экономического кризиса и, как следствие, массового психологического дистресса, уровень которого пропорционален “сверхрасходам” на форсированное индустриальное воспроизводство.

Все это обусловило, вероятно, самый низкий в истории СССР уровень удовлетворения базисных потребностей населения и высокую предрасположенность к конфликтной перспективе страны на предстоящие годы.

Следовательно, пример развития СССР показывает, что хотя без экономического развития, разумеется, невозможно движение к современной цивилизации, тем не менее, само по себе оно не является единственным мерилom уровня модернизованности, особенно “периферийных” обществ, склонных по отношению к западным критериям к аномальному социально-экономическому развитию.

Другой критерий модернизации общества—уровень его институционализации—наличие политических институтов, способных охватить все выступающие за перемены группы общества и способствовать его социально-экономическому развитию. Хотя на этом направлении за 1985 – 1991 годы общество в СССР продвинулось вперед, реальная оценка процесса институционализации как с позиции попыток демократизации советской политической системы, так и реформации ее национально-государственного устройства возможна лишь на фоне измерения уровня оппозиционности или сотрудничества—реальной партисипации общества в жизнедеятельности государства.

Рассматривая проблему в этом аспекте, мы видим, что неудовлетворенность базисных потребностей, превышающая, по некоторым социологическим опросам, “критическую” цифру 70 % населения в отдельных регионах СССР, создала уже в 1989 – 1992 годах тот уровень социальной напряженности, который достаточен для быстрой ее трансформации в политические

---

⁸¹ Здесь использованы цифровые данные и материалы методологического семинара АТММО с участием автора под руководством директора Центра методологии международных исследований ДА РФ доктора юридических наук, профессора Э. И. Скакунова.

режимные конфликты вплоть до самой крайней их формы – гражданской войны. Забастовки с политическими требованиями, методологически оцениваемые именно как политические режимные конфликты, пока проходившие в относительно мирной стадии своего развития, однозначно свидетельствуют о крайне высоком уровне оппозиционности общества как советскому, так и постсоветским политическим режимам.

Если же взять национально-государственный уровень процесса институционализации, то проблема усложняется тем, что этнические общности, объединенные под центропериферийным давлением в унитарное государство, находятся на разных уровнях социокультурного развития. Некоторые из них принадлежат к разным типам традиционных цивилизаций, нередко еще не готовых к модернизации, а другие уже соразмеряют свой уровень развития со стандартами современной цивилизации. Поэтому этнонациональная волна в условиях разрушения системы деспотического плюрализма в СССР, находившегося в состоянии переходящей в конфликт социальной напряженности, неизбежно привела к легитимным национально-освободительным конфликтам, которые разрушили в итоге национально-государственное устройство СССР и создали трудности для сохранения целостности государств, возникших в ходе распада СССР.

Оценивая таким образом уровни экономического развития и институционализации СССР, мы обнаруживали, что если первый показатель, несмотря на “гипериндустриализованность” СССР, указывал на его социально-экономическую неразвитость, то второй – на интернациональную приверженность тоталитарному политическому режиму и имперской форме национально-государственного устройства – к существенным признакам традиционной цивилизации.

Допуская, вместе с тем, возможность отставания в развитии политических институтов от уровня социальных и экономических перемен в обществе, мы, наконец, начинаем понимать, что процесс модернизации напрямую проявляется в том, что называют “социальной мобилизованностью” общества, понимая под ней всеобъемлющий процесс изменения, охватывающий значительную часть населения в стране, движущейся от традиционного общества к индустриальному, процесс формирования современного политического сознания у возникающих в обществе новых социальных общностей. Речь, по сути дела, идет об измерении уровня социокультурного развития общества, который, проявляясь через массовое сознание в содержании ценностных ориентаций, в типах социального характера, политическом стиле и иных социально-психологических “образах”, адекватных современной

цивилизации, и является реальным показателем органичности и устойчивости движения общества к прогрессу.

Следовательно, в качестве основного показателя уровня модернизации советского общества, отсчет от которого может указывать на размеры аномальности его экономического развития и институционализации, выступает социокультурная стратификация населения, проявляемая через массовое сознание в ориентации на социальные ценности, характерные для каждого типа цивилизации. Можно заранее предположить, что соотношение групп населения, тяготеющих к типовым для каждой цивилизации ценностям, будет во многих регионах бывшего СССР различным, требуя в каждом случае дифференцированного подхода к выбору как стратегии экономического развития, так и глубины процесса институционализации.

Практика модернизации в разных странах показывает, что для сохранения политической стабильности общества необходим баланс между уровнем социальной мобилизованности населения, его нацеленностью на осуществление перемен и институционализацией общества. Чем выраженнее социальная мобилизованность населения, тем больше оснований для разбалансированного развития общества, для разрыва между усваивающимися массами новыми социальными ценностями и существующими в нем структурами, оккупируемыми, как правило, традиционной элитой и ее креатурой. Этот разрыв при отсутствии реальной партисипации гражданского общества и является главным источником политической нестабильности СССР–СНГ, проявляясь в так называемых “позиционных конфликтах”, возникающих между предрасположенными к коррупции, практически неконтролируемыми со стороны зачаточных механизмов гражданского общества новыми политическими группами и прежней элитой из-за контроля над механизмом подготовки, принятия и исполнения политических решений об использовании национальных ресурсов.

Соотношение уровня социокультурной развитости и существующих социальных структур в различных районах нашей страны различно, но, как показывает анализ потенциала политических конфликтов (против режима и властей), разрыв между ними везде достаточно высок, что характеризует общество–наследника СССР в целом как предрасположенное к нестабильности.

В распавшемся СССР в условиях “национального возрождения”, восстановления национальных традиций и одновременно открытости западной цивилизации, развертываются модернизационные процессы в области

технологии (в том числе социальной и политической), а вместе с тем процессы вестернизации и фундаментализации в культуре, общественном сознании и поведении. Разобраться в этой мозаике культурно-политических изменений можно, как выше утверждалось, опираясь на более общее понятие, позволяющее охватить и осмыслить эти процессы как явления, принадлежащие к одной сфере. Многоаспектный спектр социальных реалий объединяет понятие “цивилизация” как целостное социокультурное образование. Цивилизационный подход, как отмечалось ранее, предполагает также рассмотрение явлений в историческом развитии и, следовательно, включает изучение процессов интеграции и дезинтеграции цивилизаций, то есть процессов установления “консенсусного” и “конфликтного” типов цивилизационных (межцивилизационных и внутрицивилизационных) контактов.

Перед модернизирующимся обществом в условиях достаточно быстрых и глубоких изменений встает, как было уже рассмотрено, проблема цивилизационной идентификации, то есть проблема самоотношения к той или иной цивилизации. Проблемы преемственности, сохранения самобытности (самосохранения или выживания), соотношения между традиционностью как фундаментальным условием существования общества и традиционализмом как ориентацией на ценности и символы, противостоящие изменениям, “размывающими” самобытность, остро осознаются на уровне идеологии и не менее остро переживаются на уровне массового сознания. В обществе это способствует созданию напряженности и внутреннего динамизма между, скажем, “консенсусным” и “конфликтным” сознанием, переосмыслению этнических и культурных контактов, в которых, с одной стороны, сохраняется противопоставление “мы—они”, с другой стороны, нарастает осознание принадлежности к единой общности.

В полиэтнических имперских структурах обычно господствует ориентация на “гомогенизацию”, унификацию этнических культур, имеющая “вертикальную” (центр—периферия) направленность. Проблема цивилизационного контакта для подобных политических структур, как правило, сводится к коэрссионному взаимодействию. В условиях распада этих структур лавинообразно нарастает процесс “гетерогенизации” культур, приводящий к созданию “культурной мозаики”: усиливаются дезинтеграционные процессы, угрожающие самим основам существования цивилизации. Возникает неординарная ситуация, суть которой заключается в том, что национальное возрождение, которое своим появлением и существованием обязано формированию цивилизации, размывает свою собственную цивилизационную основу. Как объяснить этот процесс? Только ли необходимостью изменений? Каково их возможное направление и каковы наши возможности предвидеть и выбирать?

Вероятно, для того, чтобы суметь избежать крайностей нежелательного “сценария” перехода от “имперских” вертикальных социально-политических структур моноцентризма к конфликтным горизонтальным структурам полицентризма необходимо одновременное усиление консенсусных процессов или внутрицивилизационного интеграционного потенциала.

Каковы консенсусные факторы перехода от СССР как структуры в определенном смысле цивилизационного типа к иной структуре, как, например, СНГ? Ответ на этот вопрос, тесно перекликающийся с проблемами национальной и международной безопасности, требует предварительного рассмотрения нескольких исторических вопросов. Что представляла собой Российская империя? Воплощала ли она особый тип цивилизации, являлась ли преемницей более древнего типа или, напротив, выступала прелюдией к новому? Выявление определяющих факторов данного цивилизационного ареала позволяет уточнить его границы и определить возможные направления развития, включая и современные его модели.

Примером определяющих “корневых” факторов российского цивилизационного ареала на протяжении длительного этапа его исторического развития могут служить “евразианическая” идея и концепция “Москва – третий Рим”. Безусловно, что данный цивилизационный ареал издавна входил в “христианскую цивилизацию” и одновременно очень важно признание того факта, что религия, как правило, стоит у истоков формирования “корневой парадигмы” цивилизационного типа. Наряду с религией в исторической динамике цивилизаций отчетливо проявляются геополитические ориентации. “Евразианическая идея” и явилась их выражением для России.

Если религиозный фактор связывал Россию с христианским миром, то геополитический фактор связал ее судьбу с “тюркоисламским” регионом. На пересечении этих факторов и складывалась в целом история данного цивилизационного ареала с его противоречивым сочетанием “панславизма” и “пантюркизма”, выражающих не только специфику, но и единство действующих здесь этногеополитического и религиозного факторов.

Консенсусно-конфликтный потенциал каждого из этих факторов различен. Так, например, христианство обладает большим опытом консенсусного типа внутреннего развития и внешнего взаимодействия. “Тюркоисламский мир”, со своей стороны, выработал гораздо более эффективные средства социальной интеграции и поддержания стабильности, что естественно в условиях подавляемого большого конфликтного потенциала.

С точки зрения так называемого общечеловеческого сознания, общемировой цивилизации, российский цивилизационный ареал развивался как бы в двух “измерениях”: динамическом – российской геополитики и инерционном – этнорелигиозном.

В условиях господства советского менталитета на первый план вышел фактор геополитический, о чем свидетельствовала трансформация имперского сознания в новую идеологическую форму идей “мировой революции” и “всемирного пролетарского интернационализма”. “Внутрицивилизационная консенсусность” СССР обеспечивалась во многом за счет вынесения конфликтности вовне, на уровень “межцивилизационных контактов”, что создавало эффект “осажденной крепости”.

Когда межцивилизационная конфликтность стала угрожать самим основам существования “собственной цивилизации”, советское партийно-государственное руководство попыталось усилить “консенсусность” межцивилизационного контакта, что одновременно привело к усилению “внутрицивилизационной” конфликтности, к ускорению социально-политических процессов, а также к тому, что этнорелигиозный фактор цивилизационной идентичности вновь встал в повестку дня. В социально-политическом плане “советская цивилизация” как единое целое во многом перестала существовать, но одновременно с усилением “горизонтальных связей” усилилась “внутрицивилизационная контактность” различных регионов и субрегионов единого в прошлом цивилизационного ареала. Цивилизационная система из удерживаемого преимущественно политическими средствами состояния моноцентричности стала полицентричной.

При этом каждая ее часть стала менее стабильной, так как “центровка” сил в переходный период оказалась нарушенной, и теперь неизбежно, с учетом мирового контекста разрушения биполярной системы международной безопасности, происходит ее переориентация и перераспределение между многими внутренними и внешними новыми центрами силы. Безусловно, Россия стремится сохранить роль “регионального гегемона”, что, впрочем, соответствует историческим традициям ее существования.

В условиях возобновления “игры” двух факторов: геополитического и этнорелигиозного, их взаимодействие стремительно нарастает и, вместе с тем, так же быстро нарастает роль еще одного, до сих пор не учтенного – этнодемографического – фактора, который имеет существенное значение для каждого из названных выше факторов и может, в конечном счете, склонить чашу весов в сторону приоритетности одного из них. Эффект воздействия

этнодемографического фактора – это новация, для которой на историческом опыте российского цивилизационного ареала не выработано механизма адаптации. Данная проблема требует специального рассмотрения, в конечном счете, для осмысления и формирования концепции новой архитектуры безопасности Содружества Независимых Государств на территории бывшего СССР, соответствующей постперестроечному этапу модернизации. Его проявление в будущем может быть двояким: 1) окончательный распад субрегионов и последующее их разнесение по “еврохристианской” и “исламоазиатской” частям; 2) формирование нового единого ареала, что менее вероятно.

Динамика этнодемографического фактора в условиях формирования “западно-” и “южно-” ориентированных субрегионов цивилизационного ареала, охватывавшего в самом недавнем прошлом СССР, позволяет предполагать его возможное развитие по пути так называемой “ливанской” модели. Мы имеем в виду тот факт, что в свое время при формировании государства Ливан как преимущественно христианского, достаточно жестко было зафиксировано и квотировано представительство всех общин на всех этажах власти (маронитов, друзов, шиитов, суннитов, армян и др.). На протяжении более чем полувека произошло достаточно резкое нарушение этого хрупкого баланса вследствие форсированной этнодемографической динамики мусульманского населения, что привело к долгой гражданской войне.

Вариант этого сценария с учетом возрастания доли и роли активного взрослого населения и его социодинамики из южноориентированных государств нынешнего СНГ может привести к существенным структурным изменениям. В этом плане в составе Верховного Совета СССР последнего созыва 1991 года довольно симптоматично выглядело изменение удельного веса представительства этих исламоориентированных регионов в высших эшелонах власти бывшего СССР. Более того, выражением нарастания и усиления этих тенденций является так называемое Туранское совещание, состоявшееся в конце 1991 года, как и сама идея Турана в контексте активизации внешнеполитической деятельности Турции и Ирана в этом регионе.

С учетом всего сказанного, “ливанизация” всего цивилизационного ареала, именуемого ныне СНГ, в условиях потери русскими (славянами) роли межэтнического гегемона, представляется, к сожалению, более чем возможным сценарием развития в самое ближайшее время. Консолидирующим

фактором в таких условиях могла бы явиться армия, если бы не позиция определенных славянских государств, в частности, Украины, стремящейся, скажем так, побыстрее уйти на Запад, оставляя Россию один на один с наследием бывшего Союза. В этих условиях армия вполне может пойти по “югославскому” пути. Усиление внутрицивилизационного конфликта может привести к усилению межцивилизационных контактов, в особенности в так называемых контактных зонах на границах бывшего СССР, что вероятно, в свою очередь, приведет к “ориентализации” южных субрегионов и “вестернизации” западных одновременно с распадом последнего скрепляющего звена – армии.

Однако такой сценарий развития, как наиболее нежелательный для Запада и, в первую очередь, для США, оставшегося пока в качестве единственного глобального центра силы, скорее всего не реализуется. В условиях турбулентного формирования многополюсной системы мировых центров силы, Америка, как можно предположить, заинтересована в создании гомогенного пояса единого цивилизационного типа от Сан-Франциско до Владивостока, замкнув который, она сможет и противостоять, и, возможно, сотрудничать с Югом и его региональными гегемонами, такими, к примеру, как Индия.

С учетом глобального разделения общемировой цивилизации на Север–Юг, сменяющего историческое разделение на Запад–Восток, можно предположить, что в настоящее время происходит глобальный структурный сдвиг, способный нарушить и без того неустойчивый баланс и привести, таким образом, к распространению “ливанской” модели, то есть к опасности возникновения целой серии региональных конфликтов, в особенности в “контактных” зонах между цивилизациями.

Контактная зона – это регион повышенной конфликтности, которую именно поэтому труднее перевести в “консенсусный режим функционирования”. Здесь крайне неустойчив баланс, и может начаться разрастание конфликта, его регионализация и глобализация. Существует настоятельная потребность в демилитаризации и модернизации прежде всего контактных зон, что относится, в первую очередь, ко всему Ближнему Востоку и, в особенности, к арабо-израильским взаимоотношениям, которые Соединенные Штаты Америки пытаются перевести именно в “консенсусный режим”. Вместе с тем аналитики не склонны замечать, что Ближний Восток может трансформироваться в новый регион повышенной конфликтности, в который может войти и Закавказье вместе с Северным Кавказом.

Очевидно, что данный регион нуждается в создании мониторинговой службы национальной и международной безопасности, отслеживающей малейшие изменения ситуации и создающей программы и рекомендации по модернизации региона в направлении достижения консенсуса и диалога. Мониторинговая служба, возможно, должна функционировать на базе таких авторитетных межгосударственных организаций, как ООН и СБСЕ. Для реализации такой программы в соответствующем режиме должны функционировать и средства массовой коммуникации. И если региональные средства не в состоянии выполнить эту функцию, необходимо создание и функционирование средств массовой коммуникации ООН и СБСЕ, которые бы уже сегодня реально представляли интересы безопасности международного сообщества наций в контактных зонах повышенной конфликтности. Речь идет о трудной задаче этнополитической переориентации “контакта” на такой режим функционирования, при котором дивергентно-ориентирующие геополитические и этнорелигиозные факторы должны были бы уступить место конвергентно-ориентирующим факторам формирования межцивилизационного консенсуса.

Кроме того, актуальна ситуация систематической модернизации (но не вестернизации или фундаментализации) исламо-джамахирийского цивилизационного ареала. Научный анализ может прояснить пределы совместимости ислама и демократии и трансплантации в этот цивилизационный тип общечеловеческих ценностей, составляющих суть демократии.

Учитывая коллективистские ориентации групповой деятельности в культурных традициях исламского менталитета в отличие от индивидуалистической направленности западных культурных традиций, важно также иметь в виду возможность в результате консенсусного контакта возрождения европейских социальных утопий на новой этнокультурной почве в самых разнообразных формах, вроде исламских моделей социализма.

Идея джамахирии может реализоваться в светской идеологии, имеющей своим истоком европейскую социальную утопию, и в конечном итоге, получить резонанс в западной цивилизации. Тогда межцивилизационный контакт может снова переродиться во взаимогенерирующие межцивилизационный и внутрицивилизационный конфликты. Таким может стать новый виток “холодной войны”, на сей раз между Севером и Югом. Гарантом предотвращения такого сценария могут стать регулируемые на различных уровнях цивилизационного контакта технологические новации, социокультурный плюрализм и экологический экуменизм.

Подводя итоги, можно заключить, что нынешний период в развитии мировой цивилизации характеризуется возрастающей нестабильностью межцивилизационных контактов и одновременно консолидацией внутрицивилизационного диалога-консенсуса.

Это означает, на наш взгляд, что различные цивилизации с целью самосохранения будут стремиться к реставрации исторических ценностей и, таким образом, есть основания предполагать, что в “западной цивилизации” последнее приведет к оживлению индивидуалистской, а в “восточной цивилизации” – коллективистской парадигмы. В этих условиях, скорее всего, будет нарастать этнополитическая конфликтность цивилизаций.

Как показывает модернизационная практика, для исламского мира, за исключением, пожалуй, Турецкой Республики, характерно отторжение каких-либо существенных инноваций в пользу формирования гражданского общества. Для бывшего советского общества это обстоятельство может иметь важные последствия. В условиях нарастающего, в первую очередь, этнодемографического преобладания носителей коллективистских, иерархических политико-правовых ориентаций становится возможным воспроизводство тоталитарно-авторитаристских традиций, по крайней мере в южных регионах бывшего “советского цивилизационного ареала”. При разработке проблем национальной и международной безопасности целесообразно учитывать, кроме того, что для тоталитарно-авторитарных режимов характерна особая, повышенная роль армии, а также других органов принуждения в осуществлении легитимного насилия государства по отношению к обществу. Если эти проблемы нарастающей конфликтности не будут своевременно разработаны и разрешены, то в условиях склонности нашего общества к модернизации скорее “сверху”, нежели “снизу”, такие изменения могут сформировать дополнительные факторы, стимулирующие процессы установления монопольного контроля над обществом.

Без претензий на полноту охвата данной многосложной проблемы представляется авторский опыт многоуровневого анализа консенсуса – конфликта на примере модернизационной динамики бывшего СССР, а в последующих главах – Афганистана. Взаимопереходы исследовательских поисков от теоретических построений общего и среднего уровня к ситуационному анализу и аналитико-управленческой практике излагаются в виде композиции этнополитологических очерков, чья методологическая архитектура рассматривается в целостной взаимосвязанности содержания теории с методическим инструментарием изыскания данной теории на поле реального этнополитического бытия.

Для теоретического осмысления этнополитологических проблем и дальнейшего использования аналитических обобщений в организации практического воздействия на этнополитику может быть приведен опыт проведения “организационно-деятельностной игры” (ОДИ) и подготовки аналитических записок, что позволяет на конкретных примерах раскрыть особенности взаимосвязанности, как это принято обозначать в теории ОДИ, этнополитологического и этнополитического мышледействия. Теоретический “перевод” этнополитического опыта сторон “конфликта–консенсуса” в методологический инструментарий с последующим применением данных инструментов в формировании общественного сознания и политического поведения, суть последующего рассмотрения жанров политической аналитики⁸².

“Зона свободного предпринимательства” как политическая задача появилась перед политологами сразу после армянского землетрясения (7 декабря 1988 г.). Ее актуальность была обусловлена как общесоюзной перестроечной политикой, так и возможностью привлечь к локальному рыночному эксперименту систематизированный гуманитарный порыв развитых стран Запада. Внедрение в тело директивно-плановой советской экономики оправдывающих себя в ходе китайской “модернизации” рыночных экспериментов могла быть удачно локализована границами маленькой окраинной национальной республики. Данный выбор на тот момент мог быть оправдан перед всеми другими претендентами необходимостью интенсивного преодоления последствий землетрясения. Это предпочтение могло бы сгладить напряженность, возникшую в связи с отказом центра развернуть подобную зону в Эстонии. Такое обоснование отказа на эстонское предложение способствовало бы также продвижению позиций реформистов из центра.

В Армянской ССР достаточно оперативно откликнулись на политический вызов и уже к концу декабря группой политологов с участием автора была представлена аналитическая записка с постановкой данного предложения. В ней была предпринята попытка политологической привязки региональных, общесоюзных и глобальных аспектов данного эксперимента. Наряду с общим экономическим, социальным и политическим обоснованием концепции “зоны” рассматривались особенности геополитической изолированности Армении от морских подступов к ее территории и зависимости ее экономи-

---

⁸² В данной интерпретации инструментальных взаимопереходов этнополитики и этнополитологии мы опираемся на лекцию известного профессора политологии Йельского университета (США) Д. Алтера, прочитанную 12 марта 1991 г. на Международной политологической школе, состоявшейся 10 – 15 марта 1991 г. в Москве, в работе которой автор принимал участие.

ческого комплекса от транзитных инфраструктур сопредельных территорий. Развертывание “зоны свободного предпринимательства” могло бы стать уникальной для СССР моделью превращенной формы национального суверенитета без выхода из состава Советского государства. Умелое задействование данного эксперимента могло послужить конструктивной основой для урегулирования, а в дальнейшем, возможно, и консенсусного разрешения конфликта вокруг НКАО, имевшего тенденцию к эскалации в межгосударственный азербайджано-армянский вооруженный конфликт с последующей интернационализацией.

Другими словами, перед автором исследования и кандидатом экономических наук Г. Г. Арутюняном встала задача политологической и экономико-организационной мобилизации институциональных ресурсов и общественного мнения на разработку и реализацию программы “Зона”⁸³. Наряду с традиционными методами исследовательской и практической подготовки эксперимента, автор совместно со специалистом в области социологии инноваций, кандидатом философских наук Г. С. Казаряном предпринял рекогносцировку игротехнических возможностей СССР для разработки программы “Зона свободного предпринимательства в Армянской ССР”. Сопряжение политических и политологических инструментов было облечено в форму аналитической записки с обоснованием интенсификации разработок с помощью креативной игры, приложенной к депутатскому запросу автора на имя Председателя Совета Министров Армянской ССР В. С. Маркарянца. Важным аргументом в пользу инструментальной полезности данной разработки стало обоснование целесообразности интенсивного комплексного обучения (в процессе групповой подготовки программы “Зона” в среде привлеченных ведущих специалистов СССР) армянских разработчиков и менеджеров.

Для составления представления об ОДИ как инструменте прикладной этнополитологической разработки масштабного научно-практического рыночного эксперимента мы сошлемся на итоговый аналитический текст, опубликованный во влиятельном (в свое время) партийно-государственном офицозе⁸⁴. Очевидно, что и в данном случае публикация представляет собой как политологическое явление, так и инструмент практического воздействия на политическое поведение как институций, так и профессиональной и широкой общественности. Специфическую политическую значимость публи-

---

⁸³ См. Э. И. Скакунов. Пути модернизации советского общества. М., “Рабочие тетради АТММО”, 1991, № 3.

⁸⁴ См. Г. С. Котанджян. Стратегия обновления. “Хорурдаин Айастан”. Е., 23 апреля 1989 г., № 98 (на арм. яз.).

кации придавало подписание статьи автором в качестве члена комиссии ВС Армянской ССР по контролю за восстановительными работами в зоне землетрясения, субъекта официальной политики в сфере предполагаемого практического внедрения разрабатываемой программы “Зона”.

Рассмотрение “аналитической записки” в составе инструментария прикладной этнополитологии связано с базовостью данного рабочего инструмента практически для всех других этнополитологических и этнополитических приемов и методик. Аналитическая записка, как известно, является наиболее распространенным способом описания политологической или политической проблемы, представления оценок и выводов по ее состоянию, а также формулирования рабочих гипотез и предложений по разрешению рассматриваемых теоретических и практических задач. В данном исследовании приводится краткий опыт применения аналитической записки для теоретической разработки политико-правового разрешения своеобразного конституционного тупика, возникшего в связи с эскалацией этнополитического конфликта вокруг НКАО.

Как известно, проблема самоопределения народов является одним из функциональных основоположений в системе защиты “прав человека”. Разрабатывая пути конституционного самоопределения народа Нагорного Карабаха, автор принимал во внимание политико-правовую проблему взаимоотношений между международно-правовыми нормами и национально-законодательными системами. Речь идет о мере соответствия норм-рекомендаций Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и фактически императивных международно-договорных норм политического поведения двух Пактов о правах человека и Факультативного протокола к ним (1966 г.), с одной стороны, и конституционных норм, а также законодательно-нормативных механизмов их практической реализации в СССР – с другой стороны⁸⁵. Теоретический аспект данной сложной политологической проблемы нами рассмотрен в разделе, посвященном политико-правовой конвергенции – дивергенции цивилизационных систем. В случае же подготовки записки в 1989 г. был очерчен контур регулятивных потенций, содержащихся в системе международного и национального права⁸⁶.

---

⁸⁵ См. *Г. Котанджян, Г. Казарян*. Блокада... Время игр? “Коммунист”. Е., 21 ноября 1989 г., № 267.

⁸⁶ В своем выступлении 2 февраля 1989 г. в “Комсомольской правде” автор опубликовал основную гипотезу о применении международно-правовых и национально-конституционных норм для разрешения Карабахского конфликта путем проведения плебисцита (см. *Г. С. Котанджян*. Вариантов не признаю. “Комсомольская правда”, 2 февраля 1989 г.).

Приведенный опыт применения такого политологического инструмента, как аналитическая записка, кроме оценки состояния разработанности проблемы содержит гипотезу о возможной целесообразности политического восполнения правовой неполноты конституционно-законодательного механизма реализации референдума путем создания политико-правового прецедента. С учетом кризисной актуальности разрешения данного этнополитологического тупика автором предлагался этнополитический сценарий осуществления рассматриваемого прецедента. “Перевод” сущности данной записки из сферы этнополитологии в этнополитику самоопределения был реализован запиской члена ЦК КПА⁸⁷ для его использования политическим руководством Армении в высших органах партийно-государственной власти бывшего СССР⁸⁸.

Анализ дальнейшего хода событий подтвердил доброкачественность прогнозов о деструктивном развитии конфликта в случае его несвоевременного конституционного разрешения. Выше мы назвали “аналитическую записку” базовым инструментом прикладной политологии. Это определение оправдывалось и в нашем конкретном случае: в последующих вынужденных неоднократных обращениях к проблеме консенсуса–конфликта в Нагорном Карабахе нам часто приходилось в той или иной мере опираться на аналитическую основу приведенной записки.

Кризисное управление конфликтом в НКАО со стороны Центра бывшего СССР со временем стало вбирать в себя инструменты афганского конфликтного управления обстановкой, в том числе методы управления одними конфликтами с помощью планомерной разработки новых конфликтных сюжетов и даже разжигания новых конфликтных очагов. Элементы подобной этнополитики разрабатывались и осуществлялись не только прямым центро-периферийным управлением, но и путем опосредованного инициирования на местах конфликтной, якобы в конечном счете конструктивной, активности властей и оппозиции.

Дальнейший анализ показал, что, в конечном счете, авантюристический “конфликтный курс” советской этнополитики столкнул стороны азер-

---

Базовая записка в дальнейшем легла в основу подготовки других политологических материалов (см. *Г. Котанджян. Выход из тупика. Размышления после съезда. “Коммунист”*. Е., 14 июня 1989 г.).

⁸⁷ Автор к моменту подготовки и политической реализации данной записки был членом ЦК КП Армении.

⁸⁸ В газете “Коммунист” публикация текста записки осуществлена под рубрикой “Навстречу съезду народных депутатов СССР”.

байджано-армянского конфликта на путь принятия ущербных политико-правовых решений⁸⁹.

Изучение документов политических центров СССР, Азербайджана и Армении (в годичный период после подготовки приведенной аналитической записки) установило наличие в Москве центра, координирующего своеобразный кризисный паритет в сфере подготовки и осуществления противоправных акций конфликтующих сторон. Акция, компенсирующая политический факт решения о воссоединении НКАО с Арменией, контрагентом готовилась целенаправленно и демонстративно. С весны 1990 г. была развернута планомерная деструктивная кампания по административно-силовому разрушению всех звеньев конституционной представительной власти в НКАО. И упразднение Нагорно-Карабахской автономии как национально-государственного образования стало логическим продолжением “конфликтного управления” (посредством эскалации конфликта) поведения сторон азербайджано-армянского конфликта⁹⁰.

Те или иные сюжеты реальных конфликтных процессов приводятся как материал, поясняющий наряду с конкретными результатами анализа содержательные аспекты аналитико-управленческого ресурса, заключенного в конкретном исследовательском инструменте. Ограничиваясь изложенным введением к такому жанру и инструменту этнополитологического анализа, как аналитическая записка, отметим, что в аналитической записке автора в июне 1990 г. был предложен сценарный набросок “консенсусного управления” развитием карабахского конфликта. В записке, подписанной членом ЦК КПА, предлагалось: “...–начать процесс прямых и опосредованных переговоров между политическим руководством двух соседних республик, демократическими силами обоих народов для реалистического осмысления интересов сторон, выработки шагов по политическому урегулированию конфликта;

– в качестве одного из важных вопросов переговоров можно было бы рассмотреть условия двустороннего временного моратория на те законодательные акты, чье приостановление вернуло бы НКАО и обе республики в русло демократизации взаимоотношений между субъектами союзной федерации...”⁹¹. Вместе с тем автор, в рамках своих полномочий члена ЦК

---

⁸⁹ См. Закон Аз. Р “Об упразднении НКАО Аз. Р”, 26 ноября 1991 года. Ведомости ВС Аз. Р, 1991, № 24.

⁹⁰ См. “Права человека. Сборник международных документов”. М., 1986, сс. 21–78.

⁹¹ Г. Котанджян. Противоправное право. “Коммунист”. Е., 13 июля 1990 г. № 153.

КПА и депутата Верховного Совета Арм.ССР, представил в форме закрытых (секретных) аналитических записок предложения по решению в законодательной системе СССР проблемы самоопределения народов путем политико-правового инструмента референдума – на примере Нагорного Карабаха. Предложение о необходимости законодательной разработки механизма референдума на примере самоопределения Нагорного Карабаха было опубликовано также в официальном органе ЦК КПА. В дальнейшем автор участвовал в проектах “Конфликт” и “Стабильность” Центра методологии международных исследований Дипломатической Академии МИД СССР–РФ. Данные проекты по заказу ЦК КПСС разрабатывались с 1990 года в процессе разработки Закона СССР “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”, союзного референдума и нового Союзного договора⁹².

И наконец, рассмотрение инструментария прикладной политологии и опыта его теоретико-практического применения завершим анализом опыта использования одного из наиболее публицистических инструментов ситуационного анализа и мобилизации общественного мнения вокруг конкретных политологических гипотез, прогнозов и сценариев политических акций – “открытого письма”.

В последние годы на волне противостояния вульгарно-демократической активности носителей популистской политической культуры, а также административно-силовых традиций советского государства жанр “открытого письма” в определенной мере приобрел репутацию банальной и поверхностной политологической рефлексии на политическую конъюнктуру.

Мы обращаем внимание на важность обеспечения аналитической базы содержания “открытых писем”, адекватного выбора субъектов и объектов открытой переписки, а также планирования возможного авторитетного реагирования на публикацию письма с трибун и авторами, пользующимися высоким авторитетом среди профессиональной и широкой общественной аудитории.

Публикации писем в “Огоньке”⁹³ предшествовало реальное устное и эпистолярное общение между авторами – сторонами ценностно-ориентационного и целевого конфликта “за” и “против” политических перспектив социалистического демократизма в бывшем СССР.

---

⁹² Г. Котанджян. Выход из тупика. Размышления после съезда. “Коммунист”. Е., 14 июня 1989 г.

⁹³ См. Г. Котанджян и А. Головков. Тонкая нить согласия. “Огонек”, 1991, № 6.

К концу 1990 года на сессии Верховного Совета СССР Э. А. Шеварднадзе публично предупредил об опасности путча против политики реформ. М. С. Горбачев на закрытом заседании Верховного Совета предложил приостановить действие Закона о свободе печати, а затем отозвал свое предложение. В начале 1991 года резко усилилась социальная тревожность широкой общественности в связи с кровавым вооруженным конфликтом в Вильнюсе, ожиданием тотального военно-административного контроля за обстановкой в стране посредством повсеместного введения патрулирования вооруженными отрядами на местах, а также возможного восстановления политической цензуры.

Противостояние так называемых консервативных и демократических сил принимало все более массовый и конфликтный характер. Категоричное отнесение каких-либо возможностей консенсусного развития контактов между субъектами вызревающей гражданской войны отражалось в публикациях на страницах коммунистической и демократической прессы. Нападки друг на друга сторонами идеологического конфликта на страницах прессы и в эфире стали принимать откровенно оголтелый и деструктивный характер. Именно в этих условиях авторы писем решили “открыть” свою переписку, апеллируя к консенсусным интересам трезвомыслящих кругов и общественности бывшего СССР. В письмах были даны аналитическая оценка кризисной обстановки в СССР, прогноз структурной дестабилизации политической системы при достаточно широком меню сценариев политического управления постперестройкой.

Само опубликование жестко противостоящих социалистических и контрсоциалистических позиций авторов при подчеркнуто сдержанной форме поиска согласия на платформе конструктивного демократизма и надпартийных государственно-политических интересов в достижении гражданского консенсуса должно было служить примером разрядки оголтелого и конвульсивного противостояния идеологических противников.

Формированию культуры политического консенсуса способствовали авторитетные отклики-рецензии с трибун достаточно влиятельных средств массовой информации. Публикации таких признанных авторов, как обозреватель “Нового времени” Симон Соловейчик, а также член Комиссии конституционного надзора СССР Сергей Босхолов в “Независимой газете”⁹⁴, вывели политический уровень “открытых писем” за границы межличностного

---

⁹⁴ См. С. Соловейчик. Где эта улица? Где этот храм? “Новое время”, 1991, № 6, сс. 28–30; С. Босхолов. От конфронтации к оппозиции. “Независимая газета”, 9 февраля 1991 г.

диалога, связав его с политологическим осмыслением консенсусных сценариев развития постперестройки, спрогнозированной ее автором⁹⁵.

Представляется важным остановиться и на ситуационно-аналитических интерпретациях модернизационных консенсусно-конфликтных событий в нашей стране зарубежными специалистами. Еще до начала приступа к модернизационным переменам в СССР проблемы национальных отношений были предметом пристального внимания зарубежных политологов. Анализ более фундаментального круга этих работ, проведенный в первой главе, свидетельствует, что распад Союза в академической этнополитологии связывался с самой природой “последней империи XX века”, обреченной на неизбежную дезинтеграцию.

С начала 1980-х годов особое внимание западных специалистов занимали Советская Средняя Азия и Кавказ как потенциально дестабилизирующий фактор – источник националистических движений и угрозы коммунистическому режиму. Роль основных деструктивных факторов во взаимоотношениях этого региона с центром отводилась демографической динамике и “исламскому ренессансу”.

В конце 1980-х годов наибольший интерес западных политологов привлекали процессы, происходящие в Прибалтике, а также события в Нагорном Карабахе.

Все больший интерес западных специалистов стали привлекать проблемы эффективного обеспечения национального суверенитета, борьба за существенное ослабление политического контроля Москвы над ходом процессов на периферии. Развернулся многоуровневый ситуационный анализ взаимоотношений между центром, союзными республиками, автономными и субподчиненными образованиями. Иными словами, если раньше приоритет принадлежал традиционному кругу вопросов – экономическому и социальному развитию национальных сообществ, когда проблемам языка, культуры, религии придавалось политическое звучание, то в настоящее время в соответствии с новыми реалиями особое внимание уделяется требованиям политического характера, с удовлетворением которых связывают дальнейшие успехи национального развития во всех областях.

Отметим прежде всего, что некоторые исследователи на данной ситуационной базе развивают предыдущие научные рубежи до обобщений более высокого уровня, рассматривая советскую национальную политику как

---

⁹⁵ См. Г. Котанджян. Противоправное право. “Коммунист”. Е., 1990.

системное явление. Как правило, они отмечают и выделяют ее политическое и идеологическое измерение, ее политическую детерминированность. По логике таких крупных западных политологов, как профессор политических наук и директор исследовательского Института по международным изменениям при Колумбийском университете С. Бялер или профессор политологии Карлсонского университета в Оттаве Т. Раковска-Хармстоун, крах тезиса о наднациональном единстве привел как к поискам новых “идеологических опор” в национальной политике, так и к силовым методам в ее реализации.

Преподаватель политических наук в Уэльском университете П. Дункан обращает внимание на отсутствие строго выверенных идеологических установок советского режима в области национальной политики. В ней постоянно менялись места, как того требовали привходящие обстоятельства, три неизменных, по мнению автора, компонента: марксизм, ленинизм и русский национализм. “К концу правления Брежнева – пишет Дункан, – русский национализм стал важной составной частью господствующей идеологии, что угрожает пробуждением недовольства национальных меньшинств”⁹⁶.

Понимая под советской идеологией систему воспитания “нового человека”, советологи подчеркивают, что разрыв идеологических установок и догматов с реальными жизненными условиями, а следовательно, и их дискредитация играют роль катализатора националистических проявлений.

Широко известный специалист по национальным отношениям в СССР, научный сотрудник Федерального института по изучению стран Востока и международных отношений (Кельн) Г. Зимон по этому поводу пишет, что “утрата марксизмом-ленинизмом как целостным мировоззрением своей мобилизующей силы способствовала возникновению в советском обществе громадного духовного вакуума, который стремятся заполнить национальные представления о ценностях и духовном богатстве”⁹⁷.

В попытках вычленить главное в национальной политике в СССР, а также определить то новое в национальных отношениях на сегодняшний день, что характеризуется обострением не только межэтнических противоречий, но и конфликта по линии “центр–периферия”, западные политологи обращаются

---

⁹⁶ См. *P. Duncan*. Ideology and national question. “Ideology and Soviet politics”. L., Macmillan, 1988, pp. 180 – 203.

⁹⁷ *G. Simon*. Nationalismus und Grenzen des Sowjetunion als Weltmacht. Köln, 1988, S. 9.

к истокам национального строительства в Советском Союзе, пытаясь доказать, что сама “советская система”—вот тот корень зла, где следует искать истоки обострения общественных отношений второй половины 80-х годов.

Известный американский лингвист Р. Уиксмэн считает, что советская национальная политика, если ее рассматривать целостно, достаточно рациональна, логична и последовательна—и во времени, и по отношению практически ко всем национальностям. Расшифровывая свою позицию, автор утверждает, что национальная политика в СССР была подчинена главным целям и интересам режима, она соотносилась с функциями идеологии и общей политики.

Первой—самой важной—считалась задача сохранения территориальной целостности СССР и политической власти в Советском государстве. Второй—задача социальной трансформации советского общества в современное социалистическое государство. И, наконец, задача осуществления мировой революции и в связи с этим завоевание симпатий угнетенных народов за пределами Советского Союза, оказание влияния на те этнические группы в иностранных государствах, представители которых проживали и в пределах СССР⁹⁸.

Становым хребтом советской национальной политики Уиксмэн считает принцип “разделяй и властвуй”. Особенно последовательно он проводился в жизнь на этапе территориально-государственного размежевания и разграничения между мусульманскими народами, проживающими в Средней Азии, Среднем Поволжье, на Северном Кавказе.

Между тем, по мнению И. Лapidус, профессора истории Калифорнийского университета, возглавлявшей также Центр исследований по странам Ближнего Востока, в политической культуре мусульман досоветского периода отсутствовала концепция нации. “Для того, чтобы предотвратить возникновение общемусульманской оппозиции в Советском Союзе,—пишет Лapidус,—режим постарался разделить регион на отдельные национальные государства, разорвав узы племенной лояльности и прекратив процессы возникновения наднационального по своей сути религиозного и этнического сознания”⁹⁹.

---

⁹⁸ См. *R. Wixman. Applied Soviet nationality policy: A suggested rationale. “Passe—Turco—Tatar, present sovuetique”*. P., 1986, PP. 449 – 468 (P. 450).

⁹⁹ *I. M. Lapidus. A history of islamic societies. Cambridge, 1988, PP. 804 – 806.*

Уиксмэн полагает, что вряд ли различные мусульманские народы России в 20-е годы уже отвечали четырем критериям нации (по известному сталинскому определению). Советские лидеры пытались изменить внутреннюю структуру этих народов, чтобы подогнать их под данные критерии. Этнические группы, бывшие на грани слияния в одну национальность или составлявшие одну национальную ветвь, были разделены. Например, казахи, киргизы и каракалпаки в Средней Азии; татары и башкиры в Среднем Поволжье; чеченцы и ингуши; адыгейцы, черкесы и кабардинцы; балкарцы и карачаевцы на Северном Кавказе.

С мнением Уиксмэна солидаризуется Г. Бруннер, директор Института по изучению законодательства стран Восточной Европы (ФРГ), указывающий, что цели политического контроля, иногда прямого, иногда косвенного, очевидно доминировали в структуре советской национальной политики. Это, как считает автор, выражается в том, что сознательно противопоставляются друг другу принцип формального федерализма и принцип предоставления всех национальных прав этническим группам, доминирующим на данной, отведенной им этнической территории.

С. Бялер отмечает также, что в рамках советской формы правления господствует суперцентрализация в национальной, политической, экономической, частью – в культурной жизни, что позволяет характеризовать взаимоотношения между “великорусским” ядром и нерусской периферией как “имперские”¹⁰⁰.

По мнению Бялера, национальную проблему в Советском Союзе нельзя рассматривать как проблему этнических меньшинств, растворенных в русском населении. Национальная проблема в СССР, считает он, – это проблема борьбы между русской и нерусскими нациями.

Г. Зимон в этой связи в одной из недавних своих работ отметил, что советское руководство, борясь против центробежных тенденций, делает ставку на единство славян¹⁰¹. Это мнение разделяет и Раковска-Хармстоун, считающая, что советскому режиму для предотвращения нежелательного развития событий необходимо попытаться разыграть карту “общеславянского” демографического доминирования.

---

¹⁰⁰ См. S. Bialer. The conditions of stability in the Soviet Union. “Soviet society and culture: Essays in honor of V. Dunhan”. L., 1988, pp. 254 – 273.

¹⁰¹ См. G. Simon. Regionalism in the Soviet Union: Challenge or stabilization of the Soviet system. “J. of Baltic studies”. N.Y., 1987, Vol. 18, № 3, pp. 257 – 268.

Все чаще западные исследователи задаются вопросом, вписываются ли национальные процессы, протекающие в СССР, в рамки общепринятых на Западе социологических теорий.

По мнению В. Заславски, профессора социологии Ньюфаундлендского университета, уникальность советской системы во всех отношениях такова, что западные социологические модели могут объяснить ее лишь отчасти, да и то не всегда. Он останавливается на характеристике двух обществ, ныне доминирующих в западной социологии: западном варианте индустриального общества с наличием частной собственности, рыночных взаимосвязей и политического плюрализма, и “советском” варианте с отсутствием частной собственности на средства производства, централизованным планированием и однопартийной системой. К реальной политике в СССР применимы лишь несколько концепций, считает исследователь, относя к таким рассмотренную нами в первой главе модель “внутреннего колониализма”, в основе которой лежат отношения “ядро–периферия” или “доминирование–зависимость”. Согласно концепции канадского профессора, раздражение “этнических окраин”, в частности, Средней Азии, постепенно растет и заявляет о себе националистическими выступлениями, нарастающими требованиями политической автономии.

Более значимой в практическом отношении автору представляется модель “этнического разделения труда”, согласно которой рынок рабочей силы в любых индустриально-развитых странах делится на низко- и высокооплачиваемые сектора. Это отчетливо коррелирует с этнической стратификацией. Однако, по нашему мнению, к ситуации в СССР данная модель применима лишь с большими ограничениями. Так, например, в Средней Азии коренное население не считало занятость в низкооплачиваемом сельскохозяйственном секторе непрестижной: это отражало традиционные культурные ценности.

Кроме того, экономическая политика советского режима позволяла властям раскалывать этнические группы по профессиональным сферам, создавая своего рода “ниши” для наиболее активных элементов и тем самым изолируя интеллигенцию от коренного населения¹⁰².

Овладение процессами социальной стратификации Заславски считает наиболее характерным признаком советской национальной политики. Государство взяло на себя разрешение диалектического противоречия между официально

---

¹⁰² См. *V. Zaslavsky*. *Ethnic Group Divided: Zonal stratification and national policy in the Soviet Union*. “The Soviet Union Party and society”. L., 1988, PP. 218 – 228.

провозглашенной эгалитаристской идеологией и практическими действиями, идущими с нею вразрез.

“Разброс” национальных групп по классовым, собственно этническим и территориальным признакам позволяет режиму выделить из общей массы и нейтрализовать постоянно нарождающиеся местные политические элиты. Большую роль здесь играет, по мнению Заславски, уникальная паспортная система, принятая в Советском Союзе. Она служит действенным механизмом возведения барьеров между этническими группами.

Вместе с тем, трактуя национальную принадлежность как нечто естественно данное, часто вне зависимости от культуры, языка, религии, места рождения человека или же субъективной идентификации, паспортная система обеспечивала наличие “общего этнического знаменателя”: жесткая заданность в определении национальной принадлежности ослабляет стремление человека к сознательному этническому идентифицированию.

Заславски полагает, что именно благодаря этому в СССР существует пропасть между гуманитарной и технической интеллигенцией национальных меньшинств и набирает скорость процесс лингвистической ассимиляции¹⁰³. Автор считает необходимым покончить с управлением национальными процессами сверху, ибо в настоящее время, по его мнению, это чревато непредсказуемыми последствиями.

Такой же точки зрения придерживаются Карклинш и Раковска-Хармстоун. Они также считают необходимым прекращение регистрации национальности в паспорте.

Жесткий паспортный режим в сочетании с избирательным отношением властей к отдельным национальностям и группам препятствовал, по мнению Заславски, структурированию регионального самосознания, будь то пантюркизм в республиках Средней Азии или процессы консолидации в Прибалтике. Кроме того, благодаря активному интенсивному перемешиванию в рамках отдельных республик и регионов, предотвращалась опасность формирования устойчивых союзов по типу “среднеазиаты против европейцев”, “жители Кавказа против славян” и т. п.

Закljučая свой анализ, Заславски вполне правомерно выделяет одно из важнейших достижений советской национальной политики – последовательное проведение в жизнь принципа пропорционального представительства

---

¹⁰³ См. там же, с. 225.

национальностей на всех уровнях в системах образования, правительственных учреждений и ведомств. Однако, заключает он, целесообразность и разумность этого во многом “механистического подхода” по мере возникновения новых реальностей все больше ставились под сомнение даже в советских источниках¹⁰⁴.

В последние годы на Западе выходит много работ, авторы которых отмечают возрастающее значение ислама в политической и культурной жизни народов Средней Азии и Казахстана. Этот фактор рассматривается в качестве решающего в процессе усиления националистических ориентаций как в среде интеллигенции, так и в среде “трудящихся масс”. Предполагается, что религия может сыграть роль общего знаменателя для ожиданий и требований различных групп и слоев.

В связи с этим ввод советских войск в Афганистан и постепенное расширение противостоящей “священной войны” рассматривались как “новое открытие” исламским миром советской Средней Азии. Г. Зимон расценивал вторжение Советского Союза в Афганистан как “крупнейшее фиаско и ошибку центрального руководства”. “Вместо экспорта социализма”, – пишет он, – начался “импорт ислама в целом и фундаментализма, в частности”¹⁰⁵.

Оставляя многоуровневый цивилизационно-этнополитологический анализ афганского конфликта на последующее рассмотрение, здесь подытожим взгляды зарубежных специалистов на своеобразный резонанс конфликтогенных факторов внешней и внутренней политики СССР – СНГ.

Достаточно часто политологи называют дестабилизирующим воздействие на развитие событий в Средней Азии и Казахстане идей, выдвигаемых исламскими фундаменталистами, приверженцами аятоллы Хомейни. Именно от данной точки отсчета измеряется политическая предпочтительность посредничества Турции в продвижении интересов Запада в стоящем перед модернизационным вызовом исламском цивилизационном ареале на территории бывшего СССР. Обслуживающий “политический ислам” популизм Хомейни в мусульманском цивилизационном ареале СССР в противном сценарном выборе может превратиться в нарастающую волну критики постсоветской бюрократии, приправленной националистическими мотивами, а антиимпериалистическая направленность посланий вождей исламской революции – в антирусские настроения в среднеазиатских республиках.

---

¹⁰⁴ См. там же.

¹⁰⁵ См. Г. Зимон. Ук. соч., сс. 7 – 9.

По мнению других исследователей, в частности, И. Лapidуса, для советской Средней Азии характерна значительная секуляризация ислама и в последние десятилетия даже исламские теоретики подчеркивали совместимость социалистических и исламских ценностей, в том числе идей социальной справедливости, дружбы народов и др.¹⁰⁶.

* * *

Подводя итоги некоторым результатам второй главы монографии мы можем проследить корреляцию первых научных результатов с поставленной целью исследования и некоторыми научными задачами. Реализована такая задача исследования, каковой является определение содержательного поля основных категорий этнополитологии. В первой и отчасти во второй главах очерчена проблематика становящейся теории этнополитики и одного из ее специфических разделов – этнополитологии национальной безопасности.

Оценивая шаги по продвижению к поставленной научной цели, можно утверждать, что в первых главах показаны эвристические возможности цивилизационного подхода в применении к междисциплинарному многоуровневому поиску этнополитологической концепции национальной безопасности, механизмов цивилизационной детерминации и функционирования этнополитических конфликтов, а также методологических основ и механизмов их консенсусного урегулирования в системе этнополитического обеспечения национальной и международной безопасности.

---

¹⁰⁶ См. И. Лapidус. Ук. соч., сс. 813 – 814.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ – ДИВЕРГЕНЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Продолжим исследование проблемы возможного межкультурного консенсуса на базе сходства–различия ориентаций исламского и христианского цивилизационных ареалов на ценности, лежащие в основании признания равенства и защиты прав человека. Подобная постановка проблемы предполагает, по крайней мере, ее философско-культурологическое, политологическое и социально-психологическое рассмотрение.

Межкультурный контакт наиболее ярко отражается в содержании совместного бытия, когда христианская или мусульманская общины располагаются как меньшинство в границах инокультурного большинства. Особенности атеистического подавления открытых проявлений исламского менталитета в условиях бывшего СССР требуют вычленения сфер официального отправления культа, морали и права в советских мусульманских республиках из общего мира ислама. Здесь в связи с государственной политикой неприятия коранических норм можно говорить о вынужденном конспиративном или по крайней мере усеченном сопровождении политико-правовых процессов и актов шариатским регулированием. Наблюдения показывают редуцированность данной практики шариатского правоотправления в бывших советских республиках Средней Азии, Кавказа и Поволжья. Таким образом можно анализировать психологический аспект рассматриваемых межкультурных контактов между представителями различных этнокультур в контексте официального вытеснения этноконфессиональной специфики на периферию системы социальной регуляции.

Что касается разделенности христианского, так называемого канонического права и светского права, эта историческая дистанцированность обусловлена, во-первых, евангелическим догматом “Отдавайте кесарево–кесарю”. К тому же, каноническое право, являясь скорее узкоцерковной системой норм религиозной общины, не выходило на арену нормативного регулирования отношений католического костела с внешним цивилизационным миром. В христианском цивилизационном круге государственное право, в отличие от мусульманских стран, не составляло часть

самой религии¹⁰⁷. Скорее, по замечанию А. Дж. Тойнби, произошло обратное: “Византийские императоры превратили церковь в государственное ведомство, а вселенского патриарха—в министра по церковным делам”¹⁰⁸.

В советских мусульманских регионах в рамках коммунистической идеологической цивилизации контакты между этносоциальными элементами христианской и мусульманской цивилизаций осуществлялись под преимущественным регулятивным началом государственной политики, светского права и морали, характерным для социалистических секулярных политических систем. Религиозная коррекция межцивилизационных взаимоотношений имела место в свернутой форме социально-психологического нюансирования социальной, в первую очередь, нормативной политико-правовой регуляции.

Необходимо отметить, что доктрина и практика социалистического интернационализма по сути своей представляли политико-идеологические выражения системы советского деспотического плюрализма, реализующей стабильное воспроизводство межцивилизационного контакта в его двух измерениях. Консенсус формировался и воспроизводился на основании своеобразной стерилизации или приглушения национальной и ареальной цивилизационной специфики мусульманского и христианского контрагентов. Именно в этих идеологических межцивилизационных отношениях обеспечивалась центрo-периферийная управляемость конфликтных процессов. В результате, конфликтный потенциал межцивилизационных контактов накапливался и удерживался в скрытой фазе системы массового навязывания политико-идеологического консенсуса. Следует отметить также положительные стороны данной цивилизационной динамики, выражающейся как в стихийном, так и регулируемом взаимодействии национальных культур. Важное значение имела и многолетняя персонификация политики идеологического консенсуса в сфере межличностных отношений на всех уровнях социально-психологического контакта между индивидуальными и коллективными носителями этноцивилизационных, национально-цивилизационных и ареально-цивилизационных ценностных ориентаций. Подобное многолетнее удержание скрытого конфликта до фазы открытых межцивилизационных столкновений способствовало также выделению наиболее одиозных атрибутов образа врага—этноконфессионального антипода в историческом массовом сознании населения различных цивилизационных ареалов.

---

¹⁰⁷ См. Р. Давид. Основные правовые системы современности. М., 1988, сс. 390–391.

¹⁰⁸ А. Дж. Тойнби. Ук. соч., с. 320.

В отношении проблемы межцивилизационного консенсуса в советском обществе можно утверждать, что его перманентное воспроизводство обуславливалось сущностью политической организации общества, а также идеолого-цивилизационным содержанием советского атеистического секуляризма.

Вопросы межцивилизационного контакта в настоящее время актуальны как в традиционных, так и новых местах совместного исламо-христианского проживания. Особый интерес представляет цивилизационная динамика проживания и контакта христианских меньшинств на Ближнем Востоке среди мусульманского большинства, а также мусульманских меньшинств в Европе.

Вынужденно ограничиваясь этнополитологическим аспектом нашего исследования, мы больше внимания уделим тому, в какой мере изменились социальные и политические условия для реального равноправия и защиты прав человека на разных уровнях цивилизационного бытия. Межцивилизационный контакт здесь рассматривается как процесс сопоставления и реализации в консенсусе или конфликте степени сходства–различия контактирующих ценностных систем, а также реальной обеспеченности прав представителей одной цивилизации в границах–этнических, национальных, ареальных–другой цивилизации.

Если ограничиться лишь формальной стороной проблемы, то она может быть раскрыта с точки зрения приведения в действие в системе внутригосударственного права той или иной страны, принадлежащей к конкретному цивилизационному ареалу, норм международного права вообще, в частности, норм, связанных с защитой прав человека. По нашему мнению, проблема осмысления норм международного права, связанных с защитой прав и свобод человека, являясь в собственном смысле политологической¹⁰⁹, может быть поставлена также в цивилизационном масштабе. Речь может идти об этнополитологическом исследовании созвучия Всеобщей Декларации прав человека (1948 г.), Пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) национальным и ареально-цивилизационным ценностным ориентациям, а уже в связи с этим и системам нормативной регуляции межцивилизационного контакта.

---

¹⁰⁹ См. *А. С. Гавердовский*. Имплементация норм международного права. Киев, 1980; *Н. В. Захарова*. Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора. М., 1987.

Сущностные характеристики этнополитического сходства–различия между цивилизационными структурами, присущими христианскому и мусульманскому ареалам, на наш взгляд, связаны с особенностями исторического опыта становления взаимоотношений государства с церковью и религиозной традицией.

Импульс к либерализации взаимоотношений гражданина с обществом и государством в Европе выявляется в сущности исторического конфликта наций-государств с Римской церковью со времен средневековой реформации. В исламском же мире мусульманское право и концепция государства как служителя ислама составляют неотъемлемую часть целостной религиозной системы¹¹⁰.

Дистанцирование политико-правовых систем западного мира от церкви и эволюционное развитие принципов секуляризма можно проследить от английских Великой хартии вольностей (1215 г.) и Билля о правах (1689 г.), североамериканской Декларации независимости США (1776 г.) до французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.). Этнополитологический аспект генезиса исламской этнополитики предполагает изучение феномена мусульманской религиозной и политико-правовой слитности¹¹¹.

Исследование этнополитологического аспекта генезиса межцивилизационной конвергентности–дивергентности христианских и мусульманских политических и правовых традиций выявляет сущность и истоки данной расходимости политико-правовых систем или во внутрицивилизационном политико-правовом секуляризме, или в религиозно-политической и религиозно-правовой слитности.

Данный признак может в этнополитологии служить критерием оценки ориентированности разных национально-политических систем на цивилизационные ценности, лежащие в основании концепции защиты прав человека.

Лучшее понимание современной специфики этнополитической сходимости–расходимости мусульманской и западной моделей защиты прав человека требует уточнения также фундаментальных принципов

---

¹¹⁰ См. *Г. Э. фон Грюнебаум*. Истоки мусульманской цивилизации. “Основные черты арабо-мусульманской культуры”. М., 1981, сс. 30 – 82.

¹¹¹ См. *И. Л. Фадеева*. О некоторых категориях цивилизационных различий обществ Запада и Востока. “Экономика и политика. Взаимосвязь и взаимодействие”. М., 1990, сс. 39 – 59.

возможного консенсуса или конфликта, предписываемых нормами классического ислама. Разумеется, данные нормы средневековой исламской политической и правовой культуры взаимоотношений “дар ал-ислама” (“территории ислама”) и “дар ал-харба” (“территории войны”) представляют преимущественно исторический интерес. Как отмечают специалисты, в современном исламском видении эти фундаментальные принципы и нормы межцивилизационного контакта воспринимаются скорее как “неотъемлемый элемент истории и цивилизации, как культурное наследие”¹¹².

Сущность рассматриваемого этнополитического консенсусно-конфликтного наследия как унаследованной из исламского прошлого данности может быть рассмотрена в пространстве состояний мирного межобщинного сосуществования, в границах “дар ал-ислама” и “священной войны с неверными”– джихада. Коранические нормы в системе классического мусульманского права предписывают превращение “дома (или территории) войны” в “дом ислама” посредством джихада.

Оставляя на последующее рассмотрение конфликтных потенциалов исламского традиционного этнополитического наследия и возможных сценариев их реализации в форме джихада, подчеркнем необходимость различения понятий “мусульманское право” и “право мусульманской страны”. Данная оговорка существенна для предупреждения возможных упрощенных толкований явлений и процессов современных межцивилизационных контактов с использованием средневековых норм, присущих классическому исламу, его политико-правовой системе.

Имея целью изыскание этнополитологического аспекта конвергентности–дивергентности цивилизационных принципов межобщинного исламо-христианского контакта, мы вынуждены уделять богатому востоковедному материалу многих отечественных и зарубежных ученых лишь ограниченное место, обусловленное границами задачи.

Важно вычленение тех фундаментальных парадигм, на которых классическое мусульманское право базируется сущностные характеристики политико-правовой идентичности мусульманина и иноверца внутри “дар ал-ислама”. Данный подход фактически предполагает осмысление субстратных оснований этносоциогенного качества для прослеживания правозащищенности обеих сторон межцивилизационного контакта. В чем же сущность этнополитических традиций мусульманско-христианского

---

¹¹² А. В. Журавский. Христианство и ислам. М., 1990, с. 108.

консенсуса в границах “дома ислама”? Внутри данной системы мирного сосуществования человека: в качестве “правоверного”, в качестве “покровительствуемого” (“ахл аз-зимма”) и в качестве “язычника–единобожника или многобожника”. Правовое, политическое, социальное содержание условий сосуществования христиан с мусульманами отражается в заданности коранической нормы от Бога и неизменности принципа жизни под “покровительством”. Данная парадигма, на наш взгляд, симптоматически отражает сущность возможного межцивилизационного консенсуса, а также этнополитические и правовые границы его отправления.

Для полноты представления современных условий формирования и функционирования консенсусно-конфликтных контактов следует очертить принципы защищенности “покровительствуемых” (по Корану–единобожных христиан и иудеев) в классическом мусульманском праве. В связи с этим актуализируется также собственно политологический аспект отправления данного права в регламентации социального поведения “покровительствуемых”. Итак, границы правонаделенности покровительствуемого “держателя писания” очерчены откровением Божиим и, следовательно, в системе мусульманского права не могут быть изменены. “Нет никакой власти в мире, которая могла бы изменить мусульманское право”,—утверждает известный французский политолог-компаративист Р. Давид¹¹³.

Таким образом, в классическом исламе сосуществование и консенсус с христианами и иудеями предполагает признание последними своего подчиненного по отношению к мусульманам социального статуса. Предписанная Кораном редукция прав закреплялась в соответствующей этнополитике, заключающейся в дистанцировании христиан от политической и военной сферы, взимании дополнительных налогов, ограничении активности христиан сферами, где они не встречали противодействия со стороны мусульманской уммы. В условиях неизменности шариата и нераспространяемости его принципов на “покровительствуемых” осуществлялось этнорелигиозное обособление конфессиональных общин. Со временем с XV по начало XX века религиозно-общинная разобщенность закрепилась в Османской империи в системе “миллетов”, подчиненных не только религиозной, но и светской власти патриархов, избиравшихся общиной под контролем Блистательной Порты. Приведенные выкладки дают возможность утверждать, что классическое мусульманское право и соответствующая кораническим предписаниям этнополитика, начиная с

---

¹¹³ Р. Давид. Основные правовые системы современности. М., 1988, с. 390.

VIII в. и вплоть до развала Османской империи, воспроизводили своеобразный консенсус исламского общества (уммы) с подчиненной ей политико-правовой периферией “дома ислама” в виде этнорелигиозных гетто¹¹⁴. Данный анализ приводит к выводу, что ислам со своим правом и этнополитикой на этнонациональном, национально-государственном, а в рамках Османского халифата и на ареально-цивилизационном уровнях был обречен реализовывать межцивилизационный консенсус, основанный на неравенстве мусульман и “людей Писания” перед законом.

Оформление иноконфессиональных общин в своеобразные церковно-политические институты, сочетавшие в себе редуцированные функции социальной, этнокультурной и гражданской регуляции, определяло состояние межцивилизационного сосуществования, за порогом которого при нарушении статуса подчиненности ожидала перспектива лишения “покровительства” со стороны мусульманского государства. И более того—с транспортировкой взаимоотношений между мусульманской уммой и общинами иноверцев из “дома ислама” в “дом войны”. Подобные переходы через пороговое состояние “консенсус—конфликт” можно считать нормой, имманентной мусульманской классической системе политико-правовой регуляции межцивилизационного контакта в форме джихада—священной войны с иноверцами¹¹⁵.

Концентрируя внимание на проблеме детерминации консенсусного сценария, мы оставляем на последующее рассмотрение обусловленность конфликтных контактов на разных уровнях цивилизационного анализа.

Впечатление о полной политико-правовой законсервированности исламского общества было бы слишком упрощенным. Данная работа, не будучи исторической, не может вобрать в себя весь ход межцивилизационного взаимодействия в процессе обозримой истории. Тем не менее для осмысления реальных консенсусных потенциалов целесообразно исходить из того, что симптоматика инновационных тенденций в новое и новейшее время была присуща не только Западу, но и мусульманскому миру.

Среди модернизаторских порывов своей новизной и масштабами намеченных преобразований заслуживают цивилизационного анализа

---

¹¹⁴ Согласно Р. Давиду, мусульманское право оставалось неизменной доктринальной системой, не подверженной каким-либо инновациям со стороны властей (см. *Р. Давид*. Ук. соч., сс. 386 – 388).

¹¹⁵ Мы рассматриваем наиболее распространенное, каноническое толкование “джихада”, отмечая, что оно в современных мусульманских государствах является не единственным.

настойчивые попытки реформирования Оттоманской империи с начала XIX века. Известно, что, осознавая объективную необходимость обновления и повышения живучести традиционной восточной полиэтнической деспотии, все османские реформаторы, начиная с султана Селима III (1789 – 1808), сталкивались с яростным сопротивлением мусульманского населения, возглавляемого религиозными кругами, “новшествам гяуров”.

Пытаясь по ходу отдельных политико-административных и военных реформ приостановить распад империи, султан Махмуд II с единомышленниками выдвинул новую этнополитическую концепцию “османизма”, основанного на чуждых шариату принципах гражданского равенства мусульман и немусульман при сохранении системы “миллетов”. Дальнейшие реформы в направлении европеизации государства развернулись в областях гарантирования безопасности жизни, чести и имущества для всех подданных империи. Введение светских торгового и земельного кодексов, попытки ограничения вмешательства религиозных кругов в государственное управление составили суть политики Танзимата (1839 – 1871). Данная модернизаторская волна объективно была нацелена на регулирование межкультурного контакта как вовне – с великими державами, покушавшимися на роль гегемона, так и внутри – в связи с национально-освободительным движением населяющих империю народов с различными цивилизационными традициями.

Реформы Танзимата, по нашему мнению, представляют собой первую в исламском мире попытку модернизации общества секулярно-государственным путем. Фактически в данном случае мы можем рассматривать систему Танзимата как попытку радикального реформирования исламских принципов межкультурного контакта в пользу доминирования гражданского консенсуса над политико-правовым императивом исламского выбора взаимоотношений между стандартами подчиненного сосуществования “покровительствуемых” в “доме ислама” и джихадом в “доме войны”.

Разумеется, консенсус на базе этнополитики “османизма” ускорял процессы этнокультурной маргинализации немусульманского и нетюркоязычного населения, а в конечном счете был нацелен на достижение этнокультурной однородности оттоманского общества посредством ассимиляции этноконфессиональных меньшинств. Данная модель консенсусного разрешения межкультурного контакта, как свидетельствует новая и новейшая политическая история империй, является типичной для цивилизационных систем деспотического плюрализма. Следует при этом

отметить относительную прогрессивность танзиматской модернизации, представляющей весомую заявку на формирование более конвергентной западному обществу концепции межцивилизационного диалога и соответствующих этнополитических доктрин.

И в последующие периоды истории турецкая метрополия, а затем и Турецкая Республика удерживали лидерские позиции в реформировании политико-правовых устоев классического ислама в практике межцивилизационных контактов. Реставрация непререкаемого политико-правового верховенства ислама при султанах Абдул Гамиде II, несмотря на некоторые временные и конъюнктурные меры по европеизации имперской надстройки¹¹⁶, сопровождалось выдвижением новой платформы торможения распада империи—”панисламизма”. Этнополитический курс Порты, базирующийся на “панисламизме”, на практике представлял деспотическую модель консолидации мусульман нетюркского и тюркского происхождения в единую и неделимую умму. Решение же проблемы внутриимперского межцивилизационного контакта было перенесено в плоскость насильственной исламизации оставшихся после балканских отторжений этноконфессиональных меньшинств.

В данном случае речь идет об этнополитической переориентации межцивилизационного контакта от консенсуса к конфликту, от “дома ислама” к “дому войны”.

Для выяснения причин провала светских реформ и новой этнополитической доктрины “османизма” обратимся к одному из идеологов турецкого национализма Зия Гёкальпу. Его оценка имеет этнополитологический характер и соответствует ареально-цивилизационному, а также глобально-цивилизационному уровням анализа. Гёкальп пишет, что “лидеры Танзимата пытались совместить османскую цивилизацию с западной. Эти цивилизации не могли сосуществовать и лишь конфликтовали друг с другом. Так же как индивидуум не может искренне исповедовать сразу две религии, так же и нация не может одновременно принадлежать к двум цивилизациям. Результатом танзиматских реформ была сохранившаяся до кемалистской революции двойственность в политической структуре, судебной и законодательной системах, системе образования. Попытка совместить восточную цивилизацию с западной была равносильна

---

¹¹⁶ Примером маневра султана Абдул Гамида II может служить принятие первой турецкой конституции и созыв в 1876 г. парламента с последующим его разгоном и жестокими репрессиями против конституционалистов.

попытке совместить средневековые с современностью»¹¹⁷. Отмечая некоторую категоричность суждений автора ряда предложений, способствовавших ограничению сферы влияния мусульманских богословов, следует заметить справедливость замечаний Гёкальпа об эклектичности и неэшелонированности модернизационной политики Танзимата¹¹⁸.

Правомерен вопрос, может быть политические и правовые каноны воспроизводства наследия исламской цивилизации на самом деле исключают конвергентность мусульманских и западных моделей национально-государственной жизни? Тогда необходимо было бы исходить из той данности, что позитивное развитие консенсусных потенциалов сторон межцивилизационного контакта обречено на неудачу ввиду отсутствия сколь-либо реальной основы для диалога. К счастью, это не так. Другое дело, что в изыскании данной проблемы нередко преобладают пропагандистские крайности, подменяющие рассудочный и взвешенный поиск путей сотрудничества эйфорией восторгов или негодования по поводу автоматического одобрения или отторжения общечеловеческих ценностей и прав человека.

Для установления конвергируемости норм классического исламского права к системе прав человека целесообразно продолжить политологический анализ в области сравнительного правоведения. Рене Давид, рассматривая феномен исламского права как составную часть боготворенной религии, исключает возможность каких-либо инноваций, не соответствующих нормам шариата. Однако при этом неоспоримом выводе автор отмечает устремленность мусульманских стран к модернизации. Каким же образом установление политических режимов нового типа, радикальные реформы в ряде сфер политико-правового регулирования могут уживаться с неизменностью мусульманского права?

Не вдаваясь в подробности компаративистики, мы вслед за французским правоведом и афганскими улемами*, можем утверждать, что мусульманское право неизменно, но в то же время полно возможностей. Суть этих

---

¹¹⁷ Z. Gökalp. *Türkçülüğün Esasları*. İstanbul, 1973, s. 44.

¹¹⁸ Категоричность может быть проиллюстрирована безапелляционным исключением автором возможности консенсуса религий, хотя известен прецедент отправления китайцами культа, толерантного к элементам таких религиозных систем, как конфуцианство, буддизм и даосизм.

* В бытность политическим советником и аналитиком в ДРА в 1982 – 1983 годах автору приходилось периодически консультироваться с ведущими мусульманскими богословами – улемами Афганистана.

возможностей в целом сводится к тому, что исламское право предоставляет шансы для утверждения новых норм, не изменяя самого права, через механизмы обычая, соглашения сторон, административного регламента.

Именно на этих принципах формируются позитивные правовые системы мусульманских государств, в разной мере дистанцированных от религиозной утопии, но в то же время манифестирующих бесспорный авторитет, а в конечном счете, и приоритет “мусульманского права” над “правом мусульманской страны”¹¹⁹.

Здесь важно обратить внимание на крупную методологическую проблему, связанную с поворотным моментом в осмыслении сторон межцивилизационного контакта, а также в конкретно-политологическом применении гипотезы о многоуровневом анализе консенсусно-конфликтного взаимодействия цивилизаций.

Межцивилизационный контакт во внешнем измерении наполняется новым содержанием. Сущность конвергенции сторон в том, что единая система коранических норм, выступавшая в прошлом как неизменный и практически неделимый субъект права, ныне дополняется более разнообразной системой национального права мусульманских государств. Фактически, ныне христианская цивилизация и секулярные политико-правовые системы западных наций-государств входят в процесс адекватного политико-правового контакта не только на ареально-цивилизационном, но и очень важных национальном и глобальном уровнях.

Таким образом, конвергентность сторон глобального западно-мусульманского контакта можно проследить как в сфере горизонтальных межгосударственных отношений, так и в международных отношениях, опосредованных международными организациями мирового сообщества, и, в первую очередь—ООН. Подобное национальное раскрепощение единой в прошлом системы шариата в зависимости от меры привнесения светских норм в сферу политики и права мусульманских стран обуславливает процесс эволюционного наращивания ресурсов для постепенного углубления осмысления ценностей и стандартов, присущих западной либерально-демократической ментальности.

Следует выделить особую роль конвергентных начал также в непосредственном межконфессиональном диалоге христианства и ислама.

---

¹¹⁹ См. *Р. Давид*. Ук. соч., сс. 382 – 407.

Существенным вкладом в консенсусный потенциал является новая политика “экуменизма” Римской церкви, развернутая после II Ватиканского вселенского собора (1962 – 1965). Призыв собора “забыть прошлое и искренне стремиться к взаимопониманию” дал импульс для разворачивания весьма сложного и малопробированного прямого мусульманско-христианского контакта¹²⁰.

На наш взгляд, именно данный многоуровневый цивилизационный контекст взаимодействия политических и правовых культур, отражающий глобальные процессы модернизации, делает возможным эволюционное доминирование консенсусных начал в межцивилизационном контакте во внешнем и внутреннем (межобщинном) измерениях.

Имеет смысл конкретизировать политологию конвергенции–дивергенции политико-правовых систем Запада и мусульманского Востока на примере политологии и политики фундаментализма, а также секуляризма в мусульманском мире. Дивергентные тенденции более характерны фундаментализму шиитских представлений о власти и праве. Шиитский фундаментализм отстаивает и утверждает исключительно сакральный характер политико-правовой системы государства. В отличие от суннитской теории государства–“халифата” шиитская концепция государства–“имамата” исходит из сосредоточения всех властных полномочий в руках непогрешимого имама, наделенного качествами полубожественного правителя. Религиозной элите здесь отводится особая роль посредника между уммой и “скрытым имамом”. Шиитский фундаментализм предполагает неукоснительное осуществление всех без исключения предписаний мусульманского права. Секуляризм западной теории и практики политики и права оценивается как проявления безбожия, отсюда западная в своем цивилизационном генезисе современная концепция защиты прав и свобод человека также оценивается как греховное покушение на чистоту ислама и богоявленных предписаний мусульманского права.

Таким образом, политология и политика шиитского фундаментализма могут характеризоваться дивергентностью по отношению к западным цивилизационным ценностям и нормам, а также обусловленным этой дивергентностью доминированием межцивилизационных конфликтных потенциалов над установками на консенсус. В связи с универсальным соблюдением коранических предписаний консенсус в христианско-

---

¹²⁰ См. А. В. Журавский. Ук. соч., сс. 54 – 80.

мусульманском контакте в данном случае строго ограничен статусом “покровительствуемого” человека Писания¹²¹.

Как видно из трудов политологов-исламоведов¹²², различные нефундаменталистские государственно-правовые школы суннитского направления свои исследования и выводы концентрируют на сопоставлении концепции “халифата” с парламентарной и президентской моделями власти, а также на роли института “консультации” в системах халифатского и парламентского законодательства. В современной суннитской политологии оформились как конвергентное, так и дивергентное видение развития политики и права в исламских государствах. В первом случае сущность анализа сводится к утверждению того, что все позитивное в мировой теории и практике государства имманентно присутствует в системе ислама. Выводы в конечном счете заключаются в обосновании согласованности мусульманской формы правления с буржуазно-демократическими институтами.

Конвергентное крыло реформирования политико-правовой системы ислама в национальные системы государства и права мусульманских стран со времен кемалистских реформ безусловно возглавляет Турецкая Республика. К ней примыкают манифестировавшие принципы секуляризма Ливан, Сирия, а также ряд других арабских стран, пытающихся модернизировать основания своей государственности¹²³. Поддержанию дивергентных тенденций служит ориентация фундаменталистов на обоснование превосходства “исламской формы правления” над всеми известными политической практике формами организации государства.

Разумеется, нет необходимости преувеличивать влияние ислама и мусульманского права на государственно-правовое строительство в рассматриваемых странах. Однако, как следует из анализа авторитетного

---

¹²¹ См. *Л. Р. Сюкияйнен*. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. сс. 112 – 116.

¹²² См. “Социальное учение исламского возрожденчества”. М., 1990; *Л. Р. Сюкияйнен*. Концепция мусульманской формы правления и современное государствоведение в странах арабского Востока. “Социально-политические представления в исламе. История и современность”. М., 1987, сс. 45 – 68; *Н. В. Жданов, А. А. Игнатенко*. Ислам на пороге XXI века. М., 1969. сс. 140 – 151; *Г. Э. фон Грюнебаум*. Ук. соч.

¹²³ См. “Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура”. М., 1990; “Турция. История. Экономика. Политика”. М., 1984; *И. Л. Фадеева*. Об эволюции светских тенденций в социально-политическом развитии Турции. К постановке вопроса. “Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока”. М., 1982, сс. 76 – 110.

специалиста в области мусульманского права Л. Р. Сюкияйнена, сбрасывать со счетов влияние данного дивергентного фактора также нельзя. В подтверждение своих выводов автор отмечает, что признание ислама государственной религией имеет место в 30 странах¹²⁴.

Сказывается усиление влияния дивергентных устремлений фундаментализма после победы Исламской революции под предводительством имама Хомейни. Именно с этого времени географические границы влияния мусульманско-правовых институтов на государственное право уже не ограничиваются полуфеодальными монархиями, а вбирают также некоторые буржуазные государства с республиканской формой правления. Лидерами дивергентного крыла являются суннитский Пакистан и шиитский Иран, воплощающие фундаментализм в теории и практике исламских республик.

Таким образом, обобщая объективные предпосылки преимущественно консенсусного развития межцивилизационного контакта, мы можем прийти к ряду выводов. Секуляризм и фундаментализм как основные полярные подходы к месту и роли ислама в политико-правовой теории и практике мусульманских государств определяют сущность конвергенции или дивергенции цивилизационных систем Запада и исламского Востока. Секуляризм, трансформируя единую ареально-цивилизационную систему исламского права и политики в национальные системы правового регулирования внутривнутриполитических и внешнеполитических отношений государств, открывает возможности для взаимопроникновения цивилизационных ценностей в процессе модернизации традиционных обществ. Данный путь дает возможность через проникновение в государственное право мусульманских государств норм международного права осваивать либерально-демократические стандарты защиты прав и свобод человека. Сближение позиций в понимании общечеловеческих ценностей, лежащих в основании правозащиты свобод человека,— вот один из возможных наиболее обобщенных критериев оценки конвергентности развития модернизированных западных и модернизирующихся восточных цивилизаций.

Политологическое видение реалий осуществления межцивилизационных контактов, исходя из рассмотренных общетеоретических положений, предполагает также конкретный анализ препятствий на пути осуществления прав и свобод человека. Речь идет, в первую очередь, о препятствиях, обусловленных социальной структурой конкретного на-

---

¹²⁴ См. Л. Р. Сюкияйнен. Ук. соч., с. 116.

ционального общества, сходимостью–различием национальных структур и структуры мирового сообщества.

На наш взгляд, основные оси консенсусно-конфликтного выбора в процессе межцивилизационного контакта охватывают следующие глобальные арены взаимодействия христианского Запада и мусульманского Востока:

–взаимодействие между модернизированным Севером и модернизирующимся Югом¹²⁵;

–взаимодействие между ценностями западного демократического плюрализма и мусульманского деспотического плюрализма;

–взаимодействие между западным либеральным индивидуализмом и восточным коллективистским эгалитаризмом.

Анализ межцивилизационного контакта по всем приведенным выше осям напряженности дает основание утверждать о важности учета также социально-психологического аспекта межцивилизационного контакта, по существу, оживляющего и переводящего приведенные структурно-институциональные выражения конвергенции–дивергенции в консенсус–конфликт отношений между людьми, представляющими контактирующие цивилизационные общности. Определение меры сходства–различия между социально-психологическим восприятием прав человека христианского и мусульманского историко-культурных ареалов представляет весьма сложную проблему политической психологии. А в политической практике может быть фактором, способствующим формированию и реализации как консенсусных, так и конфликтных сценариев. Вот почему даже при манифестированности защиты прав человека внутри своей национальной правополитической системы в мусульманском государстве приходится считаться с социальными установками мусульман на восприятие прав человека как чужеродной идеи западного происхождения.

Данные психологические коллизии, становясь составной частью, фактором этнополитики, приглашают изучать их, не ограничиваясь задачами общей политологии, но и в границах этнополитологии. Ведь в конституциях практически всех мусульманских стран, в том числе в Афганистане, где автору исследования пришлось вести включенное наблюдение за законодательно-конституционными процессами, говорится о равных

---

¹²⁵ Речь идет об известных в политической глобалистике штампах, представляющих стороны противостояния развитых (западных) стран слаборазвитым (африканским, азиатским и южноамериканским) странам.

правах всех граждан. Однако при этом делается оговорка, что эти нормы должны применяться в точном соответствии с шариатом. Но известно, что шариат устанавливает неравенство полов; неравенство может касаться прав и свобод этноконфессиональных меньшинств и т. п. Вместе с тем предполагается, что правоверный мусульманин, являясь носителем исламского наследия, в своей психологии имплицитно содержит кораническую норму о месте “неверного” в исламском обществе, норму предписанных взаимоотношений члена уммы с “человеком Писания”.

В противоположность этому мусульманин, будучи гражданином демократического западного государства, включается в систему всеобщих выборов, преодоления и даже борьбы против всякой дискриминации, в том числе расовой, этнической, религиозной и т. д. У него с получением гражданства появляются шансы включиться в плюралистическое состязание партий и идей, партисипаторного контроля за политической и судебной властями. Безусловно, и здесь социально-психологический дискомфорт и дистрессы сопровождают мусульманина, однако в качественно другом соотношении его гражданских прав и обязанностей перед обществом.

Культуролог А. В. Журавский в своих очерках о социокультурных проблемах диалога между христианством и исламом весьма уместно цитирует У. Смита, который корректно и при этом точно характеризует особенности рассматриваемой нами социально-психологической неадекватности сторон межцивилизационного контакта. У. Смит следующим образом характеризует эту психологию: “Нигде в мусульманском мире мусульмане просто не ощущают, что немусульманин, принадлежащий к их национальности, может быть “один из нас”. Во многих случаях у немусульман это вызывает серьезное беспокойство. Большинство мусульман не понимают ненадежность положения и тревоги своих немусульманских меньшинств. Одни из них просто не видят проблемы: им не приходит в голову, что немусульмане могли бы согласиться образовать вместе с ними одну общность. Другие чистосердечно считают, что “ислам относится к меньшинствам справедливо”¹²⁶.

Возвращаясь к социальной психологии консенсусного сосуществования немусульманина в мусульманской стране, приведем фрагмент из коранической Суры 9, “Покаяние”, определяющей нормативно границы, по крайней мере, психологического неравенства сторон межконфессио-

---

¹²⁶ *W. C. Smith. Islam in modern society. L., 1963, P. 86. Цит. по: А. В. Журавский. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М., 1990, с. 109.*

нального консенсуса в “доме ислама”: “Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха, и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины—из тех, которым ниспослано Писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными”¹²⁷.

Итак, социальная психология привилегированности в статусе, предписанная святым Кораном и веками регулируемая нормами шариата, сформировала в мусульманском обыденном сознании прочные социальные установки вокруг нормы признания иудеями и христианами своего подчиненного, ущербного в правах положения. Подобное перманентное социально-психологическое давление, будучи атрибутом традиционного образа “законного мира” с “людьми Писания”, на самом деле может не замечаться мусульманами в качестве препятствия во взаимопонимании и сосуществовании. Конечно, за время после первой мировой войны произошли существенные изменения в восприятии образа “друга” и “врага” сторонами межцивилизационного контакта. Этнополитика Турции и правонаследниц великих держав сегодня не обнажает в геноциде разрушительный потенциал разнотечения “права на жизнь” иноверцев. Было бы упрощением переносить в современность каноны и обычаи “дружбы” вооруженного мусульманского феодала с безоружным немусульманином, обязанным ежегодно в одностороннем порядке принимать на бесплатный многомесячный постой и кошт весь род, а иногда и племя, спустившееся с пастбищ или неудобного зимовья^{*}. В подобных классических с точки зрения шариата формах проявления “дружбы”, на конкретных принципах и ситуациях реализации правоотношений и воспроизводилась рассматриваемая выше социальная психология реального общения.

Подчеркнем, однако, что здесь мы говорим о различных превращенных формах подобного противоправного и несправедливого с точки зрения человека Запада и естественного для верующего мусульманина сосуществования. В любом конкретном случае межцивилизационного контакта, думается, для понимания возможностей консенсуса или конфликта сторон полезно знание шариатской и реальной дистанции между “домом ислама” и “домом войны”.

---

¹²⁷ Коран (перевод и комментарии *И. Ю. Крачковского*). М., 1986, сс. 163 – 164.

* Речь не идет о традиционном как для мусульман, так и христиан Востока гостеприимстве, регулируемом обычно-правовыми механизмами и предполагающем равноправные взаимоотношения свободного выбора между сторонами контакта ролей “хозяина очага” и “гостя”.

Таким образом, в соответствии с поставленными задачами в трех главах исследования разработаны основные теоретико-методологические подступы к цивилизационной идентификации контактирующих в процессе модернизации переходных этносоциальных систем.

Рассмотрение ценностно-ориентационных оснований конвергенции–дивергенции политико-правовых институтов модернизированных и модернизирующихся обществ в качестве цивилизационного системообразующего параметра создает возможность для анализа динамики межкультурных контактов. Сам анализ при этом сопровождается консенсусно-конфликтной идентификацией, что позволяет более конкретно осмыслить основные подходы к разрешению проблем защиты прав человека.

Авторская позиция, являясь конкретизацией более широкого цивилизационного подхода, определяет направления научной разработки этнополитики национальной безопасности контактов между государствами, представляющими христианскую и мусульманскую цивилизации в континууме “фундаментализма” и “секуляризма”. Подтверждается продуктивность изучения также таких моделей политической организации этих разных в своем цивилизационном качестве обществ, каковыми являются “демократический (полиархический) плюрализм” и “деспотический плюрализм”.

Здесь же предпринимается попытка обобщения некоторых трудностей для установления границ результативной применимости консенсусных технологий.

Обеспечение консенсусных технологий предполагает наличие значительного времени для выявления достаточного разнообразия консенсусных потенциалов конкретных этнополитических кризисов, а также мнений сторон конфликтно-консенсусного контакта, согласования интересов и предложений всех участников противостояния. В условиях стремительного, а в ряде случаев преимущественно стихийного, турбулентного развития конфликтных процессов, требующих незамедлительного принятия решений в ситуации жесткого дефицита времени, развертывание консенсусных технологий может стать практически невозможным.

Технология консенсусного урегулирования предполагает значительные затраты на обеспечение процедур согласования позиций средствами эффективной связи и транспорта, сбора и обработки информации относи-

тельно точек зрения сторон, заинтересованных в достижении консенсуса, с привлечением высококвалифицированных экспертов.

Консенсусные технологии прецизионны по своей сущности и формам реализации. Это предполагает высокую компетентность и мастерство экспертов-исполнителей и строгое соблюдение полноты и последовательности процедур. Здесь особо важно также соблюдение предосторожностей в затрагивании в процессе этнополитического общения сюжетов и тем, табуированных в этнополитических субкультурах любой из сторон конфронтации.

Консенсусный инструментарий предъявляет особые требования к репутации коллективных и индивидуальных субъектов выявления и реализации консенсусного потенциала конкретных этнополитических кризисных контактов. Малейшие сомнения в безукоризненности репутации привлеченных субъектов чревато подрывом доверия к процессу урегулирования и даже его полным срывом. Подобные срывы связаны с большими потерями времени и вложенных ресурсов, а в ряде случаев и невозможной утерей шансов для разрешения конфликтов в обозримом времени и пространстве локализации этнополитических реалий.

Данное уточнение границ применимости подходов и средств консенсусной реализации кризисных этнополитических контактов, по мнению автора, может стать полезным подспорьем для дальнейшего уточнения перспективности методологических, теоретических и инструментальных направлений разработки проблем консенсуса–конфликта на разных уровнях цивилизационного анализа.

Автор не претендует на неоспоримость выводов, вынесенных им в результате исследования феномена этнополитического конфликта–консенсуса в течение последних десяти лет. Ставя перед собой исследовательскую задачу, автор предполагал прежде всего продемонстрировать актуальность своевременного заполнения вакантной обществоведческой ниши, еще недавно безраздельно занимаемой доктринально-идеологической “теорией национальной политики ВКП(б)–КПСС”, а также сделать проблемы цивилизационного анализа этнополитических кризисных контактов предметом конструктивного научного обсуждения.

В завершающей главе и проблемы, и возможности, и трудности достижения консенсуса будут более подробно рассмотрены на примере трагического опыта афганской войны.

КОНФЛИКТНАЯ ДИНАМИКА МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНТАКТА (на примере джихада в Афганистане)

Для полноты рассмотрения конфликтной динамики межцивилизационного контакта мы предпринимаем конкретно-политологический анализ одной из наиболее выраженных форм феномена “конфликт” в контакте мусульманской уммы с миром “неверных”. Подчеркивая применимость авторской концепции конвергентности–дивергентности цивилизационных систем к исследованию проблемы конфликта в форме джихада, мы попытаемся показать исследовательскую инструментальность приведенных выше авторских методологических выкладок.

В этой связи представляется целесообразным завершить данное исследование конкретным этнополитологическим анализом одного из конфликтных сценариев межцивилизационного контакта – джихада (священной войны) на основе опыта включенного наблюдения автора за ходом войны в Афганистане в 1982 – 1983 годах.

Необходимо различать классическое определение джихада в контексте международных отношений исламского мира и различные толкования этой категории внутри мусульманского цивилизационного ареала.

Западную версию джихада, принятую в качестве классической дефиниции, Р. Питерс приводит в своей книге “Ислам и колониализм. Доктрина джихада в современной истории”, где он определяется как “приложение максимальных усилий... в ведении войны против “неверных” путем нанесения им военных ударов, изъятия их собственности, разрушения их святилищ, развенчания их идеалов и тому подобное”¹²⁸.

Для выявления сущности понятия “джихад” мы попытаемся определить основные, на наш взгляд, атрибуты содержания рассматриваемого феномена. Речь идет о выяснении целей джихада, его субъектов и объектов, а также локализации. Дальнейшая конкретизация содержания и форм выражения джихада будет предпринята на материале, представляющем военно-политическую деятельность афганской вооруженной оппозиции¹²⁹, объявив-

---

¹²⁸ R. Peters. Islam and colonialism. The doctrine of jihad in modern history. N.Y., 1979, P. 10.

¹²⁹ См. В. Н. Спольников. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. М., 1990.

шей священную войну против центрального режима ДРА, а также СССР, находившегося в консенсусном межцивилизационном контакте с мусульманскими Королевством Афганистан до 1973 года, и с Республикой Афганистан – до Саурской революции 1978 года.

Для идентификации сущности джихада в системе современных внешне-политических и внутривнутриполитических отношений важно рассмотрение историко-политологического аспекта проблемы в контексте внутрицивилизационного и межцивилизационного контакта мусульманского мира.

§ 1. ОЧЕРК ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ ДЖИХАДА: ЭТНОПОЛИТИКА “СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ” В АФГАНИСТАНЕ

Динамика толкования джихада в своей исторической основе, как считают специалисты, имеет принцип отражения угрозы существованию и отправлению ислама, сложившийся в легендарные времена борьбы первых мусульманских общин за свое выживание и утверждение. Другими словами, суть исторического объяснения призыва к максимальной мобилизации уммы – в необходимости захвата “дома войны”, откуда исходит угроза врагов Аллаха, с целью искоренения этой угрозы и включения “дома войны” в состав “дома ислама”. Таким образом, мусульманские государства в истоках детерминации “священной войны” помещают тезис о “вынужденной необходимости” противодействия агрессии против ислама как идеологии и против уммы как ее носителя и защитника. Данная адаптация историко-политологического обоснования джихада как исторически необходимой самообороны уммы “позволяет” ныне мусульманским политологам рассматривать джихад в системе современных международно-правовых норм определения агрессии, выработки политических доктрин и практических механизмов организации ее отражения¹³⁰.

Современная мусульманская концепция международных отношений базируется на принципе отражения агрессии против исламской общины: восстановления справедливости, нарушение которой причинило ущерб мусульманам; обеспечения свободного отправления мусульманского культа; создания мира и безопасности.

Н. Жданов и А. Игнатенко, исследовавшие содержание и формы джихада, различают несколько видов джихада: против врагов Аллаха; против тех, кто покушается на неприкосновенность границ исламского государства; против

---

¹³⁰ См. Э. И. Скакунов. Самооборона в международном праве. М., 1973, с. 176.

вероотступников, притеснителей и тиранов; против “разбойников, отказывающихся платить подать (налоги)”¹³¹”. Отсюда следует, что джихад может быть объявлен не только вне мусульманского государства, но и внутри него. Объектами джихада могут быть государства, общности и группировки, организации и отдельные физические лица. Из приведенной классификации можно сделать вывод, что не исключается ведение джихада не только против немусульманского государства, но и против такового, если его позиция квалифицируется как “небогоугодная” (недавняя война Ирана с Ираком). Не исключается также борьба методами джихада против отдельных правящих или неправительственных организаций и лиц как внутри одного и того же мусульманского государства (“Хезболлах”–“Амаль” в Ливане; НДПА–ИПА, ИОА и др. в Афганистане и т.п.), так и на территории других стран, не состоящих в войне с мусульманской страной нахождения субъекта джихада (террор палестинских организаций против израильских деятелей на территории различных стран мира).

Субъектами джихада могут быть отдельные мусульманские государства, отдельные правительственные и неправительственные организации, а также группировки. Джихад может объявляться только авторитетным мусульманским деятелем, при его соответствующем аргументированном обосновании (на основании Корана) перед уммой.

Специфика войны в Афганистане, разумеется, имеет гораздо более “древние корни”, чем десять лет вооруженного внутреннего гражданского конфликта оппозиции против режима НДПА, интернационализированного путем ввода советских войск на территорию ДРА.

С введением советского войскового контингента в 1979 году на стороне правящего режима ДРА сработали механизмы уравнивания нарушенного военного и политического статус-кво в средневосточном регионе. США и дружественные им государства, а также ряд исламских государств прибегли к оказанию помощи афганской оппозиции в ее военном и военно-политическом противостоянии осуществленной агрессии. Вместе с тем особенности биполярной системы центров силы в лице блоков, возглавляемых сверхдержавами, в связи с угрозой глобализации регионального конфликта и развязывания ядерной войны, исключили прямое подключение США и их союзников к конфликту на стороне афганской вооруженной оппозиции.

Опосредованное участие США через ряд стран и организаций мусульманского мира, а также через неправительственные организации стран Запада

---

¹³¹ Н. В. Жданов, А. А. Игнатенко. Ук. соч., сс. 214 – 237.

в конфликте с советской стороной в СССР было квалифицировано как “необъявленная война вокруг Афганистана”. Таким образом, пропагандистские кампании как в США, так и в СССР были направлены на освещение событий как регионального международного конфликта в результате прямой или опосредованной агрессии противостоящей сверхдержавы.

Не ставя перед собой задачу специального рассмотрения данной международной правовой, политической и военной проблемы, отметим, что в этом случае наложились друг на друга и переплелись в сложный узел противоречий конфликтные потенциалы разноуровневого межцивилизационного контакта. Предложенная в предыдущих разделах методология многоуровневого цивилизационного анализа на примере Афганского конфликта позволяет выявить представленность всех основных уровней вариантов межцивилизационных конфликтных моделей.

“Наложение” разработанной аналитической схемы на рассматриваемый конкретный материал обнаруживает наличие:

- глобального межцивилизационного контакта в виде опосредованного конфликта между двумя “идеологическими цивилизациями”, западной и коммунистической;
- ареально-цивилизационного конфликта между группами стран, представляющих мусульманский цивилизационный круг и атеистический (безбожный) коммунистический ареал. Данное измерение межцивилизационного конфликта содержит в себе также превращенную форму конфликта между христианским (русские и другие христиане России в традиционно-историческом понимании) и исламским цивилизационными ареалами;
- национально-цивилизационный конфликт вооруженной афганской оппозиции против “неверного” режима НДПА. Здесь в структуру конфликта имплицировано участие мусульманских государств на стороне афганской исламской оппозиции;
- внутрицивилизационный конфликт на межэтническом уровне между племенами Афганистана;
- внутриэтнический конфликт кровной мести между кланами, родами и семьями сторон афганской “вендетты”, регулируемой системой адатов (норм обычного права).

Таким образом, система войны в Афганистане может быть представлена в сложном взаимодействии политико-идеологических, военно-политических и собственно военных вооруженных конфликтов пяти уровней.

Война (“джанг”) в форме межплеменных вооруженных конфликтов и кровной межклановой мести в Афганистане присутствует перманентно и представляет специфический атрибут национально-цивилизационной идентичности. Войны данного уровня маломобильны и разворачиваются на определенной территории, устанавливаемой в границах племенной или клановой идентичности. Здесь военный конфликт регулируется не только и не столько шариатом, сколько обычно-правовыми механизмами адатов. Например, в этническом ареале пуштунских племен регуляция межплеменной войны осуществляется преимущественно системой адатов “Паштунвалай” (Кодекса чести пуштуна). На этом уровне война прежде всего представляет собой демонстрацию силы власти, военной организации, людских, территориальных и финансовых ресурсов. В соответствии с тщательно разработанными регламентами адатов и общешариатскими нормами, межплеменная и межклановая война ведется в непрерывном сопровождении переговорных процессов.

В связи с этим, своеобразие войны этих уровней заключается в большой подвижности консенсусно-конфликтных сценариев внутрицивилизационного контакта. Цель боевых акций и переговоров представляет собой чаще всего демонстрацию силы и авторитета. Обычно в подобных войнах массового уничтожения противника не наблюдается: как отмечают сами афганцы, “убивают определенных людей, которых надо убить”. Данный принцип соблюдается с особой скрупулезностью в процессе кровной мести.

Особое место в регуляции данных войн занимает механизм замены военных действий договоренными выплатами “цены за кровь”–“Г'еймат-е хун”. Специфика мира между племенами и кланами заключается и в постоянном ношении мужчинами холодного и огнестрельного оружия, а также в дублировании взаимоотношений между ними – как индивидуальными, так и коллективными субъектами и объектами равного права – с помощью кодексов “враждебности” и “гостеприимства”, пронизанными психологической напряженностью в связи с неотвратимостью долга “возвращения ответа”.

Война как джихад в нашей классификации представлена на ареально-цивилизационном и национальном уровнях конфликтов в Афганистане. Дополняя анализ общих атрибутов джихада конкретной политологией его регуляции, считаем необходимым отметить радикальное различие между нормативными и ценностными базами данного цивилизационного уровня и уровня племенной и клановой идентичности. “Священная война” своим содержанием возвышается над локальными ценностными ориентациями племенного уровня и путем призыва к “чистоте ислама” отличается рели-

гиозно-идеологической ортодоксальностью, а в некоторых случаях и проявлениями религиозной нетерпимости и даже фанатизма.

Джихад в Афганистане может быть представлен несколькими взаимодействующими политическими измерениями конфликта:

– против режима и властей афганских “кафиров” – на внутрицивилизационном национальном (гражданский внутривнутриполитический конфликт с вооруженной оппозицией) и на межгосударственном уровнях (с участием стран и международных организаций государств исламского цивилизационного круга);

– на межцивилизационном уровне – между СССР как безбожным государством-захватчиком, а также ареалом, представляющим в опосредованной форме ценности христианской цивилизации и единым фронтом вооруженной афганской оппозиции, а также странами и международными организациями мусульманского цивилизационного круга.

В связи с указанным политико-правовым содержанием джихада в Афганистане священная война возвышается над племенами и от имени ислама с помощью шариата императивно обращается ко всей “умме”. Однако следует отметить определенную ограниченность традиционного подхода к моделированию джихада как войны, ведущейся исключительно на уровне “уммы” и “меллата”. Подобное игнорирование этноплеменного аспекта войны обедняет понимание цивилизационного разнообразия феномена “джихад”.

Радикальная трансформация войны в Афганистане из плоскости межплеменных и межклановых конфликтов в тотальный джихад наблюдается в форме приглушения, сворачивания локальной войны и установления временного мира между племенами.

Изменение содержания и масштабов войны при переходе от межплеменного и межкланового уровня к джихаду можно проследить в изменении состава участников, понятий и терминов, сопровождающих сам процесс священной войны. Понятие джихад полностью вытесняет категорию “джанг”, что находит отражение и в повседневной лексике.

Субъектом джихада, в отличие от исполнителей “джанга”, становится вместо воина (пуштуна, таджика, хазарейца или членов племен “дуррани”, “гильзаев” и т. п.) “моджахед” – борец за веру, сражающийся с “кафиром” за чистоту и победу ислама. Вместо локальных пространств, занимаемых в качестве арены межплеменных войн воюющими группами (“кадм”), в действие вступает “меллат” – мусульманская нация и пространство, которое

определяется по восходящей линии завоевания или по нисходящей линии потерь. В качестве жертв уже фигурируют не убитые (“кошта”), а ставшие святыми мучениками за веру (“шахид”).

Как уже отмечалось выше, на первый, доминирующий план в регуляции внутрицивилизационных и межцивилизационных конфликтов в ходе джихада выдвигается система норм классического мусульманского права с механизмами шариата. Однако определенное место в отпавлении военного поведения “моджахеда” продолжает занимать обычно-правовое регулирование, основанное на таких универсалиях мира общемусульманских обычно-правовых норм (“Адаба”) и пуштунских адатов (“Паштунвалай”), определяющих кодекс поведения воина, как “наумс” (честь), “хейсайт” (репутация), “мерана” (мужество, храбрость). “Паштунвалай” предписывает выполнение определенных норм на поле боя. Вот некоторые из главных требований: не поворачиваться к врагам спиной, не оставлять убитых на поле боя, не допускать, чтобы их тела попали в руки врагов и подверглись глумлению; немедленно оказывать раненым первую помощь и выносить их из-под огня; предводителям расстреливать на месте каждого, кто побежит с поля боя...

В качестве авторитетного подтверждения содержательной взаимосвязи и относительной автономности регуляционных систем мусульманского права, с одной стороны, обычаев, с другой, может быть приведено заключение французского правоведа Рене Давида. По его мнению, мусульманское право “занимает по отношению к обычаю позицию, сходную с отношением западного права к оговорке о полюбовной или мировой сделке... Ислам мог распространяться в мире только потому, что сохранял либеральную позицию и не требовал пожертвовать образом жизни, освященным обычаем”¹³².

Таким образом, модель джихада, изложенная на основе трудов исламских теоретиков священной войны¹³³, безусловно отражает религиозно-полити-

---

¹³² Р. Давид. Приспособление мусульманского права к современному обществу. ”Основные правовые системы современности”. М., 1988. сс. 392 – 398.

¹³³ См. *Башорми*. Требования мусульманской науки Афганистана. Издание “Национального фронта спасения Афганистана”. Б. м., 1981 (пер. с дари); *Казми Шахид Гази Абдулкадыр Абдулварис аль-Кашгари*. Догматы о необходимости. Дамаск, 1971 (пер. с дари); *Гульбеддин Хекматъяр*. Бог говорит: создавайте исламское государство. Текст выступления перед племенами Афганистана. Б. м., 1359 г. Хиджры (пер. с пушту).

В сноске буквы (б. м.) и (б. г.) означают соответственно “Без места издания” и “без года издания”: в связи со спецификой джихада в Афганистане с целью конспирации местоположения издательских и полиграфических центров вооруженной оппозиции на многих приведенных печатных изданиях отсутствует указание места, а иногда и времени их выпуска (данная специфика получила отражение в приводимом нами списке использованных источников и литературы).

ческие аспекты вооруженного конфликта в Афганистане после ввода вооруженных сил СССР. Однако данная модель рассматривает в качестве арены священной войны лишь границы дислокации “уммы” и “меллата” в качестве единого пространства, неструктурированного логикой общеправовых регламентаций проживания и войны между племенами. Ограничение данной модели только границами надплеменной религиозной войны оставляет вне исследования богатый мир военной этнополитики и этнопсихологии племен, регулируемой системой адатов. Это дает основание утверждать, что концепция о практически полной дистанцированности джихада от межплеменной войны являет собой достаточно упрощенную модель реальной целостности этноконфессионального и этнополитического феномена военного конфликта в Афганистане.

Методология многоуровневого цивилизационного анализа, предложенная в общетеоретических разделах данного исследования, позволяет в определенной мере дополнить и исламскую модель джихада, и его западную интерпретацию существенными особенностями межцивилизационного и внутривизационного контакта на обоих уровнях войны, как ареально-цивилизационном и национальном, так и этнополитической специфики перманентной межплеменной войны “джанга”.

§ 2. ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Последующую конкретизацию этнополитологического анализа джихада в Афганистане мы направим на прикладное рассмотрение ряда политологических аспектов, раскрывающих особенности синтеза в единой системе джихада цивилизационных элементов религиозно-ареальной и религиозно-национальной, а также этноплеменной войны.

Материалы, посвященные проблемам прикладной политологии, пожалуй, в наибольшей степени несут на себе отпечаток событийности того времени, когда СССР толковал свое военное присутствие в Афганистане как вынужденную реакцию соседней страны на “необъявленную войну мирового империализма и реакционных режимов исламских государств против мирного населения Афганистана”. Предписания и традиции жанра предполагали организацию аналитической работы, исходя из определенных идеологических позиций КПСС “вокруг афганской войны”; этим же обусловлена специфика понятийного и терминологического аппарата, обслуживавшего в то время задачи прикладной политологии в Афганистане.

Другой немаловажной особенностью авторского материала является отражение в нем нового политического курса СССР в вопросе афганского конфликта, наметившегося с приходом к власти в 1982 году Ю. В. Андропова. Думается, что специалистам предлагаемый анализ поможет дополнить свои представления о неоднозначной деятельности бывшего руководителя КГБ на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Факты, в том числе наблюдаемые автором в составе группы советских политических советников и аналитиков в ДРА, свидетельствуют о том, что с приходом Ю. Андропова стал намечаться процесс критического переосмысления военно-политической доктрины СССР вокруг Афганистана. В условиях продолжения тотальной войны советской и афганской армий против, как это тогда определялось, контрреволюции разворачивалась большая аналитическая работа по объективному изучению противника, уточнению прошлых политических, военных, этнологических оценок, рекомендаций и прогнозов реальной обстановки в ДРА. Эти не известные широкой общественности поиски ошибок, в конечном счете, были нацелены на вынесение уроков с переносом центра тяжести официального курса из сферы военного решения афганской проблемы в область политического, дипломатического урегулирования, а в дальнейшем и разрешения конфликта при условии вывода советского воинского контингента из ДРА.

С учетом особой жестокости военных действий, предпринимаемых друг против друга обеими сторонами, даже самое предварительное зондирование возможных путей к национальному согласию в начале 80-х годов в афганском обществе велось достаточно узким кругом специалистов. В конце 1982 года стали более активно прорабатываться проблемы склонения вооруженной оппозиции к сотрудничеству с властями ДРА*. Автору довелось в качестве аналитика-политолога в разработке данных проблем сотрудничать с рядом советских и афганских коллег, имеющих специальную политологическую, страноведческую и религиоведческую подготовку, многократно выезжать для консультаций и переговоров в так называемые “зоны ответственности”, на которые в военно-административном порядке была разделена территория всего Афганистана.

В результате интенсивной деятельности новых комплексных аналитических групп стало возможным весной 1983 года проведение в Кабуле первой “джирги руководителей бандформирований, перешедших на сторону народной власти ДРА”.

---

* Тогда это направление называлось “склонение бандформирований к сотрудничеству с народной властью”.

Разумеется, нет оснований для преувеличения значения тех политологических инноваций в переосмыслении военно-политической доктрины и политического курса СССР. Однако для объективной оценки реальных трансформаций советского участия в афганской войне, безусловно, требуется взвешенное и внимательное исследование тех первых, нередко робких в связи с “немодностью” для того времени, поисков консенсусных сценариев выхода из жесткого кризиса. Исследователь может заметить в текстах того времени определенную неполноту видения всей проблемы: дают о себе знать привычный для того времени драматизм “революционной” и “контрреволюционной” конфронтации афганского общества, а также элементы взаимной “психологической войны” внутренних и внешних участников вооруженного военно-политического конфликта.

Значительная часть этнополитологического анализа автором и его коллегами осуществлена на весьма специфической источниковедческой базе. В основу прикладных политологических изысканий положены переводы теоретических, политико-прикладных, публицистических трудов, документов, брошюр и листовок вооруженной оппозиции, осуществленные в 1982 – 1983 годах группой переводчиков (Сайфуддина, Пулата, Хайота и Мискина), обслуживавших центральный аппарат политических советников, а также многочисленные личные беседы с афганскими и советскими специалистами, служебные аналитические записки служб, взаимодействующих вокруг разработки и реализации курса на возможное сотрудничество с вооруженной афганской оппозицией как основы для последующего провозглашения политики национального примирения.

Предлагаемый анализ и факты, по мнению автора, имеют также определенный интерес в качестве документов, представляющих конкретные аспекты и жанры военно-политологической аналитики периода переосмысления концепции национальной и международной безопасности и в связи с этим пересмотра силового курса по афганскому вопросу, изменившегося с кончиной Л. Брежнева.

Ориентированная на решение конкретных практических задач и выполненная в условиях действия жестких ограничений военных времени и обстоятельств, военно-политическая аналитика десятилетней давности не утратила, на наш взгляд, своей актуальности и в апреле 1992 года, как показали события, связанные с переходом власти в Кабуле в руки моджахедов.

Существенный временной “запас прочности” и прогностические возможности материала во многом, как стало очевидно, были заложены “технологией” его подготовки. В ней нашел применение практически весь методический

инструментарий современного “полевого” исследования обществоведческого круга дисциплин, что, собственно, и позволяет определять разработанный комплекс документов, положенный в основу военно-политических действий, практически как целостное исследование в области прикладной этнополитологии.

“Полеми” политологов-прикладников советские авторы считали в первую очередь те проблемы, которые или сохраняют свое практическое значение на протяжении длительного времени, или приобретают актуальность вследствие конъюнктурных изменений. Особо подчеркивалось, что та же проблематика имеет важное значение и для разработки теоретической политологией.

В западной прикладной политологии послевоенных лет, особенно с 1960-х годов, обозначился устойчивый интерес к нескольким группам проблем. В связи с тем, что многие крупные политологи рассматривают современную эпоху как период обострения конфликтов, а управление ими – как важнейшее условие поддержания социально-политической стабильности внутри отдельных стран и на международной арене, естественно, что комплексу проблем, связанных с разрешением конфликтов и достижением консенсуса, отводится одно из центральных мест в прикладных политологических исследованиях.

К нему тесно примыкает круг вопросов, также активно разрабатываемых на протяжении последних десятилетий, – это теория и практика ведения переговоров, как внутривнутриполитических, так и международных. В переговорной практике все более возрастает роль рекомендаций, полученных специалистами на основе теоретических исследований и методических разработок. Для исследования переговоров и разработки моделей их ведения существуют многочисленные центры и формируются специальные исследовательские проекты, как, например, Исследовательский проект по переговорам в Гарвардском университете (США)¹³⁴.

Все более активно политологи включаются в изучение динамики массовых политических движений и политического лидерства: функционирования политических партий и институтов власти, принятия политических решений; влияния средств массовой коммуникации на формирование общественного мнения.

Опираясь на те же методологические принципы, общие и частные, что и политология теоретическая, прикладная политология использует широкий спектр методов сбора и анализа информации о политических явлениях,

---

¹³⁴ Р. Фишер, У. Юри. Путь к согласию, или переговоры без поражения. М., 1990.

применяемых эмпирической социологией и антрополого-этнографическими дисциплинами, специализирующимися на работе в “полевых условиях”.

Значение этнографических методик особенно возрастает при проведении исследований за рубежом, в среде, отличающейся по своим этнокультурным характеристикам от собственной культуры изыскателя. В западной, особенно американской литературе конца 1980-х годов, проблемам полевых исследований, особенно этнографических, было уделено серьезное внимание. В отличие от представителей других обществоведческих дисциплин, этнографы зачастую работают методом “включенного наблюдения”, непосредственно участвуя в повседневной жизни изучаемого населения. Политолог, поддерживая постоянный контакт с участниками анализируемых событий и процессов—конфликтов на социальной или этнической почве, переговоров между представителями различных политических организаций, массовых движений и формирования на их основе групп политических интересов, в т. ч. политических партий и т. п.—или сам являясь активным “действующим лицом”, например, в переговорном процессе, также оказывается в классической для этнографа роли “включенного наблюдателя”.

В современной науке англоязычных стран понятие “этнография” все чаще используется для обозначения особого вида познавательной деятельности, сущность которого заключается в длительном включенном наблюдении какой-либо культуры и в последующем описании всего того, что исследователь лично видел и узнал. Очень часто понятие “этнография” относится именно к подобному описанию. В этом качестве “этнография” является составной частью многих общественных наук: в культурной и социальной антропологии она стала атрибутом профессии со времен Б. Малиновского и Ф. Боаса; в социологии под влиянием Чикагской школы (Р. Парк, Э. Хьюз) приобрела роль одного из наиболее распространенных методов; в настоящее время этнография все глубже проникает в социальную психологию, научные дисциплины, изучающие коммуникационные системы, образование, администрацию, включая службу в армии и полиции; в юридические науки, в политологию¹³⁵.

Политолог, оказавшийся в “этнографическом поле”, для успешного решения своей исследовательской задачи должен не только учитывать законы во многом, быть может, нового для него “жанра”, но и следовать им. Все опытные “полевики” обращают внимание на то, что почти каждому из них, приступая к работе, приходилось испытать так называемый культурный

---

¹³⁵ См. J. Van Maanen. Tales of the field: On writing ethnography. Chicago, 1988, P. 24.

шок – ощущение дезориентации, невозможности понять должным образом тонкости языка, взаимоотношений, связанных с традиционными иерархическими статусами, особенности жизненного ритма, действительных ценностных ориентаций и предпочтений, не говоря уже о местных этикете и манерах. Это настроение чередуется со своего рода эйфорией от постепенного постижения новой, во многом экзотической обстановки.

В целом процесс “внедрения” этнографа, в широком, как уже отмечалось, смысле этого понятия, в изучаемое общество представляется для западных специалистов куда более сложным, чем перемещение по социальным и классовым “этажам” своего общества. Так, сотрудники Школы полевых исследований по этнографии (университет Нью-Мехико) в своем фундаментальном двухтомнике “Систематические полевые исследования” О. Вернер и Дж. Шопфл обращают внимание даже на такой нюанс, как “необходимость тщательного сопоставления личных качеств ученого с уже выявленными характеристиками изучаемого народа”, учитывая, например, что человеку, склонному к замкнутому образу жизни и уединенному времяпровождению, трудно будет “вписаться” в общество, где такое поведение рассматривается как асоциальное. Планируя феминистское исследование культуры с мужским доминированием, как это обычно имеет место в мусульманском обществе, особенно исследователями женского пола, также вряд ли приходится рассчитывать на успех¹³⁶.

Известный специалист по исследовательским методам в культурной антропологии Х. Р. Бернард также подчеркивает крайне важное значение отношения самого исследователя к выбору проблемы исследования, места его выполнения и методов. “Это тот случай, – подчеркивает ученый, – когда личная заинтересованность конкретного исполнителя в результате работы не может быть переоценена”¹³⁷. Исследование должно также обязательно соответствовать этическим установкам и нормам.

Все эти обстоятельства делают особенно ответственным подготовительный этап работы, включая выбор объекта и тематики исследований.

Обязательной частью предварительного рабочего плана является аналитическая историография вопроса. Предварительное знакомство с уже имеющимися научными исследованиями осуществляется, как правило, с применением

---

¹³⁶ См. *O. Werner, G. M. Schoepfle. Systematic fieldwork. Newbury Park etc.: Sage, 1987, Vol. 1: Foundations of ethnography and interviewing, P. 174.*

¹³⁷ *H. R. Bernard. Research methods in cultural anthropology. Newbury Park etc.: Sage, 1988, P. 112.*

современных средств библиографического поиска. Широчайший охват научной периодики в США обеспечивает коммерческий Институт научной информации (г. Филадельфия). В различных видах его указателей содержатся сведения о 4600 научных журналах на 35 языках¹³⁸. Помимо научных публикаций историография обычно включает и так называемую “серую” литературу – в Соединенных Штатах к ней относят публикации правительственных учреждений, исследования, выполненные по специальным заказам учреждений и частных лиц. Сведения о ней предоставляются информационной службой Конгресса. Полный сбор данных по той или иной проблеме является обязательным условием, без которого невозможно финансирование новых исследований в какой-либо области из государственных или частных фондов.

С особой детальностью в рабочем плане разрабатывается раздел исследовательских задач. Для выполнения имеющих практическое прикладное назначение целевых заказов от правительства, государственных учреждений, финансирующих фондов или частных лиц в США имеется специальная программа. В полевых условиях в программу постоянно вносится необходимая корректировка¹³⁹.

Ориентироваться исследователю в новых условиях помогает, в первую очередь, наблюдение, и этот канал информации должен быть использован с максимальной активностью. Помимо наблюдений за новой этнокультурной средой, при включенном наблюдении необходима фиксация также собственных реакций на внешние обстоятельства, причем независимо от личных вкусов исследователь должен неукоснительно придерживаться “золотого правила этнографии: обращаться с каждым как с потенциальным консультантом, что в практическом применении означает: ни одного неодобрительного высказывания ни об одном человеке; если не знаешь что делать, не делай ничего”¹⁴⁰.

Основным и наиболее важным источником сведений являются данные текущих рабочих обсуждений, специальных интервью и неформальных бесед с возможно более широким кругом участников изучаемых процессов и событий. Поскольку возможности контактов, как правило, даже при наиболее оптимальных условиях проведения исследования бывают достаточно ограниченными, крайне важен выбор “репрезентативной группы общения”,

---

¹³⁸ См. там же, с. 126.

¹³⁹ См. О. Вернер, Дж. М. Шопфл. Ук. соч., с. 198.

¹⁴⁰ Там же, с. 245.

которая, будучи своего рода “образцом”, должна адекватно представлять исследуемый объект в целом. Техника формирования таких групп очень разнообразна: от статистической процентной выборки по телефонным книгам для городского населения до метода так называемого “снежного кома”, когда каждый опрошиваемый предлагает несколько новых кандидатур для исследования. При отсутствии лимитирующих факторов в материальном обеспечении и времени может быть применена формула определения оптимальной выборки в зависимости от численности и наиболее характерных особенностей изучаемого населения: городское (сельское), компактное (дисперсное) расселение; однородный по этнической принадлежности (смешанный) состав.

Разумеется, что в условиях военного времени исследовательские возможности существенно ограничены, если не сведены к минимуму. Для таких случаев особое значение приобретает выявление наиболее сведущих людей из коренного населения, которым отводится роль своеобразных “консультантов”. Их выбор должен осуществляться с большой осмотрительностью, с учетом не только знаний, но и подobaющего положения в обществе. Как установление, так и поддержание контактов с “консультантами” является одной из самых важных задач, в которой далеко не все решается опытом исследователя, а каждый раз зависит от множества индивидуальных особенностей и даже случайностей. Необходимо также учитывать, что в основе “встречного интереса” к исследователю может лежать личное расположение, социальная престижность, наконец, материальная выгода. Реакция членов исследуемой группы тоже может колебаться от “дружелюбной терпимости до полной индифферентности”¹⁴¹, хотя в военных условиях не может быть гарантий, что эта фаза не перерастет в фазу открытой враждебности.

Обычно основная часть подготовки интервьюирования приходится на подготовительный этап экспедиции. Разработка вопросов ведется по тематическим комплексам, но для придания вопроснику большей гибкости может быть применена система разбивки его на отдельные разделы. “Доводка” вопросника в экспедиции заключается в оптимальной “фокусировке” его с учетом возможностей конкретных информаторов. Эта работа тем более важна, чем более высок статус консультанта, располагающего иногда уникальной информацией. “Вписывание” стандартного вопросника в определенный контекст делает его гораздо более эффективным, как любую работу наиболее высокого профессионального уровня. В среднем, по оценке американских специалистов, подготовка сорокапятиминутного интервью требует целого

---

¹⁴¹ См. там же, с. 240.

восьмичасового рабочего дня, а последующая обработка полученного материала – еще несколько, обычно трех-четырёх дней¹⁴².

Проблема перевода, которая обычна в этнографических экспедициях, при обработке материала наиболее оптимально, по оценкам американских специалистов, решается с теоретических позиций этнометодологии и когнитивной антропологии, подчеркивающих важнейшую роль в “репрезентации” культуры ее носителей. Под воздействием представителей этих направлений все более широкое распространение получает буквальное воспроизведение суждений “аборигенов”, с присущими им ценностными ориентациями, понятиями морали, долга, социальных ролей и т. п. В этих подходах находит проявление тенденция отхода от образа социального познания, представленного в виде “социальной физики”, к герменевтической и диалогической трактовке общественных наук¹⁴³.

Для фиксации полевых материалов наряду с принятыми письменными формами – полевой журнал, полевые дневники, полевые заметки, записи интервью и наблюдений – в последние годы все большее значение приобретают компьютеры. Помимо внесения конкретных данных в память процессоров, тематическая кодировка полевых материалов, особенно применение стандартных кодов для целой серии исследований, позволяет создавать обширные базы данных и оперативно манипулировать ими. Возможности новых технических средств могут внести глубокие изменения в полевую этнографическую работу уже в ближайшее время¹⁴⁴.

Обширные возможности полевой этнографической работы далеко не в полном объеме, как считают специалисты, используются в политологически ориентированных исследованиях. В частности, обращается внимание на их обычно более узкую и прагматичную “фокусировку” по сравнению с академическими, когда чаще всего вне поля зрения, как не представляющие интереса, остаются долгосрочные исторические процессы. Практически не используется в них еще одна из наиболее сильных сторон культурной антропологии: холистский (целостный) подход к обществу и его культуре во всем многообразии их проявлений. Заданная методологическая и методическая ограниченность не только при сборе, но и при дальнейшей обработке материала существенно снижает познавательные возможности “административных исследований”¹⁴⁵.

---

¹⁴² См. там же, с. 294.

¹⁴³ См. Дж. Ван Маанен. Ук. соч. с. 143.

¹⁴⁴ См. Х. Р. Бернад. Ук. соч., с. 271.

¹⁴⁵ См. “Anthropology at home”. Ed. by A. Jackson. L.-N.Y., 1987, P. 57.

В своем отношении к политологической этнографии научная общественность подчеркнутое внимание уделяет ее этическим аспектам, личной ответственности ученых за результаты проводимых исследований. Для американских обществоведов это во многом связано с осмыслением в значительной мере противоречивого полувекового опыта сложной работы в области прикладной антропологии.

Организационное оформление этого научного направления в США относится к периоду второй мировой войны: в 1941 году было учреждено Общество прикладной антропологии. В военное время специалисты по культурной антропологии привлекались к работе в Управлении военной информации, в специальном секторе этнографии при Военном департаменте США, в Отделе стратегической бомбардировки на Тихом океане, выступали в роли консультантов по национальной специфике того или иного региона¹⁴⁶. В этот период с привлечением крупных американских антропологов проводились исследования национального характера вероятного военного противника. Одной из наиболее известных и печально знаменитых работ такого рода стала книга Р. Бенедикт “Хризантема и меч”, вызвавшая бурную реакцию протеста японской общественности¹⁴⁷.

Американские этнографы участвовали в работе созданного в 1946 году Института иностранной службы при Госдепартаменте США, занимаясь подготовкой специалистов по таким странам, как Китай, Япония, Индия, Пакистан и др. В тот же период на средства военных ведомств был организован ряд исследовательских центров – Институт исследований современных культур при Колумбийском университете; Центр русских исследований при Гарвардском университете; Центр по изучению Советского Союза и Восточной Европы при университете города Индианаполис – для продолжения изучения стратегически важных для США регионов. Выделение политической антропологии в особую дисциплину произошло к середине 1960-х годов¹⁴⁸.

В послевоенные годы началось достаточно широкое привлечение этнографов к сотрудничеству в различных правительственных организациях по оказанию помощи странам Европы, содействию экономическому развитию стран Азии

---

¹⁴⁶ См. Ю. П. Аверкиева. Служебное значение этнографии в США. “Вестник истории мировой культуры”, 1959, № 4, сс. 67 – 74.

¹⁴⁷ См. R. Benedict. The chrisanthemum and the sword. Boston, 1946.

¹⁴⁸ См. M. N. Fried. The evolution of political society: An essay in political anthropology. N. Y., 1967; M. J. Swartz, V. Turner, A. Tuden (Eds.). Political anthropology. Chicago, 1966, VIII.

и Африки. В 1950 – 1960-е годы ими выполнялись, в основном, достаточно узкие, общинно-локальные обследования местного населения. Со второй половины 70-х годов антропологи приобщаются не только к выполнению, но и к принятию решений, участвуют в подготовке экспертных оценок, планировании и осуществлении различного рода проектов¹⁴⁹. Решение новых проблем требует от этнографов освоения несвойственных им ранее методик, таких, в частности, как анализ различного рода документации, что в свою очередь, широко используется в политологии.

Политологический анализ распространяется не только на официальные тексты – правительственные заявления, программы и другие документы партий, протоколы заседаний и т. п., составляющие, как правило, наиболее значительную часть документально-информационного блока. Неофициальные разновидности письменного текста, прямо или косвенно относящиеся к политическому процессу, также представляют интерес для исследователя. Естественно, что для этнополитологического исследования, проводимого в военных условиях, особое значение приобретают политические решения, данные оперативно-штабной документации, картографические материалы, материалы агитационно-пропагандистского характера стороны противника, включая листовки, тексты выступлений в печатном и магнитофонном исполнении, содержание вещательных программ, идеографические документы – фото- и видеоматериалы.

Особое место в методическом инструментарии прикладной политологии несомненно принадлежит эксперименту как виду наиболее активной, требующей полной мобилизации всех информационных и аналитических ресурсов исследовательской практики. Эксперимент в политологии обычно практикуется в специфической форме игрового моделирования, когда исследуемый процесс или явление воспроизводятся в интересующих политолога параметрах посредством создания ситуации игры (матричной и других)¹⁵⁰. Имитируя развитие конфликта, ход переговоров, эволюцию определенной системы, исследователь получает возможность либо предвидеть развитие реального процесса, либо найти ключ к объяснению имевших место событий. Проведение военно-политологических экспериментов также возможно в общих рамках “имитационных игр” различного масштаба. В реальных боевых условиях, утрачивая “игровые” черты, он приобретет роль действенного

---

¹⁴⁹ См. *A. Hoben*. Anthropologists and development. “Annual review of anthropology”. Palo Alto: Annual review, 1982, Vol. 11, P. 361.

¹⁵⁰ См. Э. *Баталов*. Что такое прикладная политология. “Конфликты и консенсус”, 1992, № 1.

военно-политического инструмента. В этих случаях военно-политологический эксперимент обеспечивает изыскание наиболее оптимальных способов разрешения конфликтных ситуаций не военно-силовым путем, а обнаружением и реализацией “сценариев” консенсусного развития.

К числу других методов анализа первичной информации, широко применяемых в политологии, относятся контент-анализ, генетический анализ, построение когнитивных карт и т. п.

Выбор исследовательского инструментария и границ его применения сам по себе является проблемой не только конкретно-методического, но и теоретико-методологического качества. В нашем случае данный выбор был детерминирован как общими, так и особенными условиями генезиса и воспроизводства объектов и предметов этнополитологических исследований в Афганистане. Следует отметить, что в качестве объекта рассматривались носители отношений, связанных с отправлением власти (государственной и общественной, законной и нелегитимной, политической, военной, религиозно-юридической и др.); в качестве предмета этнополитологии рассматривается этнополитика.

Инструментарий определялся содержанием исследуемых задач, а в конечном счете, содержанием исследуемых явлений и процессов, их специфической военной, политической, государственно-правовой, обычно-правовой и административной регламентацией со стороны нескольких центров власти, действовавших изнутри и извне Афганистана, в условиях гражданского вооруженного конфликта, интернационализованного вводом советских войск.

Военная политика и ее доктринально-идеологическое обеспечение обуславливали сущность процесса политологического и практического аналитико-управленческого сопровождения войны, а в ряде случаев – директивную заданность выбора как разрабатываемой проблематики, так и исследовательского инструментария.

В заключение следует отметить, что задача проверки инструментальной применимости авторских методологических подходов к определению предмета формирующейся этнополитологии реализована в обосновании проблематики и методического инструментария прикладной военной этнополитологии в контексте теории и методологии национальной безопасности.

§ 3. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДЖИХАДЕ

Для лучшего понимания процесса военно-политической модернизации вооруженного конфликта рассмотрим опыт инновации религиозно-политической доктрины джихада со стороны принципиально новых для традиционного джихада субъектов священной войны – исламских политических партий, а также военной организации структур сопротивления моджахедов, синтезирующей элементы племенной войны с элементами герильи и регулярной армейской деятельности.

3.1. Таджикский этнополитический ресурс джихада – на примере Исламского общества Афганистана (ИОА)

В связи с личным участием автора в разработке методик переговоров с вооруженной оппозицией в 1982 – 1983 годах, основывающихся на прикладном политологическом анализе деятельности таких крупных полевых командиров, как Ахмад Шах Масуд (зона базирования – Панджшер) и Сайид Джагран (зона базирования – Хазараджат), основное внимание будет уделено этнополитологическому анализу указанных аспектов на примере партии Исламское общество Афганистана (“Джамияте исламийе Афганистан”), ее военных баз (центров) – “марказов” и своеобразных институтов местного военно-политического управления – “исламских комитетов”.

Исламское общество Афганистана – ИОА как субъект джихада является одной из современных надэтнических цивилизационных подсистем, отражающих модернистские изменения классической концепции целостности и неразделимости сакрального и политико-правового начал ислама. ИОА в зоне своего влияния являет собой новый, разветвленный по национально-религиозному и этноплеменному уровням влияния механизм консолидации религиозно-общинных и территориально-племенных объединений. В связи с тем, что религиозно-политическое содержание платформы ИОА нацелено на осуществление лозунга “исламской справедливости” путем создания в Афганистане “Исламской республики” по типу системы имамата Исламской Республики Иран, данная партия консолидирует территории с населением, исповедующим ислам как суннитского, так и шиитского толка и его ответвление – исмаилизм. С точки зрения консолидации этноплеменных и клановых ареалов – “кадм” ИОА контролирует и объединяет вокруг джихада территории, заселенные таджикскими, бадахшанскими, хазарейскими, а также некоторыми узбекскими и пуштунскими племенами. Местные организации ИОА под руководством своих “исламских комитетов”, а также боевые отряды, дислоцированные в лагерях – “марказов” и в местах проживания моджахедов, действуют на широком политико-административном

пространстве целого ряда провинций: Кабул, Парван, Каписа, Вардак, Бамиан, Герат, Гур, Бадгис, Баглан, Бадахшан, Кундуз, Тахар, Фаррах, Нимруз, Пактия, Газни, Лагман и Кунар. ИОА в своих политико-организационных принципах и практике консолидации различных “кадм” на указанных территориях выигрывает, по сравнению с более централизованными партиями, в связи с ее большей адекватностью децентралистуемским принципам социальной организации афганского общества.

Лидер партии ИОА – Бурхануддин Раббани, родившийся в 1940 году, обладатель степени бакалавра философии и шариатского права, в прошлом был профессором богословия в Кабульском университете. Раббани в молодые годы находился под сильным влиянием ряда видных исламских мыслителей новейшего времени, пытавшихся в теоретических трудах обосновать пути исламского возрождения в ответ на модернизационные вызовы современного межцивилизационного контакта в его глобальных вариантах: Запад–Восток и Север–Юг. В своих богословских лекциях и трудах профессор Раббани еще в 70-х годах ориентировал студенческую молодежь Кабульского университета на освоение идей таких авторитетов современного исламоведения, как основатель пакистанского движения “Джамиате Ислами” и поборник большей исламизации Пакистана Сайед Маудуди; основатели влиятельной международной организации “Братья-мусульмане” (со штаб-квартирой в Египте) Сайид Кутб¹⁵¹ и Хассан уль Бан, известный шиитский богослов и религиозный деятель из Ирана Али Шариати. Раббани считается сторонником имама Хомейни¹⁵².

Авторитет Бурхануддина Раббани базируется также на его роли одного из лидеров политической оппозиции режиму Дауда сразу после государственного переворота 1973 года. Он известен как один из основателей первой в Афганистане крупной Исламской партии Афганистана – ИПА (“Хезбе исламийе Афганистан”) в ряду с такими лидерами оппозиции как Хекматъяр, Юнус Халес, Мансур, Джалалуддин и Ахмад Шах Масуд, связанными с “Братьями-мусульманами”.

Раббани вышел из “Хезбе исламийе Афганистан” в 1978 году вскоре после переворота и в том же году основал свою партию – ИОА. Раббани в своих выступлениях пытался аргументировать свой разрыв с ИПА тем, что принципы и практика ИПА жесткой централизованной власти противоречат

---

¹⁵¹ Сайид Кутб – теоретик насильственного установления “исламской власти”, основанной на нормах раннего ислама и классического мусульманского права, казнен в Каире в 1966 г.

¹⁵² См. *Хуришд Ахмад*. Ислам и Запад. Кум (Исламская Республика Иран), б. г. (пер. с перс.).

социальной и этнокультурной специфике афганского общества, основанного на свободе и равенстве личности. Руководитель ИОА, таджик родом из северо-восточной провинции Бадахшан—цитадели исмаилизма, пользуется особым влиянием среди непуштунского населения.

Бурхануддин Раббани одним из первых среди религиозных авторитетов Афганистана в январе 1980 году обратился ко всем мусульманам с призывом объявить джихад СССР, советским войскам-захватчикам, а также “безбожному марионеточному режиму в Кабуле”.

Как явствует из интервью начальника отдела пропаганды, подготовки и приема в ИОА (от 29.05.1981 г.), своей главной задачей организация ставит “победу исламской революции над “коммунизмом”, распространение идеологии исламской революции”, а также “доведение до сознания каждого мусульманина идей нашей исламской революции, сохранение на высоте законов шариата и ислама, подготовку всех мусульман для окончательного уничтожения кафи́ров и идей коммунизма и достижение полной победы исламской революции”. По его словам, ИОА—“единственная организация, которая истинно борется за ислам в политической, экономической и социальной сферах, за распространение его идей и целей, за Коран и справедливое правительство”. Членам ИОА предписано “всегда и везде уважать лиц духовного звания и религиозные авторитеты”.

ИОА в своих пропагандистских листовках и буклетах, согласно концепции имама Хомейни, ставит “американский империализм” на одну доску с “кровожадной Россией”, подчеркивая, что эти две силы якобы “действуют в полном согласии”. Это явствует из листовки отдела печати исполкома ИОА в Тегеране, подписанной “профессором Б. Раббани” (обнаружена в 1982 году в провинции Бадахшан). В этой связи показателен эпиграф листовки, заимствованный из Корана: “Злодеи и угнетатели – товарищи”.

Главное содержание идейно-политической платформы ИОА составляют догматы ислама. Издающийся “обществом” журнал “Мисаке Хун” (“Обет крови”) писал в ноябре 1982 года: “Мы, борцы за святое дело восстановления ислама в Афганистане, будем принимать меры против мусульман, которые признали коммунистический режим, накажем их по законам шариата. Мы создадим общество, свободное от зла, от всяких антиисламских элементов, свободное от иноземцев, свободное от несправедливости! Да здравствуют борцы за установление исламского государства в Афганистане!”.

Для богословской и пропагандистской печатной продукции ИОА характерны традиционные исламские призывы: “Наша цель—благословение Аллаха!;

Пророк Мухаммед— наш вождь!; Коран— наш закон; Наш путь— восстание, а жертва ради Аллаха— наша высшая мечта!”.

В целях повышения эффективности идеологического воздействия ИОА через отделы своего Центрального аппарата, а также “исламские комитеты” на местах проводит активную деятельность по привлечению населения к джихаду. В частности, как отмечается, например, в пособии военного отдела ИОА “150 вопросов и ответов о партизанской войне”, перед пропагандистскими группами ставятся задачи “проводить работу с населением таким образом, чтобы привлечь внимание народа к себе как к знаменосцам джихада и очернять противника”¹⁵³.

Представляет интерес подход идеологов ИОА к обоснованию естественной и сущностной связи между религиозным понятием “джихад” и политической категорией “революция”, отражающий концепции рассмотрения в единой системе идей и действий джихада и “исламской революции” хомейнизма. Более полное представление о главенстве концепции единства джихада и “исламской революции” в деятельности ИОА дают фрагменты из программы и устава Исламского Общества Афганистана¹⁵⁴. Так, член ИОА, в соответствии с программой партии, “ведет борьбу за высокие идеи ислама и победу исламской революции”. Деятельность ИОА состоит в “разработке и претворении в жизнь идей ислама, нахождении пути к их победе и в увеличении рядов борцов за ислам”. Вступающий в ИОА, говорится далее, “должен знать, что наша идея— это единственная идея, которая ведет к победе ислама и религии”. Врагами “общества” являются все те, “кто выступает против Корана”, а потому “каждый мусульманин должен стать солдатом ислама”. “Аллах велел не бояться смерти,— подчеркивается в программе и уставе Исламского Общества Афганистана,— даже если ты погибнешь, то встретишься с Аллахом на том свете, а поэтому не надо жалеть своей жизни ради Аллаха и ислама”. И далее: “Каждый мусульманин, находящийся в любой точке Земли, должен бороться за идеи ислама, активно пропагандировать их и бороться против антиисламских идей... Священная война против неверных (джихад)— это веление Аллаха, и она будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет жизнь на земле”¹⁵⁵.

---

¹⁵³ См. “Требование времени: 150 вопросов и ответов о партизанской войне”. Пешавар: Издание военного комитета ИОА, б. г. (пер. с пушту).

¹⁵⁴ См. *Абуали Мурари*. Рассказы об исламском обществе из уст Исламского общества Афганистана. Б. м., б. г. (пер. с дари).

¹⁵⁵ См. *Бурхануддин Раббани*. Какая борьба? О борьбе и джихаде. Б. м., б. г. (пер. с дари).

Сравнительный анализ показывает, что вопросы джихада находят в программе ИОА гораздо большее место, чем у соперничающей Исламской партии Афганистана Хекматъяра. В ней разъясняется сущность этого понятия: “Началом джихада является момент, когда мусульманин осознает, кто такие неверные, и проникается ненавистью к ним. Высшей точкой священной войны является вооруженная борьба против неверных. С усилением борьбы возрастают ее трудности, но моджахеды должны быть стойкими.

Каждый член нашего общества должен быть преданным нашему делу и не должен бояться смерти в джихаде против неверных.

Наш лозунг – смерть во имя Аллаха!”.

Отбор при поступлении в ИОА зависит, главным образом, от приверженности к джихаду, причем во главу угла ставится принцип беспрекословного подчинения и готовности идти на любые жертвы. В пункте IX “устава” говорится: “Члены нашего общества должны быть стойкими в борьбе, так как наш джихад против неверных долог и упорен. Кто доживет до победы, а кто погибнет на пути к ней – все они в конечном итоге попадут в рай. Мы близки к победе, наши жертвы не напрасны, Аллах видит нас и не оставит без помощи.

Наша сила в единстве, и поэтому члены нашего общества должны быть сплоченными, и благодаря этому мы достигнем поставленной цели!”.

О стратегической нацеленности религиозно-политической деятельности ИОА на строительство “исламского общества” свидетельствует тот факт, что как в богословских трудах, так и в пропаганде образование и воспитание молодежи ставятся в один ряд с центральной религиозно-политической и военной идеей – джихадом¹⁵⁶.

Формулируя отношение к вопросам воспитания и образования, лидеры ИОА особо подчеркивают, что Афганистан в прошлом был центром науки, культуры и просвещения, но тираны и продажные правители своими преступными действиями воздвигли препятствия на пути осуществления победоносных идей ислама. “Предатели” не позволили, пишут теоретики ИОА, чтобы Священное Писание стало общей программой жизни, охватывая все ее социальные аспекты и направляя общество по пути развития. Тем самым, якобы, был нанесен тяжелый удар по авангардной роли мусульманского народа Афганистана.

---

¹⁵⁶ См. “Что необходимо для победы революции и джихада”. Б. м., б. г., Ч. 1, 2 (пер. с дари).

После 1919 года, продолжают теоретики ИОА, когда героическая афганская нация в результате исламской революции высоко подняла знамя джихада и нанесла сокрушительный удар Великобритании, самой могущественной колониальной державе, положение изменилось. Вспыхнувшая революция поставила Афганистан “в авангарде борьбы героических народов мира”.

Однако враги-колонизаторы возобновили действия против героической революции афганского народа, стремясь не допустить осуществления истинных принципов ислама. Колониальные круги и безнравственные властвующие режимы воспрепятствовали осуществлению принципов ислама. Вместо претворения в жизнь этого истинного революционного учения они пытались обмануть народные массы, преподнося им “видимость” ислама.

В этой связи ИОА ставит перед собой задачу прежде всего устранения преград на пути развития “исламского обучения”. Показателен изданный ИОА учебник для начальных классов исламских школ по линии “управления воспитания и учебы Исламского Общества Афганистана”¹⁵⁷.

В предисловии-обращении к учителям и учащимся руководитель ИОА Бурхануддин Раббани подчеркивает, что ИОА, наряду со своей главной задачей—“святым джихадом”—в области военно-патриотической деятельности особое внимание уделяет борьбе против темноты и неграмотности. С этой целью, говорится далее, были открыты медресе в лагерях для беженцев, а также начата обширная практическая работа в “освобожденных районах” Афганистана, чтобы ознакомить “революционные поколения” с великой исламской культурой. “Несмотря на кризисную ситуацию,—подчеркивает Раббани,—исходя из принципов ислама, Общество готовит учебники для медресе, чтобы дети мусульман и моджахедов воспользовались ими”.

“Я обращаюсь к вам,—продолжает Раббани,—о мусульмане, чтобы вашим лозунгом стали наука и знания, чтобы в любое удобное время приобретали знания, дабы с этим оружием, с помощью Корана, вести до конца завершения наш победоносный “джихад””.

В палатках и лагерях, у себя на Родине, под знаменем великого джихада, он призывает наносить решительный удар по “самой могущественной колониальной державе мира”, подниматься на победоносное восстание под руководством своих вождей.

Поскольку “колонизаторы” стремятся подавить исламскую революцию и задушить истинные воспитательно-этические принципы ислама, они вместе с

---

¹⁵⁷ См. “Учебник для начальных классов”. ИОА, Управление воспитания и учебы. Б. м., Хиджры 1360 г. (пер. с дари).

безнравственным, властвующим в Кабуле режимом препятствуют претворению в жизнь истинного революционного учения ислама. ИОА ставит своей задачей очищение основ исламской культуры в афганском обществе, борется за то, чтобы медресе приобрели свой духовный и общественный авторитет, “чтобы они стали надежной и несокрушимой баррикадой, истинно религиозным центром в деле распространения идей революции, донося призыв ислама до сердца и ума многострадального и измученного народа”.

Особая признательность выражается “просветителям-улемам освободительной школы ислама”, которая должна дать борцам против “коммунистических” и других “скотских” школ оружие в борьбе, в “священном джихаде”.

Симптоматично присутствие идей джихада и образа “моджахеда” в учебнике для первого класса. В нем три раздела, первый из которых посвящен усвоению религиозных исламских основ с одновременным изучением букв. В него включены короткие суры из Корана для заучивания наизусть, предписания о необходимости защиты религиозного обучения, десять обязательных правил для заучивания, в том числе “пять основных принципов: холима, намаз, руза, закаат и хадж”, предписания о поведении и дисциплине и краткая информация о сути джихада.

Второй раздел, посвященный чтению и правописанию, состоит из 47 уроков по “исламскому джихаду”. Вопросы джихада сочетаются в них с вопросами спорта. Даны более подробные разъяснения пяти основных принципов ислама: понятий “медресе”, “терпения”, “повиновения”, учения о Коране как “приказе бога”, о том, как мусульманин должен воспринимать приказ Аллаха через своих “эмиров”, об отношении к исламским союзам и объединениям и т. п. Раздел завершается призывом прививать учащимся преданность идеям защиты ислама, подчеркиванием того, что Афганистан – исламская страна, и ее гражданин не должен допустить ущемления своей веры.

В третьем разделе, посвященном арифметике, вместе с элементарными знаниями по этому предмету даются изображения моджахедов, пистолетов, автоматов, боеприпасов, чтобы и здесь учащихся не покидала мысль о джихаде.

* * *

Если попытаться обобщить роль этнополитической инновации классического джихада в контексте политического ислама, то в первую очередь следовало бы отметить важность появления нового субъекта священной войны, представляющего новый уровень надплеменной этнополитической идентичности.

В традиционном толковании священной войны джихад представляет собой систему отношений между верующим “моджахедом” и его Господом. С вхождением в систему джихада исламских партий данные отношения между мусульманином и Богом в определенной мере опосредуются политической партией, олицетворяющей как идеологию, так и военно-политическую организацию священной войны.

Исламские партии через свои организационные структуры динамизировали и тотализировали традиционную для Афганистана локализованность военной и религиозно-политической активности моджахедов и вооруженных формирований в жестких границах племенных и союзнических территорий – “кадм”. На примере ИОА можно утверждать о привнесении в статическую стратификацию племен новых, более эффективных способов межплеменной, собственно этнополитической по своему содержанию консолидации. Другими словами, в джихад внедряются элементы современной этнополитики с соответствующими разделами социальной и военной практики, обслуживающей уже национально-цивилизационную арену священной войны, организуемой по законам “исламской революции”. Убедительным свидетельством попыток надплеменной консолидации в джихаде посредством механизмов социальной регуляции может служить джихадская политика ИОА в области национального образования.

Общий вывод о модернизационной миссии исламских партий заключается в политическом переводе этнопространственной закреплённости джихада на арену тотальной священной войны в динамическом во внутренней межплеменной проницаемости пространстве “меллата” и “уммы”. Военно-политическая организация направленного трансформирования джихада для каждого “кадма” в своих границах в тотальную войну во всех степенях свободы военно-политических перемещений как иррегулярной, так и регулярной армейской деятельности осуществляется с помощью “исламских комитетов”, на которые возлагается проведение в жизнь программных установок исламских партий.

* * *

В контролируемых вооруженной оппозицией районах Афганистана за последние годы была создана разветвленная система оппозиционных “исламских комитетов”, которая в ряде мест в полном объеме осуществляла управление и власть. В отдельных контролировавшихся центральной властью местностях “исламские комитеты” осуществляли те же функции, но на нелегальном положении.

Анализ показывает, что подавляющее число “исламских комитетов” в своей политической деятельности ориентированы на основные крупные оппозиционные партии и группировки: “Исламскую партию Афганистана” Хекматъяра, “Исламское общество Афганистана” Раббани, “Национальный исламский фронт Афганистана” Гейлани, “Движение исламской революции” Наби, “Фронт национального спасения” Моджадади.

По данным информационно-аналитической группы Министерства внутренних дел ДРА, на 1 января 1983 года в стране насчитывалось около 700 “исламских комитетов” различных исламских оппозиционных партий. В начале 80-х годов отмечался процесс динамичных изменений: укрупнение или дробление системы организации “исламских комитетов”, перестройка их работы в соответствии с обострением или стабилизацией обстановки в той или иной провинции.

3.2. Пуштунский этнополитический ресурс джихада – на примере Исламской партии Афганистана (ИПА)

Несмотря на некоторые различия, можно отметить много общего в территориальном делении и структурном построении “исламских комитетов” разных оппозиционных партий. Так, “исламские комитеты” ИПА создаются в волостях; они подчиняются “исламским комитетам” уезда, а те в свою очередь – провинциальному “исламскому комитету”. Провинциальный “исламский комитет” находится в прямом подчинении центрального совета ИПА, находящегося в Пакистане. Для руководства действиями мелких формирований создаются “исламские комитеты” также в больших населенных пунктах.

Крупные “исламские комитеты” имеют свою строго установленную структуру, довольно четкую организацию управления, отработанную систему вовлечения и закрепления людей в вооруженных формированиях. Они строят свою работу на основании указаний и распоряжений, получаемых из партийных центров. Так, в одной из обнаруженных директив штаба оперативного управления главного командования вооруженных сил ИПА давались рекомендации и указания оппозиционным силам с целью их объединения, упорядочения организационной структуры управления, совершенствования системы руководства на партийных принципах, разработанных ИПА¹⁵⁸.

---

¹⁵⁸ См. *Заморак Абед*. Такая борьба. Б. м., б. г. Изд. ИПА; *Гульбедин Хекматъяр*. Требования веры и ее защиты (текст выступления от 28.08.1360 г. Хиджры в лагере № 2 ИПА) (пер. с пушту).

Местные “исламские комитеты” ИПА в соответствии с директивой в своей структуре имеют, как правило, отделы (советы) определенной специализации. В функции военного отдела входит оценка района проведения боевых действий с точки зрения географических и климатических условий с целью выработки лучших методов ведения боевых действий. Отдел должен проводить работу по созданию широкой осведомительной сети, системы сигнализации, оповещения и мобилизации населения, а также планировать создание ударных сил во главе с опытными полевыми командирами, причем критерием для назначения руководителей должны служить только партийная принадлежность и испытанная на практике верность исламу. Военный отдел должен совершенствовать тактику боевых действий с применением хорошо вооруженных и мобильных ударных групп, которые могли бы действовать в темное время суток и при неблагоприятных климатических условиях.

Отдел культуры и воспитания занимается изданием и распространением топографических карт различных районов ДРА для использования в боевых действиях, различных партийных документов (программа, устав ИПА), пропусков, герба и портретов руководителей ИПА, а также созданием “культурных центров”, целями которых являются пропагандирование среди населения религиозных знаний; политическое и моральное воспитание членов вооруженных формирований. В функции отдела входит также составление подробных отчетов о боевых действиях и отправка их в центр с включением в них характеристик на наиболее активных “моджахедов”.

Главными задачами отдела агитации и пропаганды являются: привлечение в ряды ИПА широких масс населения, разъяснение превосходства и жизнеспособности ИПА, повышение и укрепление политико-морального состояния “моджахедов”, воспитание в них готовности к самопожертвованию. В его функции входит также создание сети мечетей, духовных школ, подготовка мулл и проповедников. Пропагандистская деятельность этих отделов особенно эффективна, поскольку носит организованный и целенаправленный характер, претендует на захват ведущих позиций в области идеологического воздействия на местное население.

Финансовый отдел занимается вопросами оказания материальной помощи партии со стороны населения, обеспечения вооруженных групп транспортом, организацией баз и складов оружия, боеприпасов, обмундирования, сбором налогов с населения, оказывает помощь родственникам убитых “моджахедов”, а также больным и раненым бойцам, занимается сбором трофейных ценностей и имущества (кроме вооружения) и их последующим распределением среди членов вооруженных формирований.

Отдел информации (разведка и контрразведка) организует сбор разведывательных и контрразведывательных данных о городах, кишлаках, на автодорогах, в местах дислокации воинских формирований; проводит работу по принятию "...срочных и незамедлительных мер по уничтожению... известных и активных коммунистов".

Судебный отдел решает различные гражданско-правовые споры между "моджахедами" и среди населения согласно нормам мусульманского права, выносит по законам шариата приговоры за совершенные уголовные преступления, должен вести средствами шариата борьбу за чистоту ислама, против таких аморальных явлений, как проституция, употребление спиртных напитков, азартные игры, взяточничество и т. д.

Численный состав "исламских комитетов" различен, обычно он включает от 25 до 40 человек. Во многих населенных пунктах Афганистана действует актив "исламского комитета", членами которого являются местные жители.

Основными методами деятельности "исламских комитетов" и руководимых ими вооруженных формирований были: совершение диверсионных и террористических, часто демонстративных, актов в отношении представителей центральной власти, партактивистов, офицеров и военнослужащих Царандоя и армии, нападения на автоколонны, объекты экономического и оборонного значения, захват автотранспорта с грузами, отдельных лиц, минирование дорог, активное проведение пропаганды и т. д.

Тактика и методы работы "исламских комитетов" среди населения и своих членов были самые разнообразные: проведение митингов и бесед, разъяснение программ и уставов своих партий, издание и распространение агитационно-пропагандистских журналов, газет и листовок враждебного содержанием властям содержания, обращения к военнослужащим Царандоя и афганской армии, а также к советским военнослужащим с призывами отказываться от ведения боевых действий, распространение информации, компрометирующей "кафилов" в лице СССР, советского воинского контингента в ДРА, а также "безбожного режима в Кабуле", панических слухов, дезинформации и угроз.

"Комитеты" достаточно умело использовали трудности в стране, а также допускаемые ошибки и просчеты в политической и экономической жизни ДРА, внутрипартийные разногласия в НДПА. Так, в Герате было распространено обращение к членам крыла "Хальк" НДПА с призывом переходить на сторону оппозиции, уничтожить "парчамистов" и советских граждан,

причем это обращение с целью демонстрации единства вооруженной оппозиции было скреплено печатями шести “исламских комитетов”.

Важное место в деятельности “исламских комитетов” занимает организация исламского морально-этического воспитания трудящихся масс, культивирования в их сознании ислама как единственной идеологии, которой каждый афганец должен руководствоваться в своей повседневной жизни, в каждом своем поступке.

Попробуем показать этнополитологическую основу данной военно-административной политики исламских партий в контролируемых зонах, охватывающих пространства традиционной этнотерриториальной закреплённости и консолидации племен—“кадм”.

Как уже говорилось, исламские партии со своими военно-политическими структурами управления джихада создали предпосылки для радикального изменения одной из существенных характеристик традиционного афганского военного сопротивления: его стратегической неподвижности, ограниченности территорией консолидации или солидарности. Пространство солидарности в своей сущности представляет архаические истоки этнополитического сопряжения этнодемографических и конвенционально-феодалных границ. В связи с перманентной межплеменной и межклановой войной и обусловленной этим процессом подвижностью конфигурации вражеских и союзнических связей, феномен “кадма” представляет собой динамический комплекс взаимосвязанных территорий солидарности—сетей “кадмов”—братств, этнических групп и даже политических партий со своими фронтами, встроенными во фронты конкурирующих субъектов джихада. На большей части территории Афганистана, при том, что джихад на самом деле ведется “уммой” в целом, он реализуется неподвижно локализованными в своих “кадмах” моджахедами определенных племен и кланов, что представляет собой своеобразный “статический военный маневр” живой силы. В условиях необходимости в прошлом противодействия регулярной армии центральных властей и Советской Армии, свободно маневрирующих по всей территории Афганистана, подобное статическое сопротивление лишь на территории своего “кадма” безусловно было проигрышно в стратегическом плане. Таким образом, на практике тотальной войне, которую вело центральное правительство и в свое время Советская Армия, противопоставлялась всеобщая священная война “уммы”, которая осуществлялась средствами локальной племенной войны. Согласно сложившимся в Афганистане традициям, даже во время катастрофических испытаний и угроз племя или клан плохо воспринимают рекомендации (приказы в подобных случаях невозможны) о целесо-

образности перехода на территорию другого племени. В данных обстоятельствах отдается предпочтение перемещению на территорию Пакистана или Ирана, так как она расценивается как своеобразная нейтральная зона.

Политологи, осуществлявшие анализ военно-политической обстановки в Афганистане лишь на национальном уровне, не учитывали реальные этнополитические механизмы “всеобщего джихада”, превращающие его в мозаику жестко локализованных и плохо координированных племенных джихадов. Плохое знание традиций ведения войны в годы до и после введения советских войск в ДРА ограничивало военно-политическое изучение обстановки поверхностными для афганского этнополитического разнообразия моделями анализа и основанными на нем рекомендациями. На практике чисто теоретические и методологические политологические огрехи оборачивались большими политическими, дипломатическими, военными потерями для СССР, становились одними из причин неоправданно большого количества жертв у всех участников афганской войны.

“Исламские комитеты” все большее внимание в своей работе уделяли формированию резервов и возможностей для военно-политического консенсуса и боевого сотрудничества между отдельными анклавными силами сопротивления, пока преимущественно по вертикальным сетям “кадм”, как правило, сопряженным с иерархией структур центрo-периферийного партийно-этнополитического управления.

Все предыдущие выкладки по проблемам этнополитики джихада можно привести к следующему этнополитологическому заключению: военно-политическая модернизация джихада в Афганистане уже в начале 1980-х годов была связана с осмыслением актуальной для вооруженной оппозиции задачи — изменением этнополитики войны, прежде всего, отказом от военного строительства джихада на базе разделенности пространства священной войны на “кадмы”.

Именно необходимость этнополитического перемещения джихада из этноплеменного в национальное пространство является ключом перевода деятельности вооруженной оппозиции с уровня мозаичной “герильи” на стратегическую арену тотальной войны, ведущейся со стороны афганской национальной армии центрального правительства.

3.3. Этнополитология модернизированного джихада по модели Ахмад Шаха Масуда

Изучение войны показывает, что некоторые из лидеров вооруженной оппозиции уже в тот период осознали важность данной модернизации джихада. Попробуем показать сложность этого процесса на примере эффективных поисков решений Ахмад Шахом Масудом, одним из наиболее авторитетных полевых командиров и военно-политических интеллектуалов – лидеров ИОА.

Во время пребывания автора в ДРА Ахмад Шах был известен в роли командующего Панджшерским фронтом как талантливый военный организатор, а также хитрый и гибкий “переговорщик”. Будучи уроженцем долины Панджшера, он приобрел главенство над своими земляками благодаря дерзкой и победной вылазке против подразделений Советской Армии в 1980 году. На первых этапах военного обустройства Панджшера фронт Ахмад Шаха разворачивался по традиционной структуре “кадм”. Однако со временем он разработал и осуществил первым среди военно-политических лидеров оппозиции модель войны, позволяющую “моджахедам” прорвать “пространство солидарности” и выйти на национальную арену. Наконец, в 1985 году у Ахмад Шаха появились регулярные воинские подразделения (“катехае маркази”), набор в которые стал осуществляться вне зависимости от сети “кадм”.

С момента создания и демонстрации преимуществ общенациональной организации этих элитных соединений Ахмад Шах развернул деятельность по привлечению к своей военной организации других “пространств солидарности”. Специалисты отмечали, что Масуд “сопругал” регулярные подходы к национальной военной организации с этнополитической спецификой сегментированного джихада в границах “кадм”. Он, в частности, принимал на стажировку непанджшерские группы и их местных полевых командиров, находившихся, согласно получаемым Ахмад Шахом разведанным, в натянутых отношениях с традиционными лидерами. Практическое освоение стажерами модели модернизированной войны, убеждение в ее превосходстве и их последующее включение в уроженческие зоны племенных “кадм” в сопровождении панджшерских инструкторов и советников позволяли Ахмад Шаху последовательно высвобождать джихад из границ локальных пространств этноплеменной солидарности, то есть на деле модернизировать военно-политическую доктрину и этнополитическую практику ее национализации.

Ахмад Шах Масуд, будучи представителем “нового военного мышления” и вместе с тем хорошим знатоком этноплеменной культуры, использовал также социально-психологические факторы “очеловечивания” своей военно-политической доктрины и персонифицированного управления процессом разноразноуровневого цивилизационного масштабирования джихада. В настоящее время новые полевые командиры, представляющие, в конечном счете, конкретные племена и кланы, владея большими знаниями и кругозором по сравнению с традиционными предводителями “моджахедов” являются носителями более рациональных технологий военного противодействия тотальной войне “безбожного противника”. Командиры нового поколения находят в движении Ахмад Шах более современную форму социодинамики (продвижение “обученных” в обход патриархальной иерархии племен и родов). Масуд, оставляя в неприкосновенности традиционную сельскую этносоциальную структуру, осуществлял свою систему национализации джихада преимущественно сверху при помощи модернизации военно-политического управления. С этой целью в 1985 году он создал “Совет по наблюдению за Севером” (“шурае наза”) – структуру коллективного военного управления, призванную преодолеть этнополитическую сегментацию “священной войны” в “пространствах племенной солидарности”, используя политические возможности Исламского общества Афганистана и поддержку его влиятельного лидера Бурхануддина Раббани.

В результате многих лет реформистской деятельности Ахмад Шаха Масуда маневренные вооруженные группы получили возможность беспрепятственно циркулировать по всей территории, находившейся под контролем “Совета Севера”, невзирая на этническую принадлежность и сети “кадм”. Связь по принципу “кадм” ныне функционирует в сфере воспроизводства личной благонадежности и преданности под общей “национальной” крышей широкой этнополитики подбора и выдвижения военных и политических кадров.

Итоги этнополитологического анализа модернизационных процессов в джихаде показывают исследовательские возможности, а в кризисных условиях – также предпочтительность эшелонированного применения фундаментальных и прикладных подходов к изучению таких сложных в своем цивилизационном разнообразии феноменов, как священная мусульманская война в Афганистане. В результатах комплексного применения этнополитологического инструментария в раскрытии многоплановости интересов национальной и международной безопасности в процессе современного джихада реализована одна из важнейших исследовательских задач – разработка научных подходов к обеспечению методолого-методической целостности этнополитологии как системы теоретических и практических знаний.

3.4. Образец полевого этнополитического материала: призыв к джихаду

“СЛОВО О ДЖИХАДЕ”*

Перевод пропагандистской речи, записанной на магнитофонную ленту, стиль сохранен (источник не установлен, кассета найдена у одного из убитых членов банды Ашрафа – “Исламское Общество Афганистана”, 8.10.1982 г.)

Если два мусульманина дерутся между собой или две группы между собой воюют, вы их должны помирить. Если их не помирить, они продолжают воевать, разоружают друг друга. Нападающая группа является агрессором, и вы ее должны уничтожить. Это воля Аллаха. Он любит справедливых, и примирение враждующих групп является волей Аллаха. Закон таков: если две группы воюют, вы их должны помирить.

Почему вы воюете между собой, когда есть враг? Враг посягает на честь Родины, враг хочет нас обесчестить, враг остается в стороне, а вы воюете за кресло. Кресло у врага, вы его еще не завоевали, а вы за кресло убиваете друг друга.

Если один мусульманин убивает другого, то Аллах его проклянет, и он будет подвергнут величайшему наказанию – вечно останется в аду.

Подумайте, братья, тот, кто приказывает убивать друг друга, направляет ИПА на Джамиат, Джамиат на Харакат, Харакат на ИПА или на Махоз**, даже если вам приказывают командиры – они являются неверными (кафирами). Есть два вида кафиrow: один усатый, другой – бородатый. Если человек носит бороду, одевается в белое и носит головной убор, но приказывает убивать мусульман, будь он даже Гульбеддин, Гейлани, Бурхануддин, Моджадади, – он не верит ни в ад, ни в рай, ни в Аллаха. Он обманывает мусульман. Поэтому того, кто нарушает правила, вы должны убить, потому

---

* Текст выбран автором в сотрудничестве с группой политических аналитиков, работавших в свое время в ДРА, из множества материалов, непрерывно заказываемых группе переводчиков (Мискин, Пулат, Сайфуддин, Хайот). Расшифровка кассеты в качестве приложения к записке ЦК КПСС должна была представить симптоматику пропаганды джихада в Афганистане.

Данный отредактированный вариант текста опубликован в ВНЖ МО РА “Айканан банак” (1996, № 1) и монографии автора “Политологические проблемы безопасности: перестройка СССР – Карабах, Армения, Закавказье – Афганистан”. Е., 2009.

** Здесь перечислены краткие названия основных исламских партий, оппозиционных режиму ДРА, ниже в соответствующей последовательности приводятся имена их вождей.

что он за врагов. Потому что он сам враг, кафир, парчамист, халькист*, сеет неприязнь между людьми. Теперь вы поняли? Скажу вам, что когда вы берете оружие и идете на борьбу, а кто-то против нашей борьбы, не давайте ему оружия, так как он—русский. Каждый мусульманин, берущий оружие, защищает Родину. Тот, кто этому мешает, хотя он и мусульманоподобный, является кафиром—направь против него оружие. Если погибнешь—то за правое дело, если он умрет—его место в аду. Любое нападение их на других мусульман—это преступление. Их надо бить, по ним надо стрелять и никогда не покладать оружия. Если кто-то мешает вам, говорит: “Сдай оружие”, то подумайте, а не является ли он шурави**. Не верьте им, они халькисты, парчамисты. Разве мусульманин прикажет убить мусульманина? Разве мусульманин убьет мусульманина? Во имя Аллаха, что это такое?! На Севере везде настоящий враг, а они воюют между собой! Если человек защищается и при этом погибает—он становится “шахидом”. Разве мусульманам обязательно убивать друг друга? Разве это не ошибка? Эти мусульмане—ведь они себя таковыми считают—хоть и носят бороду и белый головной убор, имеют черное сердце. Эти люди не дети мусульман, а дети шайтана. Дети мусульман те, кто ведет борьбу за правое дело, воюет против кафиров. Те, кто направляет мусульман друг на друга, дерется за кресло или на пользу кому-то—а есть такие люди—это кафиры. Эх, безбожник, чего ты сейчас добьешься в борьбе за кресло? Дурак, ничего! Так, или не так?

Если один мусульманин поднимает оружие против другого, разоружи его. Мы говорим, что поддерживаем Джамият, или ИПА, или Харакат, но кто бы из них ни совершил агрессию—уничтожь его! Таков приказ. Знайте, каждая группа, которая очерняет мусульман, недолюбливает их,—является отпрыском шурави, хотя и говорит, что она за Ислам. Если два мусульманина дерутся, старейшины должны их помирить. Если не получится, то вооружи мусульман и уничтожь виновную группу!

Если кто-то поднялся на твою крышу, застрели его. Если кто-то войдет в твой двор через дверную щель, выколи ему глаза! Но если кто-то войдет в твой дом и у тебя, мусульманина, заберет оружие, то, если будет время выбирать, выбери ему смерть.

О безумец! Как ты можешь согласиться с вечным адом, если в тебе есть вера? Если ты все же идешь на это, то у тебя, собаки, вряд ли есть вера. Хотя у тебя

---

* “Парчам” (Знамя) и “Хальк” (Народ) – названия фракций внутри прокоммунистической Народно-демократической партии Афганистана, находившейся у власти в ДРА.

** Слово “шурави” на дари означает “советский”. Во время афганской войны данный термин в массовом сознании афганского населения получил негативное значение захватчика.

хорошая борода, белый головной убор, ты считаешь себя командиром Ислама, ты далек от Ислама. Если он—мусульманин, разве он убьет своего брата? Вы, мусульмане, среди братьев должны распространять мир. Если два брата поссорились, ты что делаешь? Стараешься их помирить. Ведь так? Например, тот школьник был халькистом, сейчас отрастил бороду и называет себя мусульманином. Но может ли быть мусульманином? Изменил обету—но он же парчамист. Что он сделал? Отрастил бородку, чтобы играть мусульманами, вселять в них неприязнь, вражду, убивать мусульман, чтобы мусульмане не объединялись. Разве он действительно не дитя шурави? Для чего он это делает? Для того, чтобы его отец правил Афганистаном. Но мы с вами не верим этим бородам. Каждый, кто очерняет моджахеда, есть дитя шурави. Если ты—мусульманин, борец за правое дело—имеешь горячее сердце, разве ты так поступишь? У бедняка дом далеко наверху, сам живет на улице, а он воюет за кресло. Что же он делает, безбожник? Есть приказ создать специальную группу, чтобы она расстреливала таких людей. Бойтесь Аллаха за то, что вы так воюете. Если вы воюете за то, что он отсюда, а вы оттуда, ты такой, а он сякой,—это не есть Ислам. Каждый должен уважать себя, каждый рад иметь свою историю. Каждый род, который ты видишь, имеет свое место в мире. Он имел силу, но времена меняются. Поэтому, если мы сегодня так сильны, мы не должны другого считать бессильным, так как он в свое время тоже был сильным. Не смейся над ним, потому что и он может завтра над тобой посмеяться. Если ты над ним смеялся, он тебе отомстит. Понятно вам? Аллах говорит, что мусульманин должен беречь свою честь. Если ИПА плохо думает о Джамият, думает, что Джамият за Америку, или Джамият плохо думает об ИПА—что она за русских или за кого-то другого, ты должен оберегать себя от таких слов, так как это нехорошо.

Когда мы ведем джихад против врага, мы должны вспоминать Аллаха, молиться Ему и просить о помощи в достижении цели. Если мы этого не сделаем—мы ничего не достигнем, но если вспомним Аллаха, то—достигнем. Счастье и успехи в руках Аллаха, и только Он может сделать нас счастливыми. Только Он нам поможет. Что мы сможем сделать без Аллаха против танков и вертолетов? Поэтому на поле боя мы всегда должны помнить об Аллахе.

Вы должны поклоняться Аллаху, молиться, быть верными вере, не делать зло мусульманам. Не надо неуместных штрафов за мелочи—10, 20, 30 тысяч. Если ты обижаешь мусульманина, без вины выселяешь с родной земли, на самом деле ты не мусульманин. Тот, кто вас штрафует, кто вам делает зло, тот очерняет исламскую этику перед людьми, он на самом деле не мусульманин.

Он это делает для того, чтобы люди приняли “народную власть”. Мы от многих людей слышали, что они хотят сдаться шурави. Шурави лучше, чем такие мусульмане. Вот такие командиры и те, кто имеет бороду, – сами русские, представители русских и хотят уничтожить Ислам. Мусульманин не должен без основания наказывать, штрафовать и, как раньше вам говорил, убивать. Разве мусульманин убивает мусульманина? Джамиат тянет в свою сторону, Харакат тянет к себе, Махоз тянет к себе, другой тянет к себе. Эти сволочи продали свою Родину, 1350-летнюю Родину продали. Привели 100 тысяч русских солдат с 10 тысячами танков и сделали себя рабами шурави. Вы подумайте, кто убрал Захира – русские или другие? Кто убрал Дауда, Тараки, кто убрал Амина – русские, или другие? Бабрака кто уберет? И его уберут шурави, но, клянусь, и тебя не оставят*. Ты думаешь, они хотят афганцев: халькистов или парчамистов? Нет, им нужна афганская земля! Единственно, они влюблены в землю. Хотят дойти до моря и потом завоевать Пакистан и Индию, арабские государства, а нас с вами эксплуатировать. Вот это – цель шурави. Шурави не хотят ни парчам, ни хальк. Не по наущению ли русских убиты Тараки, Хафизулла**, разве нет? Бабрака они убьют, или другие? Вы же их цыплята, разве они оставят вас? Вашу молодость в Афганистане оставили? Уважаемых людей оставили? Всех они уничтожили. Вы себя считаете умными. Эх вы, темные ослы, подумайте, почему вы заставляете страдать людей?

Если вы – мусульмане, вы должны объединиться и изгнать врага из нашей Родины! Умные люди говорят: надо жить под чистым небом, а не быть рабами чужого рода. Нельзя позволить топтать свою мать чужому солдату. А если умники говорят обратное, то тысяча проклятий таким “ученым”. Подумайте хоть раз: бедный мусульманин Афганистана тянется к Исламу, а мы разделились на 50 частей: один – Хезбе Ислами, другой – Джамиате Ислами, Харакате Энkelоби Ислами, Федойон или Хезбе Ансоуре Ислами, – и стали врагами друг другу. Вы изверги! Куда же деваться мусульманину Афганистана?! Ваша Родина – Афганистан, религия – Ислам, а вы, мусульманские группировки, мусульманские немусульмане, вы же хотите предать Родину. Если вы все объединитесь, крепко возьмете Коран, не будете делиться на части, если вы – афганцы, мусульмане – за освобождение Афганистана, то объединитесь под единым знаменем – вы уничтожите врага! Но если ты хочешь кресло, получаешь зарплату у шурави, получаешь деньги у врагов, значит ты хочешь разрубить на кусочки Афганистан.

Братья мусульмане! Не воюйте между собой, иначе ослабнете. Братья мусульмане! Мы должны быть крепкими против врагов и знать своего врага.

---

* Захир, Дауд, Тараки, Бабрак – главы афганского государства.

** Речь идет о Х. Амине.

Знайте, что каждая группа, которая приказывает убивать мусульман,—она за шурави, она враг Афганистана. Вы должны объединиться, быть едиными, сами уничтожить врага, не проявлять слабости; через разные группы не убивайте своих братьев, выстрелы направьте во врагов. За то, что вы убиваете мусульман, вас ждет вечный ад. Разве это ваш разум, ваша бдительность? Нет, вы не мусульмане. Мусульманин есть брат мусульманину, он не должен делать ему зло. Вы почему делаете зло бедному народу Афганистана, через разрозненные группы убиваете своего брата мусульманина? Вы немного подумайте, что стало с Бухарой из-за вражды между турками и таджиками? (А вражду вселили русские). Шурави спокойно захватили Бухару. Так вот, братья, шурави так работают: вселяют вражду между группами, а среди групп есть такие люди, которые не хотят объединяться с другими мусульманами. Так вот, братья, все, кто не хочет объединиться, сеет вражду между группами,—это “дети шурави”. Вы не верьте им и не поддавайтесь на их хитрости. Если это мулла, или старик, или молодой, каждый, кто вселяет вражду,—они не мусульмане, они враги. Если они за мусульман, то они должны быть за тех, кто побеждает, и восставить под их руководством. Группы должны везде объединяться и бить врага. Таким должно быть мусульманство. Это я вам говорю потому, что если будет так, если будет объединение, то наше правительство, наша Родина будут нашими. А иначе шурави отберут нашу Родину, как Бухару. Вот из-за такой вражды между группами Родина попадает в руки к шурави. После чего не останется ни Родины, ни религии, ни жены, ни детей. Или же те дома, которые принесли нам все эти мучения,—это дома Захира, Надира*, это дома, которые пригласили шурави и принесли нам все эти трудности. Увидите, если вернуться эти дома, с одной стороны, будут сотрудничать с русскими, а с другой стороны—с Америкой, а не с религией и народом. Вот чего хотят эти люди.

Эй, разрозненные группы! Эй, группы, называющие себя мусульманами! Если вы верите в Аллаха, не навлекайте на себя беду. Ты хочешь кресло, но Аллах никогда не посадит тебя в кресло. Он тебе сделает так, что никогда не очухаешься. Он тебе выдаст по всей строгости за то, что ты из-за кресла заставляешь бедных людей гибнуть. Если ты веришь в Аллаха, ты так не поступишь. Если кто так поступает, то вы должны его убить. Если Аллах с нами, найдется ли сила, которая сможет нас сломить? Нас тогда сломят, когда Аллах не будет с нами. Если мы с вами разрознены, то в понедельник и в четверг наши молитвы не будут приняты—до тех пор, пока все не помирятся. У нас такое положение, что ИПА на Джамият, Харакат на Махоз, или другой на другого, а мы с вами должны враждовать с группой, которая за

---

* Приведены имена бывших правителей Афганистана.

кафиров. Отдельный разговор с теми, кто нас приглашает в кафиры. Если этого не будет, не будет и проклятия Аллаха.

Аллах говорит, что вы ослабнете, не останется сил. Потерпите, так как Аллах с терпеливыми. Братья, не расслабляйтесь, не расстраивайтесь. Вы выше всех распрей, вы—мусульмане. Если вы мусульмане, и действительно ваша вера в Аллаха искренняя, вы никогда не унижитесь, и никогда вас не победят. Но наша вера ослабнет, если будут иметь место борьба за кресло или местничество—мы с вами унижимся. Если ваше правое дело не будет принято Аллахом, вы никогда не будете в раю. Каждый хочет в рай. Ты помог борцам за правое дело материально или по-другому? Нет! Так разве рай для таких? Рай—место для тех, кто все и даже жизнь отдает в борьбе за правое дело—будь то мулла, хан или простой человек.

Враг Афганистана—враг исламской религии ступил на нашу Родину. Кто не воюет против него, тот проклят Аллахом. Но если кто-то из вас то за парчам, то за хальк или за кого-то другого—это первейший враг. Вы думаете в рай можно попасть даром? Для этого надо сдать экзамен, надо воевать, помогать и если надо, то—умереть. Мы с вами не должны бояться смерти, потому что если не суждено, смерти не будет. А если что-то суждено—не будет жизни. Тот, кто дома, он не на кладбище, а тот, кто на кладбище, он не дома. Запомните: что суждено одному, никогда не случится с другим. Поэтому все должны выбросить страх смерти, никто не умрет, пока не будет воля Аллаха. Все люди умирают с разрешения Аллаха, а Аллах дает разрешение только тогда, когда приходит необходимое время. Где бы вы ни были, смерть всегда вас найдет, от смерти не убежишь. Братья, разве хороша ваша жизнь в рабстве, жизнь ваших дочерей и жен на службе у русских? Лучше смерть! Смерть в сотни раз лучше такой жизни. Мы с вами должны бороться за освобождение своей Родины от самой смерти. Но если мы с вами испугаемся смерти, тогда русские завлекут наших жен, будут эксплуатировать наших дочерей. Будь проклята такая жизнь, если мы с вами называем ее жизнью!

Но бедный народ Афганистана принял смерть. Я говорю: будьте прокляты, разрозненные группы! Каждый, кто хочет Ислам, хочет Афганистан, хочет правду—да благослови его Аллах. Но кто хочет вот такой Афганистан—Аллах его накажет. Есть такие люди, которые вообще не хотят свободы Афганистана, так как они раньше не были сыты, а сейчас им тепло, под ними машины, они о нас и не думают—разве они хотят, чтобы в Афганистане было хорошо. Есть и такие бесстыдные люди, и они всегда разжигают рознь, и некоторые наши сволочи поддерживают таких людей, убивают своего брата, мусульманина. Где же ваш разум мусульманина? Почему же вы принимаете ад? Мы не боялись ни Захира, ни Дауда, ни Тараки, остальных тоже не боимся. Мы обязаны сказать правду своим братьям-мусульманам:

Мусульмане, объединитесь,
Соединитесь и разбейте врага!

Эй, молодые, смелые люди!

Деритесь как львы и разбейте врага.

(Далее следует молитва:) “Аллах, мы твои беспомощные дети, спаси наш бедный Афганистан. Ты привел проклятых русских по нашей же вине, так как наши правители, судьи продали нас. Старейшины наши изменили Корану и никто из нас не послужил религии, поэтому ты на нас обрушился бедой. Умоляем, прости нас, чтобы мы исправились, и в тот день, когда мы исправимся, ты сам уберешь врага. Освободи нашу Родину, освободи нас от этого стыда, пожалей сирот, вдов. Эти мусульмане не жалеют сирот и вдов, пожалей их хоть ты. Если бы они имели жалость, они бы объединились и разбили врага. Так как нет у них жалости, то они не объединяются. Нет жалости у них, поэтому сам пожалей сирот и вдов. Мы виноваты, но не наказывай нас, спаси народ от врага.

Ты всегда нам помогал, много раз разбивал врага, но мы оказались неблагодарными. Спаси Родину, сделай Коран законом, сделай Коран правителем. Каждому, кто любит Афганистан, каждому, кто жалеет народ Афганистана, каждому, кто находится в джихаде за исламскую религию, дай победу и весь Афганистан дай в их руки.

Помоги тем, кто борется за свободу Афганистана!”

Братья! Эта лента записана человеком, который чист перед небом, борется за торжество Ислама, не склоняется ни в какую сторону, хочет только одного— чтобы Ислам победил на Родине. Переписывайте ее и слушайте везде на мероприятиях!”

* * *

В обозримом будущем, по мнению автора, традиционный джихад в фундаменталистском выражении, а также модернизированный джихад в его превращенных военных и военно-политических формах грозят стать одним из эффективных средств асимметричного сетевого противодействия регулярным армиям, дестабилизации государств и регионов.

Модernизированный джихад может быть использован как инструментарий геостратегического изменения расстановки сил и контроля за ресурсами и рынками с помощью развязывания и манипулирования региональными вооруженными конфликтами¹⁵⁹.

---

¹⁵⁹ См. *George W. Gawrych. Jihad in the 20-th century. Military Review. The Professional Journal of the United States Army. US Army Command & General Staff College, Vol. LXXV-*

Данный материал адресуется читателю, интересующемуся военными и политическими проблемами, с целью углубления его представлений о феномене современного джихада с учетом актуальности угроз национальной и международной безопасности Республики Армения, стран СНГ, а также других государств, преследующих свои интересы в Кавказском регионе.

§ 4. ОБ ОПЫТЕ РАЗРАБОТКИ КОНСЕНСУСНЫХ СЦЕНАРИЕВ В ДЖИХАДЕ: ПОИСКИ И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ

Как отмечалось выше, с приходом к власти в СССР Ю. В. Андропова наметился поворот к более реалистическому соотношению политических, моральных, человеческих и материальных потерь и выигрышей, обретаемых Советским Союзом в ходе затянувшейся афганской войны*. Новая расстановка политических сил предопределила стратегический выбор в пользу выхода СССР из военного конфликта с соответствующей перестройкой военно-политической доктрины, а также соответствующих ей курсов внешней и внутренней политики. Эшелонированная вовлеченность партийно-государственной машины СССР и ДРА в тотальную войну против афганской вооруженной оппозиции, инерционность военно-политического процесса, структурно-функционально закрепленная в директивных, в том числе кадровых механизмах воспроизводства военного конфликта, задавали ограничение в трансформировании деятельности так называемых “обеспечивающих служб”.

Консенсусно-конфликтное (вместо однозначно конфликтного) целеполагание предопределило “сверхзадачу” исследования возможностей формирования предпосылок для реабилитации образа и роли СССР в системе международных отношений. Данная задача стала разрабатываться целой системой академических и отраслевых научных центров в СССР. Определенная роль в этом исследовательском движении была отведена также аналитико-управленческой деятельности специалистов, работавших в Афганистане в режиме активного включенного наблюдения. Одновременно поиски консенсусных сценариев велись и на более высоком – межцивилизационном – уровне контакта воюющих сторон.

Sept.-Oct. 1995, № 5, PP. 33 – 39; *Ralph Peters*. The Culture of Future Conflict. Parameters. The US Army's Senior Professional Journal. US Army War College Quarterly, Vol. XXV, Winter 1995 – 1996, № 4, PP. 18 – 27.

* Политбюро ЦК КПСС 27 ноября 1982 г., сразу после похорон Л. И. Брежнева, по предложению нового главы СССР обсудило вопрос о выводе советских войск из Афганистана. После кончины Ю. В. Андропова в феврале 1984 г. курс на достижение национального согласия в Афганистане был свернут. Торможению данного курса также способствовали международные силы, заинтересованные в продолжении пребывания советских войск в Афганистане и изматывании СССР.

В качестве цели данной глобальной и региональной конструкции советской внешней политики и пропаганды, как уже отмечалось, рассматривался вывод Вооруженных Сил СССР из ДРА. В связи со сменой политического курса стала изменяться также заданность советнической деятельности с интенсивным внедрением в ее содержание аналитических разделов. С осени 1982 года приоритеты задач аналитиков, разрабатывавших политическое и идеологическое противодействие противнику, стали эволюционировать в направлении исследования теории и практики “политики национального согласия”. На фоне продолжающихся разработок проблем традиционного политического и контрпропагандистского противодействия ряд специалистов стал привлекаться к переосмыслению теоретико-методологической базы формирующегося консенсусно-конфликтного курса.

Придерживаясь истины, необходимо сказать, что в данном случае выбор общих очертаний исследовательского поля, а также инструментов изыскания в области этнополитологии не только конфликта, но и консенсуса был задан “сверху”, преимущественно директивно. И только лишь внутри данной, сравнительно более объективной постановки научных и практических задач узким кругом специалистов осуществлялся выбор инструментов, адекватных соответствующим разделам многоуровневой аналитико-управленческой разработки.

Со временем, хотя данный тезис и не выносился на обсуждение советской общественности, стало очевидно, что в основе сложностей перехода к внутриполитическому и внешнеполитическому регулированию афганского конфликта лежит фундаментальная деформация его модели. В свое время для оправдания ввода советских войск, нейтрализации таких международно-правовых оценок, как “агрессия” и “оккупация”, были выработаны методологическая концепция и модель “необъявленной войны империализма против афганского народа”. Именно данная мифологизированная модель под своей ориентацией на оправдание советского присутствия в ДРА и отражения внешней агрессии скрывает базовую структуру афганского конфликта, надолго заблокировав консенсусные потенции возможных сценариев его динамики на собственной внутриполитической основе.

Научное раскрытие сущности базовой модели конфликта, определение ее структуры и динамики в узком кругу аналитиков стали методологической базой для политологического обоснования гипотезы о возможности проведения консенсусных экспериментов, предваряющих и апробирующих политический инструментарий курса на национальный мир.

Теоретическое ядро данной гипотезы органично содержало концепцию возвращения интернационализованного вооруженного конфликта в изначальное русло внутриполитического гражданского конфликта между

оппозицией и официальным режимом Афганистана¹⁶⁰. Именно возвращение самим афганцам изначально выбранных ими ролей участников внутринационального конфликта стала непропагандируемой, но реальной гипотезой о путях вывода советских войск.

Таким образом, уже отталкиваясь от рассмотренных общеметодологических и общеполитических ограничений, рассматривались дополнительные конкретные ограничения, накладываемые на разработку консенсусного эксперимента со стороны режима “военного положения” со всеми вытекающими из него обстоятельствами.

Ограничения, накладываемые “кризисной этнополитикой”, в основном были обусловлены резкой лимитированностью доступа к источникам надежной информации, в непосредственную среду самовыражения субъектов и объектов консенсусно-конфликтной практики. В условиях афганской войны, в связи с реальной опасностью для жизни исследователя передвижений по стране¹⁶¹, неграмотностью большинства населения, отсутствием традиций и обученных кадров для проведения массовых опросов, невозможностью сколько-либо надежной верификации результатов массовых обследований населения, предрасположенному воспринимать интервьюирование как вмешательство в сферу личной жизни, и другими обстоятельствами, из инструментария конкретной этнополитологии практически исключались массовые обследования методами политической социологии.

В связи с необходимостью постоянной практической верификации и апробации результатов анализа, а также их внедрения в практику военно-политического управления особое место в инструментарии прикладной этнополитологии занимал наиболее сложный в своем содержании и структуре метод—“эксперимент”.

В связи с военно-политической и социально-психологической спецификой джихада в Афганистане эксперименты могли проводиться лишь в полевых условиях естественного самовыражения исследуемых объектов. Аналитики чаще всего не имели возможности для предварительного выбора и подго-

---

¹⁶⁰ Политико-идеологическая ангажированность концепции афганского вооруженного конфликта, воплощенной в модели “необъявленной войны против афганского народа”, многие годы исключала равноправное участие в международных переговорах и договорах представителей оппозиции. Подобное искусственное дистанцирование афганской оппозиции исключало принятие ими на себя каких-либо обязательств по соблюдению договоров, в которых они участия не принимали. Фактически такой подход опосредованно стимулировал продолжение войны.

¹⁶¹ Специалисты, работавшие в ДРА в 1982 – 1983 гг., вопреки оценкам официальной афганской пропаганды, знали, что в дневное время суток около 80 % территории Афганистана контролировалось вооруженной оппозицией.

товки регистрации “независимой переменной” с целью контроля за воздействием на “зависимые переменные”. Чаще всего исследователи работали в режиме “естественного эксперимента”, когда приходилось внимательно наблюдать за его объектами и ждать, пока в исследуемом процессе конфликта – консенсуса наступит четко выраженное изменение консенсусных или конфликтных элементов, которые и могли выступать в роли независимой переменной, фактически контролируемой опосредованно.

В консенсусном эксперименте в качестве объектов исследования, а также прямо или опосредованно контролируемой этнополитики рассматривались структуры реальной военной и политической власти как официальных институтов ДРА, так и в сфере действия непризнанных в качестве субъектов законной власти, но тем не менее влиятельных военно-политических подразделений вооруженной оппозиции.

Как независимые интегративные переменные рассматривались характеристики объектов, свидетельствующие об их вхождении в состояние перемирия и сотрудничества (переговоры о переговорах, рекогносцировочные переговоры, реализуемость посреднических предложений, обсуждение и согласование атрибутов вхождения в прямые переговоры, контролируемость условий перемирия, соблюдение гарантий воспроизведения переговоров и самого перемирия и т. п.).

В данном случае имелаась задача проведения своеобразного полевого эксперимента в условиях крайне чувствительного реагирования его объекта – воюющих сторон конфликта в ДРА – на прямое вмешательство в поведение вооруженных формирований, содержащее сколь-либо манипулятивный элемент внешнего воздействия.

Таким образом, полевой эксперимент практически исключал прямые формы контроля за его ходом и предполагал исследовательскую и практическую работу в условиях естественного внутригруппового и внегруппового самовыражения воюющих и переговаривающихся сторон-контрпартнеров. Особую заботу в подготовке и проведении естественного эксперимента по склонению воюющих сторон к консенсусу и сотрудничеству составляло реагирование на кризисную изменчивость ситуации, обусловленную как разнообразными местными военными этнополитическими факторами, так и военно-политическим управлением, осуществляемым из штабных центров вооруженной оппозиции и кабульских властей.

По характеру исследуемых и управляемых объектов, данный вид эксперимента представлял собой сложный комплекс общественной деятельности, не

ограничивающийся лишь сферой военно-политического поведения вооруженных формирований. При внешнем доминировании военно-политических факторов регулирования группового поведения, оно в значительной мере определялось спецификой социокультуры и этнокультуры объекта.

Следует обратить внимание на тесную взаимосвязанность научно-исследовательской и практической сторон эксперимента, исследовательская часть которого содержала в себе, в первую очередь, сбор и анализ сведений об объектах-сторонах военного конфликта, в том числе о таком предмете эксперимента, как консенсусный и конфликтный потенциал во взаимоотношениях между воюющими конкретными формированиями.

В ходе научного изучения использовались те из исследовательских инструментов, которые давали возможность выявить и описать факторы и механизмы детерминации социального, и в первую очередь, военно-политического, в т. ч. этнополитического поведения вооруженных группировок.

Для выявления причинно-следственных связей между общими и особенными характеристиками формирований вооруженной оппозиции, их интересами, целями, а также механизмами регулирования их консенсусного или конфликтного поведения в основном использовались такие инструменты, как изучение документов, внешнее и включенное наблюдение, сбор и анализ экспертной информации, элементы “переговорных технологий”.

Специфика военной обстановки предопределяла лимитирование возможности для всестороннего изучения объекта и предмета консенсусного эксперимента. В связи с этим к разработке программы эксперимента привлекались аналитики из нескольких ведомств и служб, располагавших необходимыми источниками и методами сбора и обработки информации. Объектами изучения на данном этапе являлись не только политические и военно-политические институты (партии, движения и структуры военно-политического управления), но и такие важнейшие элементы традиционного афганского общества, как племена, роды, кланы, их вожди, авторитетные религиозные деятели.

Изучение документов, связанных с деятельностью исследуемых объектов, строилось на источниковедческой базе аналитических служб афганской и советской сторон. Основное внимание было сосредоточено на военно-политическом и политико-правовом анализе программ, уставов, директивных документов и инструкций центральных органов исламских оппозиционных партий и их “исламских комитетов” на местах. В качестве дополнительного источника для изучения официальных оценок и событий исследовательский

эксперимент сопровождался мониторинговым анализом прессы вооруженной оппозиции и ее зарубежных союзников.

В связи с абсолютной невозможностью проведения социологических массовых опросов изучение средств массовой информации в некоторой степени восполняло также дефицит достоверных и репрезентативных оценок состояния общественного мнения в афганском обществе. При изучении данных изданий основное внимание уделялось передовым статьям, обычно выражавшим оценки и позиции руководящих органов и лидеров оппозиционных структур, а также информационным сообщениям о фактах военной и политической деятельности сторон конфликта.

Предметом особого внимания являлось изучение оппозиционных спецпропагандистских материалов, преследовавших цели противодействия советской и афганской контрпропаганде, а также формирования общественных настроений населения в пользу джихада. В данном случае принимался в расчет также тот факт, что в связи с неграмотностью большинства моджахедов спецпропагандистские материалы оппозиция доводила до широких кругов сопротивления посредством групповых зачитываний и толкований через своих активистов¹⁶².

Исследовательская часть подготовки эксперимента включала изучение авторских трудов и выступлений наиболее авторитетных лидеров афганской оппозиции. В дополнение к информации биографического характера, собранной афганскими и советскими аналитическими службами, сопоставительный анализ трудов таких видных оппозиционеров как Гульбеддин Хекматъяр, Бурхануддин Раббани, Себкатулла Моджадади и др. давал возможность точнее установить их реальный военный и этнополитический рейтинг, сферы и формы влияния, а также особенности стиля их лидерства¹⁶³.

В связи с неграмотностью преобладающей части населения вооруженная оппозиция мобилизацию афганцев на джихад осуществляла, в основном, перманентной устной пропагандой как с помощью разветвленной сети пропагандистов, так и с применением современных технических средств.

---

¹⁶² См. Г. С. К. (*Гайк Саргисович Котанджян*). Краткая характеристика некоторых исламских контрреволюционных организаций и основных направлений их подрывной пропаганды. Кабул, август 1982 г., 13 с.

¹⁶³ См. *Себкатулла Моджадади*. Цели национального спасения Афганистана. Б. м., б. г.; "Коротко о жизни одного моджахеда: Биография С. Моджадади". Изд. НФС Афганистана, б. г. (пер. с пушту); *Бурхануддин Раббани*. Мухаммад – первый воспитатель и учитель человечества. Б. м., б. г.; *его же*: Обращение к народу Афганистана. Б. м., б. г. (пер. с дари); *Гульбеддин Хекматъяр*. Требования веры и ее защиты (текст выступления 28.08.1360 г. Хиджры в лагере № 2 ИПА) (пер. с пушту).

В аналитической части подготовки эксперимента специальное место занимало сопоставительное изучение текстов обобщенных обзоров радиовещательных программ оппозиции, разрабатываемых контрпропагандистскими службами официальных информационных институтов ДРА. Решалась задача идентификации целей, аргументации, форм и методов пропаганды со стороны оппозиционных центров, а также специальной и этнокультурной специфики аудитории вещания.

Несмотря на инерцию коранической регламентации изобразительных средств пропаганды, в процессе афганского вооруженного конфликта оппозиция достаточно широко использовала в красочных плакатах, листовках, буклетах произведения изобразительного искусства, в том числе столь престижной исламской традиционной каллиграфии с кораническим содержанием, изображения святых мест, портреты видных исламских деятелей, “шахидов”, карикатуры на своих противников и т. п. Изучение этих и других видов иконографических документов разработчиками сценариев консенсусного эксперимента давало возможность для адекватного представления о сложившихся способах эмоционально-художественного воздействия конкретных оппозиционных организаций на разнообразные группы населения на территориях их проживания и военно-политической активности на арене священной войны.

В схожих, хотя и в несколько специфических направлениях подвергался этнополитологическому и военно-политологическому анализу постоянно пополнявшийся массив кино-, видео- и фотодокументации, отражавший деятельность сторон конфликта. В связи с различным авторством данных документов особый интерес представляло изучение достоверности изображенных фактов и их толкований. С установлением достоверности или искаженности фактов подвергались содержательному анализу визуальные документы, изображавшие специфику племенной войны и “парциального джихада” в этнополитических границах “кадм”, а также военные антигуманные акты сторон конфликта по отношению друг к другу, подготовленные советскими и зарубежными, в основном западными, документалистами.

Актуальность исследовательской разработки аудиовизуальных документов на стадии научной подготовки консенсусного эксперимента была обусловлена достаточно широким использованием оппозицией на местах видеоманитофонов. Изучение установило наличие широкой сети современных технических средств аудиовизуального воспроизведения документов на базе автономных источников энергопитания, контролируемой “исламскими комитетами” на местах.

При анализе фонетических документов выявлялись этнолингвистические и содержательные (целеполагание и аргументация) особенности записанных

обычно на компакткассетах текстов в зависимости от авторства текста и аудитории слушателей.

Автору монографического исследования довелось участвовать в координации аналитической и практической программ полевого естественного эксперимента по изучению конфликтных и консенсусных ресурсов взаимоотношений между воюющими сторонами. Интенсификация разработки методик склонения воюющих формирований к перемирию и сотрудничеству обусловила продвижение практической части эксперимента на примере конкретных формирований вооруженной оппозиции.

Анализ документов сопровождался изучением достоверности и надежности источников информации. Следовало также постоянно учитывать политико-идеологическую предвзятость источников и самих “носителей” интересующей информации, а также их дезинформационную “защищенность”. Особенно существенной была недостоверность статистической информации, отображающей динамику экономического и социального продвижения афганского общества. Лишенные сколько-нибудь серьезной сети подразделений и традиций государственной статистики на местах, госорганы ДРА, импортировав в свою практику советский опыт бюрократических приписок, нередко предоставляемыми данными о мнимом развитии Апрельской революции, вводили аналитические группы в заблуждение, что, в свою очередь, вело к ошибочным выводам.

В связи с резким политическим расслоением афганского общества отмечалась склонность носителей военно-политической и этнополитической информации к организации так называемых контролируемых или “плановых утечек” секретных или псевдоконспиративных сведений. Необходимость противодействия этим мерам, проведение работы на “отсечение дезинформационной базы данных” требовало дополнительных усилий по наблюдению за реальным состоянием изучаемых объектов.

Сопряжение выбранных методик давало возможность контролировать приемлемую надежность и валидность оснований для консенсусного развития событий. Установлению аутентичности документов и адекватности в целом этнополитической и военно-политической информации помогали консультирующие специалисты со страноведческой и историко-лингвистической подготовкой, а также специализированная группа переводчиков.

Этнополитологический анализ в связи с крайней деликатностью изучаемых конфликтных интересов и отношений требовал непрерывной проверки надежности информации. Это осуществлялось в основном с помощью дополни-

тельных аналитико-прикладных методик. Например, посредством сравнения содержания информации, исходящей из одного и того же источника в разное время, в разных ситуациях, отличающихся мерой кризисности. В дополнение к этому метод компаративного анализа независимых источников позволял путем сверки интересующих аналитиков параметров консенсусно-конфликтного потенциала этнополитических объектов обеспечивать как оценку надежности информации, так и достаточное разнообразие аспектов описания объектов. Известные ограничения выдвигали на первый план также такой специфический инструмент обеспечения надежности эксперимента, как способ сопоставления данных и основанных на них выводов со стандартами. В данном случае в вопросах формирования общих оценок и характеристик объекта и предмета эксперимента в качестве стандартов чаще всего рассматривались экспертные и, к сожалению, не всегда обоснованные директивные оценки и установки. Методологические и общетеоретические основания обеспечения валидности эксперимента строились на стандартах, сложившихся в академической и прикладной науке.

Использование разнообразного инструментария межведомственного изучения документов и информации в целом, кроме обеспечения надежности, создавало возможности для более полного соотнесения общих, особенных и единичных этнополитологических и военно-политических измерений объекта эксперимента, осмысления возможной воспроизводимости конкретного консенсусного эксперимента.

Данный подход содействовал также последующему научному обобщению совокупности предварительно обработанных в Афганистане фактов в контексте уже данного, более углубленного исследования на более высоких уровнях анализа этнополитических систем.

Следует иметь в виду, что лишь требования анализа обусловили необходимость чисто умозрительного расчленения комплексного инструментария подготовки и проведения научно-прикладных аспектов военно-политической экспертной работы в Афганистане. Действительно, изучение документов, экспертные оценки, наблюдения и переговорные технологии, несмотря на относительную автономность, в условиях афганского конфликта чаще всего использовались в тесной взаимосвязи и во взаимодополнении. Добавим, что несмотря на определенную методико-инструментальную специализацию конкретных аналитических служб, усугубляющуюся необходимой конфиденциальностью разработок первых подступов к политическому курсу на национальное согласие, ситуация диктовала координацию результатов и приемов работы всех привлеченных аналитических групп. Этим обуславливалась

универсализация методик аналитической работы, а также более тесное межведомственное взаимодействие самих специалистов советнических служб¹⁶⁴.

Недоверие и неприятие согласительных подходов к осмыслению перспектив гражданского конфликта в Афганистане в значительной мере усложняло непосредственный доступ новых специалистов в военно-политическую среду формирования и воспроизводства конфликтного потенциала во взаимоотношениях между “революционными” и “контрреволюционными” участниками войны. Ведомственные службы с соответствующими приемами и методами получения и обработки информации, во-первых, не всегда входили в сферу компетенции политико-аналитического советнического аппарата, во-вторых, решали специфические задачи, лишь частично пересекающиеся с целеполаганием и содержанием нового политического курса СССР.

Именно попытка инновации советнической деятельности группы аналитиков-разработчиков эксперимента по склонению воюющих сторон к национальному согласию определила новое содержание “включенного наблюдения”. В связи с новым политическим целеполаганием и постановкой новых аналитико-управленческих задач был осуществлен пересмотр функций ряда советников, занимавшихся разработкой указанного эксперимента.

Интенсификации разработки первых консенсусных сценариев по склонению воюющих сторон к национальному согласию способствовала организация постоянно действующего межведомственного координационного совещания аналитиков, работавших в качестве включенных наблюдателей-советников в различных организациях афганской стороны. На первом этапе переосмысления военно-политической доктрины СССР в пользу вывода советских войск из Афганистана участники данного координационного совещания последовательно готовили первые секретные эксперименты, как это тогда называлось, по склонению бандформирований вооруженной оппозиции к сотрудничеству с народной властью.

Возвращаясь к исследовательским и практическим задачам консенсусного эксперимента, считаем необходимым подчеркнуть важность двуединости аналитико-управленческой функции включенного наблюдения специалиста в роли советника и аналитика. Отмечая все сложности прямого противостояния силовому курсу советско-афганского руководства так называемой “необъявленной войной”, важно увидеть эту реальную сложность на разных уровнях эшелонов советского и афганского руководства. Даже новый Генеральный секретарь ЦК КПСС, будучи отягощенным участием в

---

¹⁶⁴ Данная тенденция определилась после смены руководства СССР в 1982 г.

принятии политических решений в недавнем прошлом, был вынужден осторожно продвигать новое понимание афганской проблемы через промежуточную стадиальную трансформацию политического курса ЦК КПСС. В связи с этим переосмысливалась также теоретико-методологическая основа, как было рассмотрено выше, воспроизводства “необъявленной войны”.

В соответствии с недемонстрируемой широкой общественности политической волей нового советского руководителя на вывод войск стали реализовываться (на первых этапах – конфиденциально) прямые политологические заказы по разработке механизмов переориентации советско-афганской политической машины на достижение национального согласия, концепций этих политических и политологических трансформаций. В связи с этим содержание и структура включенного наблюдения стали насыщаться аналитической работой на различных уровнях теоретического осмысления конфликтно-консенсусного материала.

В кругу аналитиков, сотрудничавших с автором, реализовывались такие актуальные исследовательские задачи, как стратегическая систематизация аналитической информации по всем основным специализированным службам советской и афганской сторон; разработка гипотез о целесообразных инновациях в политических курсах участников вооруженного конфликта; подготовка аналитической основы для проведения консенсусного эксперимента; подготовка и практическая апробация в переговорах между воюющими сторонами сценариев склонения вооруженных формирований оппозиции к сотрудничеству с властями.

Наряду с перечисленными изыскательскими задачами автором совместно с коллегами по включенному наблюдению также решались специфические аналитико-управленческие задачи. Полезно раскрыть некоторые инструментальные особенности прикладных этнополитологических технологий влияния на реальные политические процессы. Для оценки этой сферы весьма своеобразной прикладной политологической деятельности можно отталкиваться от основополагающих принципов взаимодействия инструмента и объекта социального исследования. Известно, что для возможного уменьшения искажений в измерении и оценках наблюдаемых или опрашиваемых социальных объектов, привносимых исследователем, предусматриваются дополнительные контрольно-корректирующие методики. Другими словами, перед наблюдателями стояла методическая задача: предусмотреть при подытоживании обследования наблюдаемого этнополитического объекта исключение “продуктов” своего взаимодействия с контрагентом.

Статус политического советника и консультанта, непрерывно мыслительно сопровождающего процесс анализа ситуации, подготовки, принятия и организации исполнения решений со стороны подсоветного управленческого аппарата содержал в себе ролевые элементы полевого наблюдения за объектом в естественной обстановке, в реальном непосредственном контакте с ним. Специфическую полевую интеракцию представляло общение с членами афганского руководства и вооруженной оппозиции. Дозированность включения наблюдателя в данном случае демонстративно реализовывалась опосредованностью контактов сторон переводом и атрибутикой переговорного протокола.

Другой стороной реализации вышеприведенного методического принципа учета взаимодействия наблюдателя и наблюдаемого являлось целенаправленное использование перманентного взаимодействия не только для прямого управленческого воздействия, но и опосредованного, в ряде случаев ценностно-ориентационного влияния на политическое поведение контрапартнера.

Двуединость аналитико-управленческого включения давала возможность для постепенного преодоления позиции конфликтного противостояния участников гражданской войны. Деликатность миссии включенного наблюдения заключалась в необходимости соблюдения не только протокольного этикета, но и норм достаточно строгой восточной этики и морали. Нередко за процедурно-бюрократической стороной управленческого взаимодействия скрывались реальные интересы советской и афганской сторон по выработке средств для “спасения лица” в процессе гуманитарной трансформации старого конфликтного курса на курс внутринационального и международного консенсуса.

Размывание образа глубокого и бескомпромиссного внутриафганского противостояния, инерции силовой политики правящей НДПА новым руководством СССР осуществлялось не только посредством паритетных контактов высокого уровня, но и с помощью делегирования полномочий своим политическим, дипломатическим и военным представителям в ДРА.

Анализ опыта аналитико-управленческой работы в ДРА показал, что наиболее эффективное управленческое воздействие на переориентацию позиции афганской стороны в пользу консенсусного сценария в дальнейшем политическом курсе оказывали совместная межведомственная этнополитологическая разработка консенсусно-конфликтных программ и экспериментов, а также сотрудничество в их практической апробации. Вместе с тем сказывалась инерция

бюрократических традиций “экспорта революции”—аппарат афганских властей за исключением отдельных работников находился в явной изоляции от народа.

Попытаемся обобщить задачи теоретической и прикладной этнополитологии, разрабатываемые аналитическими группами в связи с изменением политического курса СССР вокруг Афганистана.

Аналитики, выполняя задание нового руководства СССР, пришли к обоснованию теоретико-методологической ущербности модели “необъявленной войны”, тормозящей в конечном счете курс на вывод войск.

Была обеспечена источниковедческая база для анализа документов партий и других организаций вооруженной оппозиции.

Осуществлена экспертная оценка военно-политического и этнополитического рейтинга оппозиционных организаций и их лидеров¹⁶⁵. На основании полевых наблюдений рекомендованы объекты для первых апробационных экспериментов по склонению вооруженных формирований оппозиции к сотрудничеству с официальными властями.

Проведена первая джирга полевых командиров оппозиции, перешедших к сотрудничеству с центральным правительством.

В результате аналитической работы, проведенной участниками постоянно действующего межведомственного координационного совещания*:

– разработана карта зон влияния оппозиции с наложением на этноконфессиональные ареалы расселения племен и межплеменных союзов “кадм”;

– из непуштунских формирований афганской вооруженной оппозиции в результате этнополитологического анализа и переговоров рекомендованы в качестве наиболее адекватных курсу на национальное согласие объекты консенсусного эксперимента—военные организации Ахмад Шаха Масуда (Панджшерская долина) и Сайида Джаграна (Хазараджат)¹⁶⁶;

---

¹⁶⁵ См. Г. С. К. (Г. С. Котанджян). Контрреволюционные партии и организации, ведущие борьбу против народной власти ДРА, и их идейно-политические платформы. Кабул, март 1983 г., сс. 14 – 17.

* Координатором данного совещания, проводимого дважды в месяц, в 1982 – 1983 гг. на территории посольства СССР в ДРА, являлся автор данного исследования.

¹⁶⁶ “...т. Котанджян Г. С. участвовал в выездных заседаниях штаба зоны ответственности “Центр” в провинциях Бамиан, Парван, Каписа, участвовал в работе центральной комиссии по переговорам в Панджшере... По итогам данных поездок проведен ряд совещаний с афганскими

- библиография трудов по джихаду в Афганистане;
- сводные аналитические материалы по оппозиционным партиям, их идейно-политическим платформам и военно-политической практике;
- сценарий прикладного этнополитологического и практического эксперимента по склонению вооруженных формирований Сайида Джаграна к сотрудничеству.

На взгляд автора, полезным подкреплением теоретико-методологической и методической надежности исследовательского инструментария прикладной этнополитологии может послужить приведение в монографическом исследовании так называемого “живого опыта” использования методических инструментов как для обобщений в теории среднего уровня (например, “Этнополитология вооруженного конфликта в Афганистане”), так и в конкретно-ситуационном военно-политическом анализе (“Исламские политические организации и их лидеры как новые субъекты джихада в Афганистане”).

Своеобразным синтетическим результатом этнополитологических изысканий в области конфликтно-консенсусных ресурсов, взаимоотношений сторон гражданской войны в Афганистане является примерный сценарий консенсусного эксперимента, подготовленный автором в 1982 году. Приводим данный сценарий в основном тексте работы, так как он, во-первых, является как бы средоточием многих научно-практических усилий, приложенных к разработке миротворческого эксперимента среди воюющих сторон, отягощенных преступлениями друг перед другом, во-вторых, потому, что данный сценарий сам является примером комплексного инструментария этнополитологического исследования и практического этнополитического действия.

коллегами, спланированы и реализуются конкретные мероприятия. Среди них следует отметить: разработку совместно с советниками других ведомств методики склонения бандформирований к сотрудничеству с народной властью; подключение министерств и ведомств ДРА к осуществлению программ комплексного обустройства бандформирований численностью в 2500 человек в уезде Мирбачакут Кабульской провинции” (фрагмент из “Отчета о работе в ДРА группы советников ЦК КПСС при ЦК НДПА по проблемам духовной сферы”. г. Кабул, 14 июня 1983 г.).

4.1. Образец прикладной этнополитической разработки на базе полевого этнополитологического исследования в Хазараджате (Афганистан)

Сценарий консенсусного эксперимента¹⁶⁷

Раздел I

СБОР АНАЛИТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПО ИНТЕРЕСУЮЩЕМУ ОБЪЕКТУ С ЦЕЛЬЮ РАЗРАБОТКИ КОНТРПРОПАГАНДИСТСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

1. Какие политические, социальные и другие льготы после декабря 1978 г. получили хазарейцы (анализ законодательных и предложений по другим нормативных актов, обобщающий материал по сферам образования, науки и культуры, экономики, вооруженных сил и т. д.), что запланировано на будущее?
2. Аргументация позитивного отношения народного правительства к шиитской общине (представительство шиитов хазарейцев в Высшем совете улемов, Главном управлении по делам ислама, учеба в религиозных учебных заведениях, в т. ч. на богословском факультете Кабульского университета) в стране и за рубежом (хадж; материальная помощь правительства шиитской общине: ремонт, благоустройство и строительство мечетей и святых мест...).
3. Характеристика жизненного уровня хазарейского населения на территориях, контролируемых правительством и мятежниками (для аргументации того, каких льгот и положительных сдвигов в жизненном уровне хазарейцы лишаются в связи с нахождением территорий их проживания под контролем противника).

Примечание к пп. 1, 2, 3: особое внимание уделить вопросам представительства хазарейцев в партийных и государственных органах (премьер-министр Кештманд и др., а также динамика удельного веса представительства в различных сферах жизни общества).

---

¹⁶⁷ См. Г. С. К. (Г. С. Котанджан). Схема ориентирования мероприятий по организационному, политическому, агитационно-пропагандистскому и военному обеспечению перехода вооруженных отрядов хазарейского населения на сторону народной власти (на примере предложений по склонению к сотрудничеству бандформирований Сайида Джагран). Кабул, 1982 г.

Динамику характеристик по пунктам 1, 2, 3 целесообразно дать (наиболее выигрышные и проигрышные моменты) в разрезе этапов: до революции 1978 г., на ее новом этапе и т. д.

4. Характеристика этносоциального состава бандформирований, командиров подразделений с целью отражения в контрпропагандистских материалах интересов мятежников (в т. ч. возможной апелляции к их этнополитическим интересам...).

5. Характеристика предпринятых в прошлом мер военного, политического, агитпропагандистского характера против бандформирований Сайида Джаграна (русские тексты листовок, вещательных программ, содержания переговоров; акты возмездия в ответ на преступления бандитов; возможные ошибочные действия: в нарушение законности, договоренностей, адатов и т. д.).

6. Анализ противоречий между бандами Сайида Джаграна и другими мятежными организациями, группами (особое внимание целесообразно уделить политическим, религиозным, национальным и межплеменным разногласиям, а также обидам, взаимным претензиям, неразрешенной мести между руководителями контрреволюционных организаций и бандформирований).

Примечание к п. 6: целесообразна систематизация фактов преступлений бандформирований друг перед другом.

Раздел II

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ, ПОЛИТИЧЕСКОМУ, АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОМУ И ВОЕННОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ СКЛОНЕНИЯ БАНДФОРМИРОВАНИЙ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С НАРОДНОЙ ВЛАСТЬЮ

1. Создание специальной группы из полномочных представителей соответствующих служб советнического аппарата вооруженных сил ДРА, а также 40-й армии для разработки программы взаимодействия по данному вопросу (наметить мероприятия по конкретным территориям со сроками и исполнителями).

Примечание к п. 1: после разработки схемы взаимодействия целесообразно задействовать подготовленных и проверенных специалистов с афганской

стороны (по возможности хазарейцев или же уроженцев территорий, находящихся под контролем шиитской общины и их бандформирований).

2. Разработка текста гарантийного письма (аргументация необходимости перехода на сторону народной власти, формулирование условий перехода...).

Следует учесть аргументы, разработанные по пунктам I раздела (пп. 1–6), при этом целесообразно, ссылаясь на “Указ об амнистии”, делать упор на совпадении определенных интересов хазарейского населения, шиитской общины с позицией государственной власти, бесперспективности вооруженной борьбы бандформирований.

При формулировании условий перехода на сторону народной власти следует предусмотреть резервные военные, политические, социальные, экономические (в т.ч. финансовые) условия.

Примечание к п. 2: целесообразно формулирование условий перехода на сторону народной власти предварить анализом условий, выдвигаемых противником (на основании информации от доверенных источников-посредников).

3. Комплектация групп, ведущих переговоры и другие контакты, преимущественно из авторитетных хазарейцев – полномочных представителей народной власти, вооруженных сил ДРА и других ведомств. Обратить особое внимание на паритетность (соответствие) рангов и полномочий договаривающихся сторон, а также встречных гарантий по соблюдению договоренностей; подбор контингента посредников (авторитетность, доверие и т. д.).

Примечание к п. 3: целесообразны инструктаж по содержанию устных комментариев к гарантийному письму и процедуре ведения переговоров, а также “проигрывание” возможных вариантов их хода. С целью обеспечения безопасности хода конкретных переговоров возможна рассылка гарантийных писем также в другие бандформирования (в зонах, соприкасающихся с территорией, контролируемой Сайидом Джаграном).

4. Приведение состава местных партийных и государственных органов (их руководителей) в соответствие с национальным составом территорий, населенных преимущественно хазарейцами. Особое внимание целесообразно обратить на национальный состав оргядер по зоне влияния Сайида Джаграна.

5. Разработка конкретных (показательных) акций в области ислама (шиитской общины):

а) ремонт, реконструкция, строительство, благоустройство наиболее почитаемых шиитских мечетей и святых мест;

б) приведение представительства шиитской общины в высших религиозных органах ДРА, в НОФ*, среди преподавателей и учащихся богословского факультета Кабульского университета в соответствии с удельным весом верующего хазарейского населения;

в) обращение шиитских авторитетов, поддерживающих народную власть, к пастве (возможно также конкретное обращение к Сайиду Джаграну и Бехешти) с призывом прекратить вооруженную борьбу.

6. Проконтролировать реализацию запланированной материальной и медицинской помощи на территориях проживания хазарейского населения (особенно в зоне влияния Сайида Джаграна). При необходимости предусмотреть дополнительную помощь (с пропагандистским обеспечением).

Примечание к п. 6: с учетом того, что возможно использование мятежниками оказываемой помощи для материального поддержания, экипировки воюющих бандформирований, а также с целью оказания эмоционального воздействия целесообразно помощь оказывать преимущественно в виде медикаментов, одежды и обуви для детей, женщин и стариков.

В исключительных случаях возможна более широкая материальная помощь, включая некоторые виды стрелкового оружия (при специальном решении соответствующих руководящих инстанций).

7. Предусмотреть при необходимости выезд видных хазарейцев (т. Кештманда и др.) в Газни или другой населенный пункт Хазараджата (по схеме визита т. Кармаля в Мазари-Шариф). Целесообразно поездки связывать с общепартийными или государственными мероприятиями (выполнение решений ЦК НДПА и правительства ДРА, посещение народнохозяйственных объектов и т. д.).

8. Мероприятия по демонстрации готовности оказания военной помощи со стороны народной власти. Подобную показательную акцию целесообразно провести в виде услуги Сайиду Джаграну (при наличии просьбы с его стороны) против конкретного соперничающего бандформирования.

Примечание к п. 8: подобная акция способствовала бы укреплению позиций представителей народной власти на переговорах; вместе с тем следует предпринять меры по исключению несогласованных военных действий (армии, Царандоя и ХАД)** против партнера по переговорам.

---

* НОФ – национально-освободительный фронт.

** “Царандой” – Внутренние войска, “ХАД” – Служба государственной информации (безопасности) ДРА.

9. Разработка мероприятий по работе с джиргами хазарейцев (или подобными “советами” родо-племенных авторитетов с использованием имеющегося положительного опыта работы – Гардез и др.). Эту работу целесообразно проводить под эгидой НОФ и Министерства по делам племен и народностей.

10. Подготовка, издание и распространение по соответствующим каналам листовок, плакатов, материалов, фотовыставок, показывающих позитивные шаги народной власти по отношению к хазарейскому населению, шиитской общине (использовать аргументацию, факты по пунктам 1-3 раздела I, а также пунктам 4, 5, 6, 9 раздела II). Особое внимание уделить пропаганде “Указа об амнистии” посредством выпуска красочно и доступно оформленной листовки.

Примечание к п. 10: с учетом низкого образовательного уровня, фанатичности определенной части верующих хазарейцев, а также активного подрывного влияния иранских кругов на хазарейское население посредством радиовещания и использования полиграфически привлекательных листовок, плакатов, целесообразно в содержании печатной продукции уметь использовать специфику шиитского толка, отдавая предпочтение рисункам и фотоматериалам.

Большого внимания требует решение проблемы материально-финансового обеспечения привлекательности контрпропагандистских изданий, по крайней мере соперничающих по оформлению с продукцией враждебной пропаганды.

11. Разработка программ (с учетом содержания материалов по пункту 10 раздела II) центрального и местного радиовещания.

Предусмотреть выступления видных хазарейцев по телевидению и радио, отправку на места фоно- и видеокассет с магнитофонными записями с целью использования местным радиовещанием и громкоговорящими устройствами, а также для распространения по специальным каналам среди населения и личного состава бандформирований в зоне влияния Сайида Джаграна.

12. Организовать выступления видных представителей НДПА, народной власти, армии, Царандоя, экономики, культуры, науки и образования хазарейского происхождения в органах центральной печати (с перепечаткой в местных СМИ).

13. Подготовка кино- (теле-) ролика о позитивных шагах народной власти по отношению к хазарейскому населению, шиитской общине (использовать аргументацию, изложенную в пунктах 1-3 раздела I, а также пунктов 4, 5, 6, 7, 9, 11 раздела II).

Организация демонстрации киноролика по телевидению, в кинотеатрах, посредством передвижных киноустановок (особенно в местах преимущественного расселения хазарейцев).

14. Определение оптимальной дислокации на интересующий период боевых агитпропагандистских-гуманитарных отрядов вооруженных сил ДРА, советских войск (с возможным сокращением) по территории преимущественного проживания хазарейского населения (особенно в зоне влияния Сайида Джаграна).

Обеспечить укомплектованность отрядов кадрами, особенно пропагандистскими и медицинскими, соответствующим агитационно-пропагандистским материалом (магнитофонные записи выступлений видных хазарейцев, фильмы по пункту 13 раздела II; текстов и т. п. по пункту 10 раздела II, “Указа об амнистии”, “Обращения к племенам на дари” и т. п.), одеждой и обувью для раздачи детям, женщинам и старикам; медикаментами и продуктами. Целесообразно, чтобы в отряд входила бы санитарно-врачебная бригада, а также концертная группа с преимущественно хазарейским репертуаром.

ПРИМЕЧАНИЯ ОБЩЕГО ПОРЯДКА

а) Целесообразно создать группу по контролю за подготовкой и осуществлением мероприятий (с выездами на места);

б) с целью усиления эмоционального воздействия на аудиторию желательно при реализации пунктов 10, 11, 12, 13, 14 наряду с другими давать материалы в пользу прекращения вооруженной борьбы мятежников из уст “двух матерей”, “двух сестер”, “двух отцов” и т. п. (погибших за народную власть и за интересы контрреволюции);

в) для подкрепления доверия аудитории целесообразно при вещании и в текстах печатной продукции учитывать специфику диалекта дари-хазари.

* * *

Предыдущие выкладки служат подтверждением авторской гипотезы о концептуальной состоятельности и научной инструментальности многоуровневого этнополитологического анализа конфликтно-консенсусной динамики цивилизационных систем в процессе их модернизации. Автор на негативном опыте афганской войны показывает приоритетную роль интересов национальной безопасности в формировании и реализации внешней политики бывшего СССР, а точнее катастрофические последствия недостаточной разработанности концепции национальной безопасности. Приведенный

анализ уроков текущей политической истории убеждает в непреложной истине о концептуальной, теоретико-методологической ущербности доктрины и курса государственной безопасности вокруг Афганистана, не включавшей в себя наряду с другими важными аспектами этнополитологическое видение системы защиты стратегических национальных интересов Отечества, интересов международной безопасности.

Отметим также, что реалистический анализ попыток использовать консенсусные технологии, приведенный в четвертой главе, наглядно раскрывает и границы, трудности осуществления консенсусных технологий, которые автором исследования показаны в конце предыдущей главы.

Подчеркивая важность научного понимания политической, гносеологической и процедурно-технологической ограниченности консенсусного подхода к разрешению этнополитических конфликтов, автор старался показать научную значимость и инструментальную важность цивилизационной постановки данной теоретической и практической проблемы. Результаты разноуровневой апробации авторской гипотезы об актуальности, содержании и инструментари этнополитической теории национальной безопасности дают основание рассматривать проведенное исследование в качестве введения в рассматриваемый специальный раздел этнополитологии. Подобная постановка одной из актуальных проблем политологической, а также политической стратегии стабильности и развития, оставляет для будущих исследований ждущий своего научного осмысления круг актуальных задач цивилизационного будущего на геостратегическом пространстве, именуемом в недавнем прошлом СССР*.

---

* Общий список литературы см. на страницах 202–212.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляющая довольно узкий пока круг отечественных исследований в области этнополитологии работа охватывает, разумеется, с разной степенью полноты, широкий спектр проблем этой относительно недавно сформировавшейся сферы гуманитарного знания. Как уже отмечалось, одни авторы связывают перспективы ее развития с выделением в самостоятельную “автономную” дисциплину. На наш взгляд, получивший, как представляется, достаточно убедительное обоснование в данном исследовании, предпочтительно более широкое понимание этнополитологии как области междисциплинарных политологических исследований в рамках целого комплекса фундаментальных и прикладных наук, включая философию и историю, теорию права и социологию, психологию и антрополого-этнографическое знание, со всем богатством их методолого-теоретического и методико-инструментального багажа.

Такой подход вовсе не означает сведения исследовательских возможностей этнополитологии к эклектическому рядоположению уже выработанных средств познания всех уровней: от общефилософских парадигм, конкретнонаучных теорий и концепций до технологии фиксации отдельных параметров единичных явлений. Напротив, использование категории “цивилизация” как одного из наиболее общих понятий, выработанных в философско-историко-социологическом познании, позволяет учитывать достаточно широкий спектр факторов, определяющих характер этнонациональных отношений моно- и полиэтнических образований, влияющих на формирование преимущественно “конфликтного” или “консенсусного” сценариев развертывания исторического процесса в конкретных этносоциальных системах.

Вместе с тем формирование на этой категориальной основе целостной специальной этнополитологической концепции обеспечивает методологическое единство всех уровней анализа этнополитических реалий, что и положено в основу разработанной и примененной в представленном читателю исследовании авторской модели многоуровневого анализа проблем межцивилизационного контакта. Инструментальные возможности разработанной методологической модели представляются, на наш взгляд, достаточно перспективными в этом отношении.

В контексте установленной проблематики и очерченного понятийного аппарата этнополитологии рассмотрены проблемы национальной безопасности, в результате чего осуществлено дополнение и расширение формируемого категориального ряда, раскрывающего этнополитологическое видение цивилизационного подхода к анализу проблем консенсусного и конфликтного контакта на разных уровнях организации этносоциальных систем. Подводя итоги анализу взаимосвязей этнополитики и национальной безопасности, можно выделить следующие соображения. Этнополитика является составной частью внутренней и внешней политики современных государств по обеспечению своей безопасности.

Интенсивное формирование отечественной этнополитологии как системы специальных политических знаний представляет собой актуальную задачу обеспечения научной основы для системного видения всего разнообразия, в том числе и этнополитического, проблем безопасности на геостратегическом пространстве локализации национальных интересов России и суверенных государств, входивших ранее в СССР. Вместе с тем конкретно-научные результаты анализа “консенсуса-конфликта” между цивилизационными системами воплощены в авторской разработке научно обоснованного инструментария гуманизации вооруженных этнополитических конфликтов, а также их консенсусного урегулирования и разрешения.

Таким образом, в соответствии с поставленной задачей предпринятое исследование проблем национальной безопасности цивилизационных государственных структур типа СССР осуществлено как в фундаментальном этнополитологическом исследовании “сходимости–расходимости” контактирующих цивилизационных систем, так и в прикладных разработках по реализации авторских методологических подходов и моделей в практике этнополитической защиты национальных интересов в области внутренней и внешней безопасности. Цивилизационный подход по итогам исследования обосновывается в качестве одного из основополагающих методологических принципов в формировании этнополитологии национальной безопасности как системы специальных фундаментальных и прикладных обществоведческих знаний. Собственно цивилизационный анализ этнополитических феноменов предлагается как результативный инструмент. Для последующего фундаментального раскрытия этнополитологического аспекта теории национальной безопасности, моделирования консенсусно-конфликтной динамики

процессов раскрытия контактных зон между этносоциальными системами модернизированных и модернизирующихся ареалов. В связи с этим представляются важными результаты сравнительно-аналитического этнополитологического исследования отраженности ценностей в национально-государственной и международной политико-правовой практике, являющихся базой для защиты “прав человека”, в соответствии со “Всеобщей декларацией прав человека”, а также международными пактами об экономических, социальных, культурных, гражданских и политических правах.

Автор показывает, что именно отраженность данных ценностей в национальных системах защиты жизни, свободы и достоинства человека могут послужить одним из главных критериев оценки цивилизационного состояния и ценностной предрасположенности партнеров или контрпартнеров в двуедином процессе “консенсуса-конфликта”.

Таким образом, в соответствии с поставленными задачами исследования разработаны основные теоретико-методологические подходы к цивилизационной идентификации контактирующих в процессе модернизации переходных этносоциальных систем. Рассмотрение ценностно-ориентационных оснований конвергенции-дивергенции политико-правовых институтов модернизированных и трансформирующихся обществ в качестве цивилизационного системообразующего параметра дает возможность для анализа динамики межцивилизационных контактов. Сам анализ при этом сопровождается консенсусно-конфликтной идентификацией, что позволяет более конкретно осмыслить основные подходы к разрешению проблем защиты прав человека в их индивидуальном и национальном измерениях.

Авторская позиция, являясь политологической конкретизацией более широкого цивилизационного подхода, определяет также основные направления научной разработки этнополитики национальной безопасности контактов между государствами, представляющими христианскую и мусульманскую цивилизации в континууме “фундаментализма” и “секуляризма”. Подтверждается продуктивность изучения и таких моделей политической организации этих разных в своем цивилизационном качестве обществ, какими являются “демократический (полиархический) плюрализм” и “деспотический плюрализм”.

В заключение следует отметить, что задача проверки инструментальной применимости авторских методологических подходов к определению предмета формирующейся этнополитологии реализована в обосновании проблематики и методического инструментария прикладной военной этнополитологии. Определенный интерес может представлять и разработка теоретико-методологического базиса фундаментальных разделов теории национальной безопасности в системе знаний становящейся отечественной этнополитологии. Итоги этнополитологического анализа модернизационных процессов в “джихаде” показывают исследовательские возможности, а в кризисных условиях – также предпочтительность углубленного и последовательного применения фундаментальных и прикладных подходов к изучению таких сложных в своем цивилизационном разнообразии феноменов, как священная мусульманская война в Афганистане. Результаты комплексного применения этнополитологического инструментария в раскрытии многоплановости интересов национальной и международной безопасности в процессе современного “джихада” реализуют одну из важнейших исследовательских задач – разработку научных подходов к обеспечению методолого-методической целостности этнополитологии как системы теоретических и практических знаний.

Итоги проведенного исследования служат подтверждением авторской гипотезы о концептуальной состоятельности и научной инструментальности многоуровневого этнополитологического анализа конфликтно-консенсусной динамики цивилизационных систем в процессе их модернизации. Автор на негативном опыте афганской войны показывает приоритетную роль интересов национальной безопасности в формировании и реализации внешней политики бывшего СССР, а точнее катастрофические последствия недостаточной разработанности концепции национального аспекта безопасности. Приведенный анализ уроков текущей политической истории убеждает в концептуальной, теоретико-методологической неполноте советской доктрины и курса государственной безопасности вокруг Афганистана, не включавших в себя наряду с другими важными аспектами этнополитологическое видение системы защиты стратегических национальных интересов СССР, приоритетов его внутренней и внешней безопасности.

Подчеркивая важность научного понимания гносеологической и процедурно-технологической ограниченности консенсусного подхода к

разрешению этнополитических конфликтов, автор представил соображения о причинах реальных трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться в процессе исследования. Вместе с тем показывается научная значимость для обеспечения “необходимого разнообразия” знаний об объектах консенсусного регулирования, а также инструментальная предпочтительность цивилизационной постановки рассматриваемой теоретической и практической проблемы.

Результаты апробации авторской гипотезы об актуальности, содержании и инструментарии этнополитической теории национальной безопасности дают основание рассматривать проведенное исследование в качестве введения в специальный, отражающий стратегические интересы общественного развития, раздел этнополитологии.

Размышления и действия вокруг проблем согласия и конфликта сопровождают нашу жизнь во всех ее измерениях, приобретая временами актуальность в связи с необходимостью выбора позиции не только в рамках личных интересов, но и в масштабах национального, а также межнационального мира и войны. Политические науки, в конечном счете, призваны помогать раскрытию тайны формирования этих индивидуальных предпочтений и их синтеза в интегративный национальный выбор ценностных и целевых ориентаций, в политические доктрины и курсы национальных стратегий”.

Человечество творит свою историю уже на рубежах третьего тысячелетия от Рождества Христова. Отвечая на вызовы объективного исторического процесса, цивилизации продолжают воспроизводить свое библейское разнообразие в судьбах больших и малых народов. Эти главные субъекты этнополитической истории продолжают вершить свой выбор сопряжения социогенетической интеграции в наднациональные сообщества с сохранением этногенетической неповторимости.

Сущность предоставленного историей шанса в текущий отрезок времени за калейдоскопической стихией событий скрывает те кристаллизуемые в этносоциальных коллизиях модели развития и упадка, которые в будущем подтвердят или отвергнут прогнозы сегодняшних футурологов на грядущее тысячелетие. Как будет продолжена народами эстафета исторической свободы познания и реализации своих шансов не только на выживание, но и на продуктивное соучастие в формировании единства цивилизационного разнообразия на геостратегическом пространстве нашего Отечества?

Насколько на полученной нами в наследство от предыдущих поколений “арене этнополитической ответственности” удастся добиться модернизационного прогресса, сохранив экологическое, ноосферное, цивилизационное разнообразие уникального содружества народов и народностей? Будут ли в процессе межсистемных изменений преобладать эволюционное начало, толерантность и устремленность к согласию в межцивилизационных контактах? Ответы на подобные вопросы смогут дать следующие за нами философы политической истории. Ответственность же современных политологов и политиков может быть определена как понимание непреложной истины о том, что составлять эти ответы история

императивно предписала нашему поколению в границах конкретно-исторического времени и пространства осознанного долга, а также спонтанного жизнеотправления.

В связи с этим любые попытки лучшего понимания собственных национальных целей в контексте жизненно важных интересов соседей как по региону обитания, так и по цивилизационным ареалам, планете в целом представляются по крайней мере полезными. В содействии этому заключается просветительская миссия гуманитарного знания. По нашему мнению, согласие и сотрудничество в использовании шансов для прогресса наций в единстве их разнообразия требуют от национальных элит, политических институтов исключительно ответственного, мудрого самоконтроля, самопроверки на предмет необходимого соответствия собственного политологического и политического разнообразия цивилизационному разнообразию судеб как своих, ведомых, так и “чужих” народов.

Реализация вызовов истории во внутрицивилизационном, а также межцивилизационном согласии или конфликте исчерпывает и закрепляет предоставленные шансы в конкретных этнополитических фактах, превращая свободу вчерашнего выбора в осуществленную и невозвратимую вспячь реальность, называемую историей в собственном смысле данной категории.

Подобные подходы к постижению ответственности национальных элит, властных институтов перед народами, к обеспечению эффективности политического поведения в соответствии с необходимой мерой их цивилизационного разнообразия, на наш взгляд, могли бы, наряду с изложенными выше методологическими принципами, лечь в основу дальнейших исследований в области этнополитологии национальной и международной безопасности.

В заключение считаю необходимым выразить признательность за консультации члену-корреспонденту Академии наук Армении Сильве Капутикян, академику Сергею Амбарцумяну, профессорам Жану Тощенко, Эдуарду Скакунову, Роберту Далю, Евгению Леванову, Леониду Гордону, Рубену Саакяну, Уильяму Юри, Владимиру Комаровскому, Аркадию Пригожину, Виктору Шейнису, Вадиму Белову, Геннадию Сергееву, генералам Норату Тер-Григорянцу и Леониду Шершневу.

За помощь в издании монографии считаю также необходимым поблагодарить Норайра Погосяна, Петра Развина, Саргиса Манасеряна и Смбата Симоняна.

Гайк Котанджян

Инновационным вкладом в современную гуманитарную теорию является раскрытие в монографии Г. С. Котанджяна фундаментальной связи цивилизационного подхода к этнополитическим процессам “конфликта – консенсуса” со всем спектром проблем национальной и международной безопасности.

Как известно, конфликт возникает и начинает серьезно беспокоить многих, когда задеты жизненно важные интересы личности, социальной группы, этноса, государства.

В Законе Российской Федерации “О безопасности” само понятие “безопасность” определяется как “состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз”.

Для значительного большинства граждан государство, государственность являются ценностью как институт, обеспечивающий гарантии безопасности и защиту прав человека. События, связанные с разрушением СССР, проблематичность устойчивого существования СНГ, реальные конфликты, а в ряде мест в стадии “вооруженного конфликта”–войны остро и недвусмысленно выдвинули на первый план проблему защиты самого государства от различных внешних и внутренних угроз.

Новая реальность для модернизирующейся России, для других стран состоит также в том, что и само государство становится источником опасности для своих граждан, малых и больших наций, для семьи. Речь идет не только об экологических проблемах, но и о цивилизационном измерении национальной, социальной и т. д. политики этого государства. В такой ситуации защита гражданина от своего государства вроде бы нелепа, парадоксальна. Тем не менее это новая арена развертывания реальных конфликтных ситуаций.

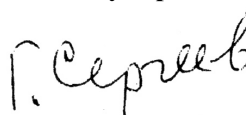
Из сопоставления таких серьезных, на наш взгляд, обстоятельств и возникает ряд новых, актуальных понятий: национальные интересы, национальная цель, национальная безопасность.

Тем самым национальную безопасность можно рассматривать как универсальную ценность, одинаково актуальную и необходимую для гражданина, для маленькой и большой нации, составляющих государство. При таком подходе ответственность за разрешение любого конфликта распределяется на конкретного человека, социальную группу, нацию, а не только на государство. Монографическое исследование Г. С. Котанджяна в итоге аргументированно показывает, что национальную безопасность можно рассматривать как совокупность актуальных факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства, целесообразное развитие и сохранение его фундаментальных цивилизационных ценностей и традиций, нормальных отношений личности и государства, способность эффективно преодолевать любые внешние и внутренние угрозы, руководствоваться своими национальными интересами и целями.

Таким образом, и здесь мы согласны с автором, что может быть раскрыт новый потенциал в гражданине, в таких этносоциальных системах, как этнос, нация, цивилизация, чтобы стабильность в обществе, безопасность личности, среды, социума стали делом каждого человека, каждой партии, независимо от того, левая она, правая или центристская. Здесь, как справедливо утверждается в монографическом исследовании, — широкое цивилизационное пространство для любых конфессий. Здесь имеют шансы договориться и католик, и мусульманин, и буддист, и православный, и иудей. Здесь есть надежда.

Монография Г. С. Котанджяна интересна своей приоритетностью в постановке задачи введения в такой специальный раздел политической науки, каковой является этнополитология национальной безопасности.

**Директор Института
стратегических исследований
Фонда национальной
и международной безопасности**

 Г. М. Сергеев

ОБ ЭТНОПОЛИТИКЕ ВОЙНЫ И МИРА В АФГАНИСТАНЕ

Монография Гайка Саргисовича Котанджяна представляет собой попытку глубокого философского и политологического осмысления сущности тех военных, политических и природных катастроф, негативные социальные последствия которых ему пришлось не только наблюдать, но и в силу включенности в аналитико-управленческий процесс помогать их преодолению. Только лишь перечисление данных кризисов – Афганская война, Карабахский конфликт, борьба против коррупции и бюрократизма партийных руководящих органов, армянское землетрясение, – уже внушает уважение к его опыту аналитической и политико-организаторской работы.

Мне довелось познакомиться с автором в своеобразный период афганского конфликта, когда на его поверхности продолжала бушевать схлестнутая насмерть тотальная война советской и афганской регулярных армий с мусульманской священной войной без фронта и законов в привычном понимании.

Но в это же время с приходом к власти Ю. В. Андропова стали появляться незаметные для непосвященных приверженцев старой силовой политики первые проблески на переоценку сложившихся новых подходов к вводу в Афганистан воинского контингента. Необходимо принять во внимание тот факт, что за вооруженным конфликтом в Афганистане, с одной стороны, стояли расколотые гражданской войной и кровной мстью афганцы, с другой же – по-разному втянутые в войну две сверхдержавы со своим огромным арсеналом разрушительных боевых средств, а также острый “идеологической войны”.

Версия “оказания братской помощи соседнему народу”, подвергнутому агрессии в виде необъявленной войны породила эшелонированную пропаганду по образцу испанского антифашистского прецедента аргументации создания интербригад. С годами у миллионов советских и не только советских людей стала укореняться установка на положительное восприятие участия в афганской войне. Сложился образ человека, оставляющего свой очаг, Отечество ради “выполнения интернационального долга”, невзирая на крайние опасности и жестокость фанатической мусульманской войны без правил. И на самом деле, нельзя отрицать, как это иногда делается, обязательства долга и присяги советских людей

перед своей Родиной, государством, пославшим их на войну, а вместе с тем Советский Союз терял свой авторитет не только на либерально-демократическом Западе, но и у дружественных в прошлом стран третьего мира.

Со временем к советским людям стала доходить информация и другого плана от непосредственных участников войны в Афганистане. Все более болезненно стала восприниматься гибель советских военнослужащих, мирного населения Афганистана. Да и в материальном, финансовом плане страна ощущала непомерное бремя многолетних невосполнимых затрат.

Короче говоря, исходя из внутривнутриполитических и внешнеполитических интересов страны и народа, новый ее руководитель, при всей неоднозначности его деятельности в прошлом, сумел мужественно поставить вопрос о необходимости трезвого расчета высших национальных интересов СССР. Была поставлена задача переосмысления печального опыта афганской войны и ее военно-политической доктрины. Все это делалось в рамках принятой тогда в КПСС и государстве конфиденциальности, с помощью профессиональных групп аналитиков, получавших мандат на включенный анализ, а по итогам—на объективное и независимое мнение (понятно, что независимость была относительной).

Стала пробиваться новая переговорная линия взаимоотношений между воюющими сторонами конфликта, на полуофициальном уровне развернулся зондаж позиций США, союзников по помощи афганским “моджахедам”. Появились первые надежды на урегулирование в связи с посреднической миссией специального посланника Генерального секретаря ООН. Мне вместе с военными и политическими коллегами приходилось наблюдать разнообразные факты неприятия и торможения новой линии и созданию предпосылок для вывода из ДРА советских войск. Внешние и внутренние предпосылки вывода войск в результате невидной для широкой общественности аналитической и советнической деятельности ряда военных и гражданских специалистов стали складываться в концепцию “национального мира” “национального согласия” в Афганистане. Своеобразной теоретической и практической апробации данный курс подвергался на первых подступах к согласию между воюющими сторонами. На базе кропотливой исследовательской и организаторской работы стали вырисовываться содержание и инструменты склонения воюющей оппозиции к сотрудничеству с властями. Необходимо представить крайний скепсис многих советских и

афганских специалистов по поводу возможного согласия между жестокими противниками, отягощенными преступлениями друг перед другом – не зря ведь эти отряды тогда назывались “вооруженными бандформированиями” (правда, только в адрес одной из сторон конфликта).

Однако соединение усилий ряда подготовленных, наделенных доверием воюющих сторон, терпеливых специалистов принесло более углубленное знание военной, политической, этнокультурной специфики и общих характеристик “джихада” на конкретных территориях расселения и военно-политической деятельности племен. Лучшим способом для расширения хождения лозунга о национальном примирении конечно же служили живые примеры подобного согласия и сотрудничества. Следует сказать – данная работа не отличалась большой благодарностью: мы обычно имели дело с отчаянно храбрыми, хитрыми, недоверчивыми, жестокими партнерами и контраптернерами, кстати, очень чувствительными к опасности и фальши во взаимоотношениях.

Гайк Котанджян в 1982–1983 годах, тогда еще молодой кандидат философских наук в области социальной психологии политики, был одним из тех, на кого была возложена вся эта сложная, деликатная и рискованная работа. Риск, в первую очередь, заключался в том, что неверные выводы и рекомендации могли повлечь за собой дополнительные жертвы и потери. Однако не только в этом. Люди, подобные автору представленной монографии, – мои коллеги, были вынуждены не раз бывать на местах дислокации войск, вооруженной оппозиции, наблюдать за их реальной жизнью в буднях регулярных военных подразделений, патриархальных племенных и родовых братств, идейных военно-политических союзов и подлинных бандформирований, участвовать в переговорах. Для оценки меры подвергаемой Г. Котанджяном опасности знатокам афганской войны достаточно знать названия некоторых мест его командировок: Герат, Панджшер, Каписа, Парван, Бамиан, Пагман и др.

Работа Г. Котанджяна кроме внешнего аспекта войны и мира в Афганистане раскрывает внутренний план такого многосложного, и как автор убедительно доказывает, не только военного и религиозного, но и этнополитического феномена, как современный “джихад”.

Методология многоуровневого цивилизационного анализа, представленная в общетеоретических разделах данного исследования, позволяет в значительной мере дополнить разрабатываемую в отечественном и

зарубежном обществоведении модель “джихада” существенными особенностями межцивилизационного и внутрицивилизационного контакта на обоих “уровнях”,—как ареально-цивилизационном и национальном, так и этнополитической специфики перманентной межплеменной войны.

Привлечение, при критическом переосмыслении и переработке, обширной зарубежной этнополитологической литературы позволяет автору предложить более широкий методологический взгляд на проблему “консенсуса–конflikта”, дает возможность рассматривать конкретные контакты между цивилизациями в многомерности этногенных и социогенных факторов с целью адекватного этнополитического влияния на ход кризисных процессов.

Заслуживает внимания также ряд политологических очерков, выступлений и разработок автора, доказывающих его постоянный интерес к осмыслению консенсусных ресурсов для разрешения катастрофических коллизий, присущих в последние годы нашей стране.

Вместе с тем, не считая необходимым полемизировать с Г. Котанджяном, я с пониманием отношусь к праву автора на собственную позицию по всему кругу рассматриваемых проблем.

Думаю, что труд Г. Котанджяна станет полезным подспорьем для поиска путей национального согласия уже не в Афганистане, а у нас дома, в России и других бывших союзных республиках. Монография представляет безусловный интерес для специалистов, занимающихся проблемами национальной и международной безопасности.

**Президент Фонда национальной
и международной безопасности,
генерал-майор**

 Л. И. Шершнев

SUMMARY

Intensive formation of national ethnopolitology as a system of special political knowledge represents in itself an urgent task of providing a scientific basis for the systematic vision of all the variety, including the ethnopolitical one, of the problems of security in the geostrategic space of localization of national interests of Russia and sovereign states incorporated formerly in the USSR.

Alongside with this, the concrete scientific results of the analysis of "consensus-conflict" between civilizational systems are embodied in the author's elaboration of scientifically based instruments for humanization of the armed conflicts, as well as for their settlement and resolution by consensus.

Thus, in according with the set task, the study undertaken on problems of national security of civilizational state structures of the USSR type is implemented both in fundamental ethnopolitical research of "convergence-divergence" of civilizational systems in contact, and in applied works on introduction of the author's methodological approaches and models into the practice of ethnopolitical protection of national interests in the field of internal and external security. Civilizational approach by results of the study is confirmed as one of basic methodological principles in the formation of ethnopolitology as a system of special fundamental and applied sociological knowledge.

Civilizational analysis itself of ethnopolitical phenomena is proposed as an efficient instrument for further fundamental discovery of ethnopolitical aspect of national security theory, for modelling consensus – conflict dynamics of the processes of opening-up zones of contact between ethnosocial systems of modernized and modernizing areas. In connection with this, importance is attributed to the results of comparative analytical ethnopolitical study of reflection in nation-state and international practice of the values comprising the basis for protection of "human rights" in accordance with "Universal Declaration on Human Rights", as well as with the international pacts on economic, social, cultural, civil and political rights.

Accomplishing one of the research tasks, the author shows that it is the reflection of those values in national systems of protection of human life, freedom and dignity, as pointed out above, that may serve as one of the main criteria of estimating civilizational condition and value predisposition of partners or counterpartners in the dual process of "consensus – conflict".

In this way, in accordance with the set tasks of the study, the basic theoretical and methodological approaches are elaborated towards civilizational identification of transient ethnosocial systems coming into contact in the process of modernization. Consideration of the value-orientation bases of convergence-divergence of political and legal institutions of modernized and transforming societies as a civilizational system-creating parameter makes it possible to analyse the dynamics of intercivilizational contacts. The analysis itself is accompanied at that by the consensus-conflict identification, which allows more concretely to think over the basic approaches to the resolution of problems of protection of human rights in their individual and national dimensions.

The author's position, being a concretization of a broader civilizational approach, determines also the main directions of scientific elaboration of ethnopolitics of national security of contacts between the states representing Christian and Muslim civilizations in the continuum of "Tundamentalism" and "secularism". Productivity is confirmed of studying also such models of political organization of these civilizationally different societies as "democratic (polyarchic) pluralism" and "despotic pluralism".

In conclusion it should be noted that the task of verifying instrumental applicability of the author's methodological approaches to the definition of the subject of ethnopolitics being formed is realized in the confirmation of problems and methodological instruments of applied military ethnopolitics. Of a certain interest may also be the elaboration of theoretical and methodological basis for fundamental divisions of the national security theory within the system of knowledge of national ethnopolitics being established. The results of ethnopolitical analysis of modernization processes in "jihad" demonstrate research capabilities and under crisis conditions preferability as well of a deep and consistent use of fundamental and applied approaches toward the study of such complicated in their civilizational variety phenomena as the Holy Muslim War in Afghanistan.

The results of application of ethnopolitological instruments to discover the multiplaneness of national and international security interests in the modern "jihad" process implement one of the most important research tasks, i.e. elaboration of scientific approaches for provision of methodology-methods integrity of ethnopolitology as a system of theoretical and practical knowledge.

The results of the accomplished study serve as a confirmation of the author's hypothesis about conceptual consistency and scientific instrumental applicability of the multi-levelled ethnopolitical analysis of conflict – consensus dynamics of civilizational systems in the process of their modernization. On the negative experience of the Afghan War the author shows a priority role of national security interests in formation and realization of foreign policy of the former USSR or, more precisely, catastrophic consequences of inadequate elaboration of the concept of national aspect of security. The presented analysis of the lessons of current political history confirms the irrevocable truth of conceptual, theoretical and methodological deficiency of the doctrine and the course of state security in regard to Afghanistan, excluding along with other important aspects the ethnopolitological vision of the system of protection of strategic national interests of the Motherland and those of international security.

Pointing out the importance of scientific understanding of gnoseological and procedure-technological limitations of consensus-based approach to the resolution of ethnopolitical conflicts, the author presented his thoughts on the causes of real difficulties he had encountered in the research process. At the same time, a scientific significance of knowledge about the objects of consensus-based settlement for the provision of the requisite variety", as well as an instrumental preferability of putting the theoretical and practical problem considered in civilizational terms are demonstrated.

According to the author, a special fundamental place is occupied by the difficulties of gnoseological character, caused by the inadequacy of perception and knowledge-acquisitional and analytical reflection of the variety of the real ethnopolitical processes and phenomena. A generalized notion of the complexity of communication and interaction between

subjects and objects of consensus-based settlement can be characterized by using one of the universal principles of the general theory of management – "the Law of Requisite Variety"¹.

In application to the sphere of social processes, in particular to the ethnopolitical theory and practice, this notion of theoretical cybernetics could be defined the following way. The optimal interaction in ethnosocial systems in the processes of civilizational analysis and settlement of consensus-conflict presumes that the subjects of the settlement in their content and capacity to display it should be no less various than the objects of ethnopolitical analysis and ethnopolitical management.

The results of the multilevelled verification of the author's hypothesis about importance, contents and instruments of ethnopolitical theory of national security provide basis to consider the study conducted as an introduction into a special division of ethnopolitology reflecting strategic interests of social development.

---

¹ See: Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. L., Chapman and Hall Ltd., 1956.

СПИСОК

использованных источников и литературы

I. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) книги на русском языке

- 1.1. *Абуали Мурари*. Рассказы об исламском обществе из уст Исламского общества Афганистана. – Б. м., б. г.
- 1.2. *Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
- 1.3. *Арцибасов И. К., Егоров С. А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. – М.: Международные отношения, 1989. – 245 с.
- 1.4. *Барсегов Ю. Г.* Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных проблем. К проблеме Нагорного Карабаха. – Ереван: Айастан, 1989. – 102 с.
- 1.5. *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* История международного права. – М.: Международные отношения, 1990. – 208 с.
- 1.6. *Башиорми*. Требования мусульманской науки Афганистана. Издание “Национального фронта спасения Афганистана”. – Б. м., 1981. / Пер. с дари.
- 1.7. *Бердяев Н. А.* Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. – М.: Феникс, 1991. – 83 с.
- 1.8. *Бердяев Н. А.* Самопознание. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
- 1.9. *Бердяев Н. А.* Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – 348 с.
- 1.10. Беженцы: динамика перемещений: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам: Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1989. – 208 с.
- 1.11. *Блищенко И. П.* Дипломатическое право. – М.: Высшая школа, 1990. – 288 с.
- 1.12. *Бурхануддин Раббани*. Мухаммад – первый воспитатель и учитель человечества. – Б. м., б. г.
- 1.13. *Бурхануддин Раббани*. Обращение к народу Афганистана. – Б. м., б. г.
- 1.14. *Бурхануддин Раббани*. Какая борьба? О борьбе и джихаде. – Б. м., б. г.
- 1.15. Бюрократические “игры” и национальная безопасность: теория и практика. Специализированная информация. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 33 с.
- 1.16. *Василенко В. А.* Основы теории международного права. – Киев: Вища школа, 1988. – 288 с.
- 1.17. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

- 1.18. Война в Афганистане. – М.: Воениздат, 1991. – 367 с.
- 1.19. Внешнеполитическая стратегия администрации Буша: подходы к урегулированию региональных проблем. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 224 с.
- 1.20. Военная политика стран Западной Европы. Сборник обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – 204 с.
- 1.21. Всемирная кампания за разоружение. Региональная конференция. Июнь 1989 / Дагомыс, СССР. – Нью-Йорк. – ООН, 1989. – 148 с.
- 1.22. *Гавердовский А. С.* Имплементация норм международного права. – Киев: Вища школа, 1980. – 319 с.
- 1.23. *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории // Собр. соч.: в 14-ти т. – Т. VIII. – М. – Л., 1935. – С. 1. – 468.
- 1.24. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права // Собр. соч.: в 14-ти т. – т. VII. – М. – Л., 1934. – С. 1. – 378.
- 1.25. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
- 1.26. *Грюнебаум фон Г. Э.* Истоки мусульманской цивилизации // Основные черты арабо-мусульманской культуры. – М.: Наука, 1981. – С. 30 – 82.
- 1.27. *Гульбеддин Хекматъяр.* Бог говорит: создавайте исламское государство: Текст выступления перед племенами Афганистана. – Б.м., б.г. (1359 г. Хиджры) / Пер. с дари.
- 1.28. *Гульбеддин Хекматъяр.* Требования веры и ее защиты (текст выступления 28.08.1360 г. Хиджры в лагере № 2 ИПА) / Пер. с дари.
- 1.29. *Давид Р.* Приспособление мусульманского права к современному обществу // Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – С. 392 – 398.
- 1.30. *Данилевский Н. Ф.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
- 1.31. Демографические процессы в СССР 20–80-е гг. (современная зарубежная историография). – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 126 с.
- 1.32. *Джакопини В.* Дарендорф: теория конфликта // Политология вчера и сегодня. – Вып. П., – М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. – 233 с.
- 1.33. *Ерасов Б. С.* Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М.: Наука, 1990.– 207 с.
- 1.34. *Еремеев Д. Е.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М.: Политиздат, 1990. – 268 с.
- 1.35. *Еремеев Д. Е.* На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. – М.: Наука, 1980. – 238 с.
- 1.36. *Жданов Н. В., Игнатенко А. А.* Ислам на пороге XXI века. – М., Политиздат, 1989. – 352 с.

- 1.37. *Журавский А. В.* Христианство и ислам. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
- 1.38. *Заморак Абед.* Такая борьба. – Б. м., б. г. – Изд. ИПА.
- 1.39. Западная демократия: основы стабильности. Научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 32 с.
- 1.40. Ислам в истории народов Востока. – М.: Наука, 1981. – 196 с.
- 1.41. Ислам в СССР. Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока. – М.: Мысль, 1983. – 173 с.
- 1.42. Исчезнувшие: метод террора: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1989. – 120 с.
- 1.43. *Каддафи М.* Зеленая книга. – М.: Международные отношения, 1989. – 160 с.
- 1.44. *Кази Шахид Гази Абдулкадыр Абдулварис аль-Каушари.* Догматы о необходимости. – Дамаск, 1971. / Пер. с дари.
- 1.45. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
- 1.46. *Капутикян С. Б.* Диалог между мною и мною // Апрель: Литературно-художественный и общественно-политический альманах: Вып. V. – М.: Интер-Версо, 1992. – С. 9–22.
- 1.47. *Кейес Ч.* Основа отношений между этническими группами в современных государствах нациях // Этнические процессы в СССР и США: Материалы советско-американского симпозиума. – М.: ИНИОН, 1986. – С. 62 – 74.
- 1.48. *Кива А. В.* Национально-освободительное движение: теория и практика. – М.: Наука, 1989. – 331 с.
- 1.49. *Ким Ир Сен.* О чучхе в нашей революции. – Пхеньян. – Изд. лит-ры на иностранных языках, 1989. – 635 с.
- 1.50. К итогам Венской встречи представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В двух частях. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – I часть. – 338 с, II часть. – 220 с.
- 1.51. *Кокошин А. А., Ларионов В. В.* Предотвращение войны. Доктрины, концепции, перспективы. – М.: Прогресс, 1990. – 184 с.
- 1.52. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. – М.: Наука, 1972. – 495 с.
- 1.53. “Конфликтная политика” США на Ближнем и Среднем Востоке. – М.: Наука, 1990. – 189 с.
- 1.54. Конфликты и консенсус. № 1. Прикладная политология. – М. 1992. – 61 с.
- 1.55. Коран / Перевод и комментарии Крачковского И. Ю. – Издание второе. – М.: Наука, 1986. – 726 с.

- 1.56. Коренное население: глобальное стремление к справедливости: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам: Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1990. – 248 с.
- 1.57. *Косолапов Н. А.* Социальная психология и международные отношения. – М.: Наука, 1983. – 272 с.
- 1.58. *Котанджян Г. С.* Грани согласия-конфликта: Цивилизационные проблемы теоретической и прикладной политологии.–М.: Луч, 1992. – 183 с.
- 1.59. *Котанджян Г. С.* Введение в этнопологию консенсуса–конфликта: Теоретико-методологические проблемы цивилизационного анализа. – М.: Луч, 1992. – 112 с.
- 1.60. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 272 с.
- 1.61. *Кульчар К.* Политический конфликт // Политология вчера и сегодня. Вып. III. – М.: АОН при ЦК КПСС, 1991. – С. 162–180. – 222 с.
- 1.62. *Левин Д. Б.* Международное право и сохранение мира. – М.: Международные отношения, 1971. – 232 с.
- 1.63. *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973. – 160 с.
- 1.64. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 42. – С. 41–174.
- 1.65. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981. – 352 с.
- 1.66. Международная безопасность. Национальные и глобальные аспекты. Дайджест I. – М., 1992. – 72 с.
- 1.67. Международное право в современном мире.– М.: Международные отношения, 1991. – 190 с.
- 1.68. Международные конфликты современности.– М.: Наука, 1983.– 408 с.
- 1.69. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока.– М.: Наука, 1991. – 280 с.
- 1.70. Методологические проблемы междисциплинарных исследований (по материалам советской литературы). Сборник обзоров. – М. ИНИОН АН СССР, 1989. – 172 с.
- 1.71. Методология и методы социальной психологии. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
- 1.72. *Мингазов Л. Х.* Эффективность норм международного права. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 1990. – 208 с.
- 1.73. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.
- 1.74. *Новиков М. П.* Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. – М.: Изд. МГУ, 1991. – 174 с.

- 1.75. *Орвелл Дж.* Ферма энимал. – Нью-Йорк–Москва. – Проблемы Восточной Европы, 1986. – 112 с.
- 1.76. Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структуры. – М.: Наука, 1990. – 337 с.
- 1.77. *Панова В. Ф., Вахтин Ю. Б.* Жизнь Мухаммеда. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
- 1.78. *Паренти М.* Демократия для немногих. – М.: Прогресс, 1990. – 504 с.
- 1.79. *Пирадов А. А.* Региональные конфликты и участие в них ООН (историко-концептуальное исследование). – М.: ДЭМ, 1990. – 96 с.
- 1.80. *Печчеи Аурелио.* Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
- 1.81. Политическая реформа: цели, противоречия, этапы. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1990. – 155 с.
- 1.82. Политология и современный политический процесс (по материалам дискуссии). – М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. – 167 с.
- 1.83. Права человека: Сборник международных документов. – М.: Изд. МГУ, 1986. – 232 с.
- 1.84. Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс). – М.: Наука, 1990. – 316 с.
- 1.85. *Рассел Б.* История западной философии. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1959. – 935 с.
- 1.86. Региональные и локальные конфликты: история и современность: М., ИНИОН АН СССР, 1989. – 236 с.
- 1.87. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век). – М.: Наука, 1991. – 213 с.
- 1.88. Русские и немцы: старые образы врага уступают новым надеждам. Специализированная информация. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 18 с.
- 1.89. *Сарагоса Ф. М.* Завтра всегда поздно. – М.: Прогресс, 1989. – 320 с.
- 1.90. *Секбатулла Моджадади.* Цели национального спасения Афганистана. – Б. м., б. г.; Коротко о жизни одного моджахеда: Биография С. Моджадади. – Изд. НФС Афганистана. – б. г.
- 1.91. *Скакунов Э. И.* Самооборона в международном праве. – М.: Международные отношения, 1973. – 176 с.
- 1.92. *Скакунов Э. И.* Международно-правовые гарантии безопасности государств. – М.: Международные отношения, 1983. – 192 с.
- 1.93. Славяне: Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). – Л.: Изд. ЛГУ, 1989. – 177 с.
- 1.94. Современные войны. Гуманитарные проблемы: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.: Международные отношения, 1990. – 254 с.

- 1.95. *Сорокин Питирим А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд. политической литературы, 1992. – 543 с.
- 1.96. Социальное учение исламского возрожденчества. – М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. – 114 с.
- 1.97. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – М.: Наука, 1990. – 192 с.
- 1.98. США и региональные конфликты (80-е годы) / Кременюк В. А., Беглова Н. С., Васильков В. Ю. и др. – М.: Наука, 1990. – 157 с.
- 1.99. *Сюкияйнен Л. Р.* Концепция мусульманской формы правления и современное государственное устройство в странах арабского Востока // Социально-политические представления в исламе. История и современность. – М.: Наука, 1987. – с. 45–68.
- 1.100. *Теплинский Л. Б.* История советско-афганских отношений. – М.: Мысль, 1988. – 380 с.
- 1.101. *Тернер Дж.* Диалектическая теория конфликта: Ральф Дарендорф // Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 141–160. – 471 с.
- 1.102. *Тернер Дж.* Диалектическая и функциональная теория конфликта: стратегия синтеза // Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 183–218. – 471 с.
- 1.103. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 731 с.
- 1.104. *Тощенко Ж. Т.* Состояние и противоречия общественного сознания к концу 1988 года // Социология перестройки. – М.: Наука, 1990. – С. 81–96.
- 1.105. Требование времени: 150 вопросов и ответов о партизанской войне. – Пешавар: Издание военного комитета ИОА, б. г.
- 1.106. Угроза терроризма и меры правительства по борьбе с ним (Слушания в Сенате США). – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 11 с.
- 1.107. *Уледов А. К.* Духовное обновление общества. – М.: Мысль, 1990. – 335 с.
- 1.108. Учебник для начальных классов. – ИОА. Управление воспитания и учебы. – Б. м. (Хиджры, 1360).
- 1.109. *Фадеева И. Л.* О некоторых категориях цивилизационных различий обществ Запада и Востока // Экономика и политика. Взаимосвязь и взаимодействие. – м.: ИНИОН, 1990. – С. 39–59.
- 1.110. *Фадеева И. Л.* Об эволюции светских тенденций в социально-политическом развитии Турции. К постановке вопроса // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1982. – С. 76–110.
- 1.111. Философские основания теорий международных отношений. Вып. 3. Сборник обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 174.

- 1.112. *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения: Пер. с англ. – М.: Наука, 1990. – 158 с.
- 1.113. Франция и проблема “европейской обороны”. Научно-аналитический обзор. – м.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 61 с.
- 1.114. Хуршид Ахмад. Ислам и Запад.– Кум (Исламская Республика Иран), б. г. / Пер. с перс.
- 1.115. Что необходимо для победы революции и джихада. – Б. м., б. г., – Ч. 1.2.
- 1.116. *Шаран П.* Сравнительная политология. Часть I. – М.: ПМБ РАУ, 1992. – 216 с.
- 1.117. *Шаран П.* Сравнительная политология. Часть II. – М.: ПМБ РАУ, 1992. – 216 с.
- 1.118. *Шармазанишвили Г. В.* От права войны к праву мира. – М.: Международные отношения, 1967. – 192 с.
- 1.119. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. Часть I. – М.: ПМБ РАУ, 1992. – 180 с.
- 1.120. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. Часть II. – М.: ПМБ РАУ, 1992. – 282 с.
- 1.121. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М.: Наука, 1984. – 581 с.
- 1.122. *Эдуардо Хименес де Аречага.* Современное международное право. – М.: Прогресс, 1983. – 480 с.
- 1.123. *Элдер Н., Томас А., Артер Д.* Условия достижения консенсуса // Политология вчера и сегодня. Вып. II. – М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. – С. 154–163.
- 1.124. Этикет у народов Передней Азии. – М.: Наука, 1988. – 264 с.
- 1.125. *Эйби Росс У.* Введение в кибернетику. – М.: Изд. иностранной лит-ры, 1959. – 432 с.
- 1.126. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

б) журналы на русском языке

- 1.127. *Аверкиева Ю. П.* Служебное значение этнографии в США // Вестник истории мировой культуры. – М., 1959. – № 4. – С. 67–74.
- 1.128. *Барг М. А.* О категории “цивилизация” // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 25 – 40.
- 1.129. *Гливаковский А. К.* Национальная безопасность России и геополитика // Кентавр. – 1991. – октябрь-декабрь. – С. 47 – 52.
- 1.130. *Гливаковский А. К.* Перестройка и национальный фактор в СССР // Кентавр. – 1991. – № 3. – С. 19 – 24.

- 1.131. *Котанджян Г. С., Головков А. Э.* Тонкая нить согласия // Огонек. – 1991. – № 6. – февраль. – С. 10–12.
- 1.132. *Лефевр В. А.* От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 25–31.
- 1.133. *Рубанов В.* “...от тоталитаризма нас спасет лишь новая концепция безопасности” // Столица. – 1991. – № 17. – С. 4–6.
- 1.134. *Соловейчик С.* Где эта улица? Где этот храм? // Новое время. – 1991. – № 6. – С. 28–30.
- 1.135. Формация или цивилизации? (круглый стол) // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 34–50.

в) книги и журналы на иностранных языках

– на армянском языке

- 1.136. Библия (на арм. яз.) – Лондон: Армянское евангелическое товарищество, 1989. – 1424 с.
- 1.137. *Котанджян Г. С.* Армянское землетрясение: конфликтологические эссе (на арм. яз.). – Ереван: Айастан, 1992. – 224 с.

– на других иностранных языках

- 1.138. *Anderson B.* Imagined communities: Reflection of the origin and spread of nationalism.– L.: Verso, 1983.– 160 p.
- 1.139. Anthropology at home / ed. by Jackson A.– L.– NY. Tavistock pull, 1987.–X.– 221 p.
- 1.140. *Benedict R.* The chrisanthemum and the sword.– Boston: Houghton Miffilin co., 1946. – 324 p.
- 1.141. *Bialer S.* The conditions of stability in the Soviet Union // Soviet society and culture: Essays in honor of V. Dunham.– Wertview press, 1988.–XII.–290 p.
- 1.142. *Bernard H. R.* Research methods in cultural anthropology. –Newbury Parec etc.: Sage, 1988. – 520 p.
- 1.143. *Black C.* The dynamics of modernization: A study in comparative history. – N.Y.: Harper a. Roiv, 1966. – X. – 207 p.
- 1.144. *Brown Lester R.* A False Sense of Security //State of the World. 1985.–N.Y.: Norton & Company, 1985.– P. 3–22.
- 1.145. *Bush George.* National Security Strategy of the United States: 1990 – 1991.– N.Y.: Brassey's (US) Ins., 1990.– 128 P.
- 1.146. *Chevallier J.* L'idee de nation en L'idee d'etat // L'idee de nation. – P.: Presses univ. de France, 1969.– 231 p.

- 1.147. *Despres L. A.* Towards a theory of ethnic phenomena // Ethnicity and resource competition in plural societies. – P.: Mouton, 1975. – XX. – 221 p.
- 1.148. *Duncan P.* Ideology and national question // Ideology and Soviet politics. – L.: Macmillan, 1988. – VIII. – 258 p.
- 1.149. *Enloe C.* Police, military and ethnicity: Foundations of state power. – New Brunswick: Transaction books, 1980. – 179 p.
- 1.150. *Foster C.* Political culture and regional ethnic minorities // Journal of politics. – Gainesville, 1982. – Vol. 44 – P. 560–569.
- 1.151. *Gumperz J.* The communicative bases of social inequality // Minorities: Community and Identity. – Berlin: Springer, 1982. – P. 109–118.
- 1.152. *Hechter M.* Internal colonialism: The Celtic fringe in the British national development (1936 – 1966). – L.: Routledge and Paul, 1975. – XVIII. – 361 p.
- 1.153. *Kotze D.* Nationalism: A comparative study. – Cape Town: Tafelberg, 1981. – 166 p.
- 1.154. *Lapidus I. M.* A history of Islamic societies. – Cambridge: Cambridge university press, 1988. – XXX, 1002 p.
- 1.155. Les ideologies totalitaires en Amerique Latine // "Faire". – P., 1976. – Oct. – № 12. – P. 26–31.
- 1.156. *Link J.* From Primordialism to nationalism // New nationalism of the developed West. – Boston, etc., 1985. – P. 203 – 253.
- 1.157. *Nach M.* The cauldron of ethnicity in the modern world. – Chicago, L.: Univ. of Chicago press, 1989. – VIII. – 142 p.
- 1.158. *Nairn T.* The break-up of Britain: Crisis and neocolonialism. – L.: NLB, 1977. – 368 p.
- 1.159. Nationalities and nationalism in the USSR: A Soviet dilemma. – Wash., 1977. – VIII. – P. 1–21.
- 1.160. *Orridge A.* Separatism and autonomist nationalism: The structure of regional loyalties in the modern state // National separatism. – Cardiff, 1982. – P. 43 – 74.
- 1.161. *Parenti M.* Ethnic politics and persistence of ethnic identification // The American political science review. – 1967. – Vol. 61 – № 3. – P. 717 – 726.
- 1.162. *Peters R.* Islam and colonialism. The doctrine of jihad in modern history. – The Hague: Mouton, 1979. – IX. – 245 p.
- 1.163. *Rezler J.* Economic and social differentiation and ethnicity // Ethnic diversity and conflict in Eastern Europe. – Santa Barbara (Cal.): ABC-Cliv, 1980. – XII. – 553 p.
- 1.164. *Riasanovsky N.* A history of Russia. – 3rd. ed. – N.Y.: Oxford univ. press, 1977. – XX. – 762 p.

- 1.165. *Rockett R.* Ethnic nationalities in the Soviet Union: Sociological perspective on a historical problem.– N.Y.: Praeger, 1981.– XV.– 173 p.
- 1.166. *Rothschild J.* Ethnopolitics: A conceptual framework. – N.Y.: Columbia univ. press, 1981.– XL– 290 p.
- 1.167. *Seton-Watson H.* Nations and states: An inquiry into the origins of nations and the politics of nationalism. – Boulder (Cal.): Westview press, 1977. – XV.–P. 563.
- 1.168. *Shills F.* Introduction // Ethnic separatism and world politics.– L.: Lanham etc. Univ. press of America, 1984. – P. 1–5.
- 1.169. *Simon L.* Regionalism in the Soviet Union: Challenge or stabilization of the Soviet system? // J. of Baltic studies. – N.Y., 1987.– Vol.18.– № 3.– P. 257–268.
- 1.170. *Simon G.* Nationalismus und Grenzen des Sowjetunion als Welmacht.– Köln, 1988. – 37 s.
- 1.171. *Slawson J., Vosk M.* Unequal Americans: Practices and politics of intergroup relations. – L.: Greenwood press, 1979. – XIII. – 250 p.
- 1.172. *Smith A.* Introduction: The formation of nationalist movements // Nationalist movements. – L.: Macmillan, 1976. – P. 1–2.
- 1.173. *Smith A.* The diffusion of nationalism: Some Historical and sociological perspectives // Brit. J. of sociology.– L., 1978.– Vol. 29.– № 2.– P. 239–251.
- 1.174. *Smith A.* Nationalism in the twentieth century.– Oxford: Robertson, 1979.– X.–257 p.
- 1.175. *Snyder L.* Varieties of nationalism: A comparative study. – N.Y.: Holt, Rinehart a. Winstom, 1976.– 326 p.
- 1.176. *Sonnert G.* Nationalism between modernisation and demodernisation // Canadian review of studies in nationalism.– Charlottetown, 1988.– Voll. 15.– № 1/2.– P. 43–51.
- 1.177. *Stack J.* Ethnic groups as emerging transnational actors // Ethnic identities in a transnational world.– Westport (Conn.): Greenwood press, 1981.– XV.– 226 p.
- 1.178. *Swartz M. J., Turner V, Tuden A. (Eds.)* Political anthropology.– Chicago: aldine publ. co, 1966.– VIII.– 309 p.
- 1.179. The nationalities question in the Soviet Union.– L.– N.Y.: Longman, 1990, –389 p.
- 1.180. *Tiryakian E., Venitte N.* Nationalism and modernity // N.Y. New nationalism of the developed West.– Boston etc.: Allen a. Unuwin, 1985.– XII.–394 p.
- 1.181. *Van den Berghe P.* Protection of ethnic minorities: A critical appraisal // Protection of ethnic minorities.–N.Y.: Pergamon press, 1981.– P. 2–5.
- 1.182. *Van den Berghe.* The ethnic phenomenon.– N.Y: Elsevier, 1981.– XV. – 301 p.

- 1.183. *Van Maanen J.* Tales of the field: On writing ethnography. – Chicago: Univ of Chicago press, 1988. – XVI. – 173 p.
- 1.184. *Werner O., Schoepfle G. M.* Sistematic fieldwork.–Foundations of ethnography and interviewing. 3 – 416 p.
- 1.185. *Williams C.* Introduction // National separatism.–Cardiff: Univ. of Wales press, 1982. – P. 1 – 8.
- 1.186. *Williams B.* Class act: Anthropology and race to nation across ethnic terrain // Annual review of anthropology. – Palo Alto (Cal.) Annu. rev., 1989. – Vol. 18. P. 22–443.
- 1.187. *Wixman R.* Applied Soviet nationality policy: A suggested rationale // Passe – Turco – Tatar, present sovietigue.– P., 1986.– P. 449–468.
- 1.188. *Yinger J. M.* Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterological factors // The uses of controverse in sociology. – N.Y. – L.: Free press, 1976. – P. 198 – 203.
- 1.189. *Zaslavsky V.* Ethnic group Divided: Zonal Stratification and national policy in the Soviet Union // The Soviet Union: Party and society.– L.: Cambridge: Cambridge univ. press, 1988.– P.218– 228.

II. ОФИЦИАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 2.1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1987. – 47 с.
- 2.2. Закон Российской Федерации “О безопасности” // Рос. газета. – 1992. – 5 мая. – С. 5.
- 2.3. Указ Президента Российской Федерации “Об образовании Совета безопасности Российской Федерации” // Рос. газета.– 1992.– 11 июня. – С. 5.

III. МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- 3.1. Александров М. Безопасность СССР: Два взгляда на философию внешней политики // Лит. Россия.–1991.– 22 февр. С. 4–5.
- 3.2. Национальная безопасность: смена приоритетов / Беседа А. Гаспаряна с Н. Н. Воронцовым//Сов. культура.–1990.– 4 августа. – С. 3.
- 3.3. Discussion of the book: Mitchell. The Structure of International Conflict. L.–1981.–355 p. //Международные исследования.–1991 (5).–март–июнь. – С. 61–82.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ КОНСЕНСУСА – КОНФЛИКТА

Цивилизационный аспект национальной безопасности

Ж. Тощенко. О МОНОГРАФИИ 8

ВВЕДЕНИЕ 12

Глава 1. ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ 22

§ 1. ПРОБЛЕМАТИКА И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ 22

§ 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТОЛОГИИ 46

§ 3. КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КРИТИКУ ЗАПАДНОЙ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ 48

Глава 2. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ 57

§ 1. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ 57

§ 2. УРОВНИ ЭТНОПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ 67

§ 3. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КОНСЕНСУСА–КОНФЛИКТА В ТРАНСФОРМАЦИИ СССР–СНГ ... 78

Глава 3. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ–ДИВЕРГЕНЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ .. 104

Глава 4. КОНФЛИКТНАЯ ДИНАМИКА МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНТАКТА (на примере джихада в Афганистане) ...123

§ 1. ОЧЕРК ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ ДЖИХАДА: ЭТНОПОЛИТИКА “СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ” В АФГАНИСТАНЕ 124

§ 2. ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ 130

§ 3. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДЖИХАДЕ 142

3.1. Таджикский этнополитический ресурс джихада–на примере Исламского общества Афганистана (ИОА) ... 142

3.2. Пуштунский этнополитический ресурс джихада–на примере Исламской партии Афганистана (ИПА) 150

3.3. Этнополитология модернизированного джихада по модели Ахмад-Шаха Масуда	155
3.4. Образец полевого этнополитического материала: призыв к джихаду. "СЛОВО О ДЖИХАДЕ"	157
§ 4. ОБ ОПЫТЕ РАЗРАБОТКИ КОНСЕНСУСНЫХ СЦЕНАРИЕВ В ДЖИХАДЕ: ПОИСКИ И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ...	164
4.1. Образец прикладной этнополитической разработки на базе полевого этнополитологического исследования в Хазараджате (Афганистан)	
Сценарий консенсусного эксперимента	178
Раздел I. Сбор аналитического материала по интересующему объекту с целью разработки контрпропагандистской аргументации	178
Раздел II. Некоторые предложения по организационному, политическому, агитационно-пропагандистскому и военному обеспечению склонения бандформирований к сотрудничеству с народной властью	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
ОТ АВТОРА	190
<i>Г. М. Сергеев.</i> К ЧИТАТЕЛЮ	192
<i>Л. И. Шершнев.</i> ОБ ЭТНОПОЛИТИКЕ ВОЙНЫ И МИРА В АФГАНИСТАНЕ	194
SUMMARY	198
Список использованных источников и литературы	202

Г.С.Котанджян

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ КОНСЕНСУСА — КОНФЛИКТА

**Цивилизационный аспект
национальной безопасности**

Рассматривая возможности цивилизационного подхода к научному решению задачи формирования этнополитической теории национальной безопасности, автор очерчивает проблематику и понятийный аппарат этого специального раздела политологии. Подобная постановка одной из актуальных проблем политологической, а также политической стратегии стабильности и развития приглашает к будущим исследованиям цивилизационных перспектив на геостратегическом пространстве, именуемом в недавнем прошлом СССР.

